

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 30

№ 4(95) октябрь – декабрь 2024 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 30**

No. 4(95) october – december 2024

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- В. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- С. К. Буряков**, кандидат политических наук (Омск, Россия)
- В. В. Векленко**, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
- В. В. Николюк**, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
- А. Е. Чечётин**, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- О. В. Арёфьева** — *ответственный секретарь*
(Омск, Россия)
- А. А. Аубакирова**, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
- В. В. Бабурин**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- М. В. Бавсун**, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
- О. И. Бекетов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- В. А. Болдырев**, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
- М. А. Бучакова**, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
- К. В. Вишневецкий**, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
- Ю. В. Герасименко**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- В. В. Головкин**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- Т. Е. Грязнова**, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
- В. А. Гусев**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- А. С. Дежнёв**, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
- Л. В. Денисова**, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)

- М. С. Десятов**, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
- О. А. Дизер**, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
- М. А. Кожевина**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- В. И. Красиков**, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
- В. И. Кудашов**, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
- К. Ляковска**, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
- В. Ф. Луговик**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- Я. М. Мазунин**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- Н. И. Мартишина**, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
- Т. С. Масловская**, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
- М. А. Михайлов**, кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
- А. А. Нечепуренко**, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора
(Омск, Россия)
- Д. В. Попов**, доктор философских наук, доцент (Омск, Россия)
- Ю. Е. Пудовочкин**, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
- Л. А. Пупышева**, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
- Д. С. Рудьман**, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
- Г. Ч. Синченко**, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
- А. А. Турышев**, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
- В. В. Хилюта**, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
- В. В. Чешев**, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
- Ф. Р. Шарифзода**, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арёфьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 20.12.2024. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 13,0. Заказ № 302.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2024

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor (Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
Desyatov M. S., Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Omsk, Russia)

- O. A. Diser**, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Philosophy, Associate Professor
(Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupysheva, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science in Law, Associate Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 20.12.2024. Circulation 100 items. Published sheets 12,0. Printed sheets 13,0. Order No. 302.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

№ 4(95) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2024

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Буряков С. К. Образовательные организации МВД России как субъекты реализации уголовной политики на современном этапе развития государства	301 Buryakov S. K. Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs as the Subjects of Implementation of Criminal Policy at the Modern Stage of the State Development
Нечепуренко А. А., Суверов С. Е. Понятие освобождения от уголовной ответственности: от правового явления к его сущности	308 Nechepurenko A. A., Suverov S. E. The Concept of Exemption from Criminal Liability: from Legal Phenomenon to Its Essence
Миронова Г. Н., Тарасова Л. Я. Правовая оценка угрозы убийством, сопряженной с иными насильственными посягательствами	313 Mironova G. N., Tarasova L. Ya. Legal Assessment of Death Threat related to other Violent Infringements
Гамзина А. В. Борьба полиции с административными правонарушениями: аспект использования оперативно-розыскной деятельности	319 Gamzina A. V. Police Tackling Administrative Offences: the Aspect of Using Operational Crime Detection
Мамедов Ш. Г. Элементы механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях	326 Mamedov Sh. G. Elements of the Mechanism of Criminal Behaviour of Perpetrators of Armed Attacks in Educational Institutions
Право и государство	Law and State
Борков В. Н. Безопасность и свобода личности в теоретико-правовом измерении	334 Borkov V. N. Individual Security and Freedom in Theoretical Legal Dimension
Москаленко Г. Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX – начала XX вв.	340 Moskalenko G. E. Development of the Doctrine of Solidarism in French Political and Legal Thought of 19 th – early 20 th centuries
Гайнов И. Д., Габдрахманов А. Ш., Карнович С. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат: типичные нарушения законодательства и их основные причины	346 Gainov I. D., Gabdrakhmanov A. Sh., Karnovich S. A. Procurator's Supervision over the Observance of the Rights of Citizens with Children to Receive Social Grants: Typical Violations of the Law and their Main Causes
Тимко С. А., Новоселов А. В. Информационное сопровождение деятельности полиции региона глазами омичей	354 Timko S. A., Novoselov A. V. Informational Support of the Regional Police Activities as viewed by Omsk Residents
Бегоян Л. А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения	358 Begoyan L. A. Evaluative Concepts in Criminal Law: Discussions and Solutions
Карамшоев Н. М. Природа терроризма в России и Таджикистане: сравнительный анализ	362 Karamshoev N. M. The Nature of Terrorism in Russia and Tajikistan: Comparative Analysis
Баранов А. М. Понятие уголовного процесса	369 Baranov A. M. The Concept of Criminal Procedure
Кудря А. Д. Эволюция понятия оперативно-розыскных мероприятий: комплексный подход к формированию законодательной дефиниции	373 Kudrya A. D. Evolution of the Concept of Operational Crime Detection Activities: Complex Approach to the Formation of the Legislative Definition
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Ерохина П. В., Мартишина Н. И. Наука и поколение Z	378 Erokhina P. V., Martishina N. I. Science and Generation Z
Пономарев С. Б. О роли искусственной социальной энтропии в генезисе тюремной субкультуры	384 Ponomarev S. B. On the Role of Artificial Social Entropy in the Genesis of Prison Subculture
Петров А. В. Социально-правовые проекции мировоззренческих антиномий российского общественного сознания	390 Petrov A. V. Social and Legal Projections of Worldview Antinomies of Russian Public Consciousness
Беженцев А. А. Коммуникативная культура: интегральная модель в публичном управлении	395 Bezhentsev A. A. Communicative Culture: an Integrative Model in Public Administration
Религия и общество	Religion and Society
Морозов А. А. Традиционность и религиозность в жизненном мире современной молодежи	401 Morozov A. A. Traditionality and Religiousness in the Lifeworld of Modern Youth
Информация для авторов	407 Information for Authors

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343:378

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-301-307

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Образовательные организации МВД России как субъекты реализации уголовной политики на современном этапе развития государства

Сергей Константинович Буряков

кандидат политических наук, начальник¹,

✉ bursk1972@gmail.com

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье обосновывается позиция, что уголовная политика — это политика государства по противодействию преступности, включающая идеи, взгляды, представления и положения, определяющие внутреннюю и международную деятельность органов государственной власти и государственного управления по борьбе с преступностью, осуществляемую при участии институтов гражданского общества. Автором отмечается, что в основе уголовной политики лежит идеология, направленная на формирование единой правовой и социальной доктрины противодействия преступности, в разработке которой в том числе принимают участие научно-исследовательские и образовательные организации, осуществляющие подготовку кадров для правоохранительных органов. На примере образовательных организаций МВД России показана роль подобных учреждений в формировании уголовной политики, аргументируется необходимость их отнесения к субъектам ее реализации.

Ключевые слова: правоохранительные органы, уголовная политика, субъекты уголовной политики, образовательные организации МВД России

Для цитирования: Буряков С. К. Образовательные организации МВД России как субъекты реализации уголовной политики на современном этапе развития государства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 301–307.

Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs as the Subjects of Implementation of Criminal Policy at the Modern Stage of the State Development

Sergey K. Buryakov

Candidate of Political Sciences, chief¹,

✉ bursk1972@gmail.com

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article substantiates the position that criminal policy is a policy of the state in countering crime, including ideas, views, perceptions and provisions that determine the domestic and international activities of public authorities and public administration, carried out with the participation of civil society institutions in combatting crime. It is reported that the basis of criminal policy is an ideology aimed at the formation of a unified legal and social doctrine of countering crime, which is also developed with the help of research and educational organizations involved in training law enforcement personnel. The example of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs demonstrates the role of such institutions in the formation of criminal policy, argues the necessity of their attribution to the subjects of its implementation.

Keywords: law enforcement agencies, criminal policy, subjects of criminal policy, educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs

Citation: Buryakov S. K. Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs as the Subjects of Implementation of Criminal Policy at the Modern Stage of the State Development. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 301–307 (In Russ.).

Защита общества и государства от преступных посягательств является важнейшей задачей, стоящей перед любым государством на каждом этапе его развития. Сегодня преступность активно трансформируется, приобретает новые качественные характеристики и носит все более латентный характер. Это требует адекватного ответа со стороны государства в виде разработки и реализации единой, научно обоснованной и эффективно реализуемой государственной политики, определяющей стратегию и тактику противодействия преступности (при активном участии общественности, институтов гражданского общества).

Борьба с преступностью — особый вид государственной деятельности, возложенный на специализированные правоохранительные органы, которые осуществляют его в силу своих функций. Поэтому именно правоохранительные органы традиционно рассматриваются в качестве субъектов реализации уголовной политики¹.

Не умаляя значения иных правоохранительных органов, укажем, что именно органам внутренних дел (далее — ОВД) принадлежит ключевая роль в реализации основного направления уголовной политики — борьбы с преступностью. Это связано с тем, что полиция как составная часть единой централизованной системы МВД России предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности, что прямо закреплено в ст. 1 Федерального закона «О полиции»².

Исходя из фундаментальной идеологической основы уголовной политики государства необходимо отметить, что она направлена на формирование единой правовой и социальной доктрины противодействия преступности. Очевидно, что в разработку такой доктрины, помимо прямо уполномоченных на то специализированных органов, в том числе участвующих в законодательной деятельности, вовлечены научно-исследовательские и образовательные организации, осуществляющие подготовку кадров для правоохранительных органов, которые, как правило, остаются «за скобками» и не рассматриваются в качестве ключевых субъектов реализации уголовной политики. Наиболее рельеф-

но роль таких организаций проявляется в системе МВД России.

Уголовная политика должна опираться на соответствующее доктринальное, экспертное сопровождение, предполагающее глубокий анализ проблем противодействия преступности, высокий уровень законопроектных работ, научно-практических рекомендаций, учитывающий позитивный международный опыт функционирования уголовной юстиции, прогнозирующих последствия правовых реформ, организационно-структурных преобразований в правоохранительных органах [1, с. 268–269].

Не затушевывая многих проблем уголовной политики, М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин обоснованно отмечают: «Сформулированные концептуальные идеи и положения способны стать руководящими ориентирами для законодательства и практической работы правоохранительных органов. Все это, несомненно, признаки, характеризующие статус уголовной политики как подлинной науки» [2, с. 7–8].

В отечественной юридической литературе проблемам уголовной политики издавна уделялось пристальное внимание, поскольку их исследование имело важное практическое значение: способствовало определению оптимальных направлений и действенных средств борьбы с преступностью в стране [3].

Термин «политика» в переводе с греческого означает «государственные и общественные дела», а в современном понимании отражает функции государства по руководству той или иной сферой общественной жизни. Уголовная политика, как одно из направлений политики социальной, — это государственная политика борьбы с преступностью, которая «призвана обеспечить максимально возможное ограничение этого негативного явления, сведение его к такому уровню, при котором преступность перестанет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять» [4, с. 24].

Общеизвестно, что впервые обозначение данного вида деятельности государства ввел в научный оборот австрийский и немецкий юрист-криминолог, специалист в области международного права Франц фон Лист, давший этому понятию соответствующее доктринальное наполнение [5].

Многочисленные исследования в области государственной политики борьбы с преступностью сложно назвать системными (комплексными), по-

¹ Для целей данного исследования категории «уголовная политика» и «государственная политика противодействия преступности» будут использоваться нами как тождественные.

² Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сколько часто в них отражены только отдельные ее направления. Кроме того, по-прежнему отсутствует единство мнений по поводу содержания понятия «уголовная политика», его соотношения с близкими по смыслу категориями («политика противодействия преступности», «криминологическая политика», «уголовно-правовая политика» и др.). Указанное свидетельствует об актуальности исследований содержания государственной политики в области борьбы с преступностью с учетом динамики политических и правовых процессов, происходящих в Российском государстве и за его пределами.

Чаще всего уголовную политику определяют как генеральную линию в сфере борьбы с преступностью. Вместе с тем в юридической науке представлена широкая палитра мнений о понятии, содержании, направлениях, субъектах формирования и реализации уголовной политики и других ее существенных характеристиках. Не вдаваясь в полемику (поскольку это не является основной задачей данного исследования), отметим, что в качестве титульных исследователями используются разные признаки, характеристики, черты и функции уголовной политики. Обозначим некоторые из них. Так, в отдельных случаях дополнительно подчеркивается, что уголовная политика представляет собой стратегию и тактику борьбы с преступностью (Н. И. Загородников, Н. А. Стручков, С. В. Бородин, Г. Ю. Лесников, Е. П. Ищенко, А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло). При этом такая точка зрения в юридической доктрине является некой «константой» на протяжении длительного периода. Многие авторы акцентированно обращают внимание на приоритет социальной значимости уголовной политики (Л. Д. Гаухман, Ю. И. Ляпунов, И. Я. Козаченко), а также на ее соотношение с другими направлениями деятельности государства (В. Н. Кудрявцев, А. Р. Ратинов, А. В. Кузнецов). Некоторые небезосновательно говорят о комплексности данного понятия (С. С. Восходов, О. Г. Перминов).

Полагаем, что подобный плюрализм взглядов говорит о сложности такого феномена, как уголовная политика, высвечивает его различные грани. Отличающиеся на первый взгляд подходы не только не исключают, а напротив, обуславливают и дополняют друг друга.

На наш взгляд, в определении содержания уголовной политики следует исходить из ее фундаментальной идеологической основы ввиду ее направленности на формирование единой правовой и социальной доктрины противодействия преступности. В связи с этим под *уголовной политикой* мы понимаем *деятельность государства, связанную с разработкой и реализацией «стратегии и тактики»* [6] *организованного противодействия преступности и иным правонарушениям, которая заключается*

в поиске, разработке и целенаправленном использовании в интересах безопасного развития общества имеющихся в распоряжении государства и общества ресурсов, наиболее эффективных общесоциальных и специальных предупредительных мер.

Полагаем, что политика противодействия преступности — это не только деятельность ее субъектов в практической плоскости, но и лежащая в ее основе идеология, основанная на сформированных в обществе на современном этапе идеях, взглядах, представлениях о характере и содержании деятельности государства по противодействию преступности. Воплощенная в соответствующих нормативно- и политико-правовых документах и реализуемая в практической деятельности, связанной с охраной общественных отношений от преступных посягательств, эта идеология определяет стратегию и тактику противодействия преступности: цели, принципы, основные направления (формы), методы, содержание, характер и перспективы соответствующих усилий государства и общества.

Несмотря на то что подобная позиция поддерживается в науке многими учеными (например, С. К. Гогелем, Н. А. Беляевым, Б. В. Здравомысловым), вопросам идеологической составляющей уголовной политики в соответствующей доктрине уделяется неоправданно мало внимания.

Значимость теоретической и научной обоснованности предлагаемых новаций в реализации уголовной политики на современном этапе трудно переоценить. Любое реформирование, а также реализация политической воли должны начинаться с определения сущности содержания уголовной политики — Национальной концепции безопасности государства (доктрины), прерогатива разработки которой принадлежит субъектам реализации уголовной политики, обладающим правом законодательной инициативы.

Рассматривая правоохранительные органы в качестве основных субъектов реализации уголовной политики государства, необходимо отметить, что в настоящий момент понятие правоохранительных органов, равно как и их перечень, легально не определены. Принято считать, что правоохранительная деятельность — это государственная деятельность, которая осуществляется в целях охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом при неуклонном соблюдении установленного им порядка [7, с. 5]. К правоохранительным органам следует относить упомянутые в данном определении уполномоченные органы, на которые возложены правоохранительные функции: конституционный контроль, правосудие, организационное обеспечение деятельности судов, прокурорский надзор; выявление и расследование пре-

ступлений; оказание юридической помощи [8, с. 19]. Вполне естественно, что при таком подходе их перечень необоснованно расширяется. Например, к ним в данном случае может быть причислена адвокатура, которая вообще не является органом государственной власти.

Очевидно, что для целей настоящего исследования, исходя из его предмета, необходимо использовать другой, более узкий подход, в соответствии с которым правоохранительная деятельность воспринимается как особый специализированный вид государственной деятельности так называемых органов правопорядка (прокуратура, Следственный комитет Российской Федерации, органы внутренних дел, таможенные органы, учреждения уголовно-исполнительной системы и т. д.). В соответствии с их определяющей функцией (охрана общества и государства от противоправных посягательств) каждый из них включен в механизм реализации уголовной политики в пределах своей компетенции в качестве самостоятельных субъектов.

Как было отмечено ранее, ОВД играют значительную роль в реализации уголовной политики государства. Так, на современном этапе МВД России нормативно определяется как федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. В соответствии со своими полномочиями, определенными Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, включая Типовое положение о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, МВД России:

- 1) обобщает практику применения законодательства РФ и проводит анализ реализации государственной политики в сфере внутренних дел (п. 6);
- 2) формирует государственную политику (п. 27);
- 3) организует кадровое обеспечение системы МВД России, частью которой является образовательная и научная деятельность (не образует самостоятельную задачу) (п. 68).

Вместе с тем вызывают особую сложность вопросы участия МВД России и других правоохранительных органов в качестве субъектов формирования уголовной политики на законодательном уровне, поскольку, во-первых, большинство из них является органами исполнительной власти (за исключением прокуратуры и Следственного комитета РФ), во-вторых, они не отнесены к субъектам прямой законодательной инициативы, поскольку согласно ч. 1 ст. 104 Конституции РФ соответствующее право (право законодательной инициативы) принадлежит Президенту РФ, Совету Федерации, сенаторам РФ, депутатам Государственной Думы, Правительству РФ,

законодательным (представительным) органам субъектов РФ, а также Конституционному Суду РФ и Верховному Суду РФ по вопросам их ведения.

Однако, хотя МВД России не является прямым субъектом законодательной инициативы, т. е. не может вносить законопроекты непосредственно в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, нормотворческая деятельность является одной из его ключевых функций.

Содержание нормотворческой деятельности МВД России включает: 1) собственное нормотворчество; 2) межведомственное нормотворчество; 3) участие в нормотворческой деятельности по линии других государственных органов [9, с. 126], в том числе участие в законотворческой деятельности федерального органа законодательной власти.

Совершенствование законодательства по борьбе с преступностью в настоящее время осуществляется во многом посредством взаимодействия федерального органа законодательной власти, представительных (законодательных) органов субъектов Российской Федерации и МВД России. Существенный вклад в его эффективность вносят образовательные и научно-исследовательские организации, входящие в систему МВД России (далее — образовательные организации МВД России), обеспечивающие научное сопровождение всех этапов законотворческого процесса, от обоснования потребности принятия новых законодательных актов, совершенствования имеющихся (формирование законотворческой инициативы, подготовка заключений по законопроектам) до оценки эффективности правового регулирования соответствующей сферы правоприменения (посредством осуществления мониторинга).

Условия социально-экономического развития и глобальные вызовы требуют от правоохранительной системы России высокого уровня компетенции и профессионализма. В этом контексте образовательные организации МВД России становятся ключевыми субъектами, способствующими реализации уголовной политики государства, значение которых принципиально возрастает в условиях, когда криминальная обстановка усложняется, а виды преступлений становятся более изощренными и технологически продвинутыми.

Образовательные организации МВД России играют ключевую роль в формировании кадрового потенциала правоохранительных органов, способствуя последовательной и успешной реализации уголовной политики государства. Их деятельность направлена на подготовку специалистов, способных эффективно противодействовать преступности в условиях современных вызовов и угроз. В настоящее время перед ними стоит задача не только пере-

дачи знаний, но и формирования у обучающихся профессиональных навыков, необходимых для надлежащего выполнения служебных обязанностей.

Современные образовательные программы в вузах МВД России ориентированы на комплексное развитие профессиональных компетенций. Они включают изучение теории государства и права, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, административного и иных отраслей права, прямо или опосредованно связанных с деятельностью государства по борьбе с преступностью, а также практическую подготовку, способствующую выработке аналитического мышления и навыков принятия решений в сложных и нестандартных ситуациях. При осуществлении образовательного процесса в вузах МВД России особое внимание уделяется вопросам обеспечения прав человека в деятельности полиции, что отражает гуманитарную направленность уголовной политики государства и стремление к соблюдению правовых норм в деятельности правоохранительных органов.

Инновационные методики обучения, внедряемые в образовательный процесс, способствуют более глубокому усвоению материала и повышению уровня подготовки будущих сотрудников МВД России. Использование симуляционных технологий, ролевых игр и ситуационных задач помогает курсантам и слушателям приближаться к реальным условиям службы, развивать критическое мышление и способность своевременно реагировать на изменения оперативной обстановки.

Образовательные организации МВД России не только формируют будущих сотрудников, но и выступают в качестве центров научных исследований, которые способствуют разработке новых стратегий и тактик борьбы с преступностью. В связи с этим отметим, что в Академии управления МВД России — головном научном и методическом центре по исследованию проблем совершенствования управления органами внутренних дел, подготовки и деятельности руководящего состава органов внутренних дел — функционирует кафедра уголовной политики.

В условиях стремительного развития информационных технологий, которые, с одной стороны, представляют новые возможности для борьбы с преступностью, а с другой — создают новые вызовы в виде киберпреступлений и транснациональной организованной преступности, деятельность образовательных организаций МВД России в формировании и реализации уголовной политики приобретает особую значимость.

Справедливо отметил профессор В. В. Лазарев: «Любая наука рискует, если не проводит последовательно передовые методологические парадигмы ис-

следования. Но юридическая наука специфична тем, что она не может игнорировать постулаты законодательства и юридической практики» [10, с. 152]. Здесь нельзя не сказать о том, что, осуществляя научные исследования в сфере борьбы с преступностью, образовательные организации МВД России, ориентируясь на потребности правоприменителя, действуют не только по своей инициативе, но и по его заявкам и при непосредственном участии.

Кроме того, образовательные организации МВД России активно сотрудничают с международными партнерами, что позволяет внедрять в учебный процесс передовой зарубежный опыт и современные практики. Это способствует не только повышению качества образования, но и укреплению международного сотрудничества в области борьбы с преступностью, что является важным аспектом реализации уголовной политики в условиях глобализации.

Таким образом, образовательные организации МВД России выступают значимыми субъектами реализации уголовной политики государства, обеспечивая подготовку высококвалифицированных кадров, способных эффективно выполнять задачи по защите правопорядка. Их деятельность отражает современные тенденции в правоохранительной сфере и способствует формированию профессионального сообщества, ориентированного на соблюдение законности и прав человека.

Актуальность изучения роли образовательных организаций МВД России в реализации уголовной политики в качестве самостоятельных субъектов обусловлена также необходимостью постоянного обновления и адаптации образовательных программ к перманентно изменяющимся социальным, экономическим, правовым условиям и новым вызовам времени. Это позволяет готовить специалистов, способных эффективно реагировать на изменения в преступной среде и применять современные методы выявления, расследования и профилактики преступлений. В условиях глобализации и роста миграционных потоков важным аспектом становится подготовка кадров, способных работать в многонациональной и мультикультурной среде.

Кроме того, значимость образовательных организаций МВД России как субъектов реализации уголовной политики проявляется в необходимости формирования у будущих сотрудников высокого уровня правосознания и правовой культуры, что является основой для укрепления доверия общества к правоохранительным органам.

Осветить исчерпывающим образом в рамках статьи все аспекты деятельности образовательных организаций МВД России как субъектов реализации уголовной политики государства на современном этапе, описать их вклад в решение приоритетных

задач по борьбе с преступностью, разумеется, невозможно. Представляется, что обозначенные вопросы нуждаются в комплексном монографическом исследовании.

Для получения репрезентативных результатов исследования деятельности образовательных организаций МВД России как самостоятельных субъектов реализации уголовной политики особое значение имеет выбор методологической основы. Здесь важно применять разнообразные методы (философские, общенаучные, частнонаучные, специальные) и использовать широкий спектр источников.

Выбор в пользу системного подхода в данном случае обеспечит целостное и комплексное понимание роли образовательных организаций МВД России в реализации уголовной политики, позволит рассматривать их в качестве интегральных элементов, взаимодействующих с другими субъектами.

Использование общенаучных (анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования, аналогии, моделирования и др.) и собственно юридических (догматического анализа, метода юридической компаративистики, историко-правового метода и пр.) методов, а также семиотического анализа текстов нормативно-правых актов законодательного и подзаконного уровня, регламентирующих деятельность образовательных организаций МВД России и других ведомств, позволит выявить дефекты в правовом регулировании, обозначить поводы для реализации нормотворческой инициативы, максимально учесть широкие правовые, социокультурные, экономические и другие контексты. Сравнительно-правовой анализ даст возможность сопоставить российский и международный опыт, выявить сильные и слабые стороны подготовки кадров для правоохранительных органов.

Эмпирическая база таких исследований должна включать в себя результаты, полученные с помощью конкретных социологических исследований (опросы курсантов, слушателей и профессорско-преподавательского состава, экспертное интервьюирование представителей образовательных организаций и правоприменительных органов), а также данные из официальных отчетов МВД России, статистических сборников и т. д. Такой инструментарий обеспечит получение актуальной информации о состоянии образовательной деятельности в системе МВД России, выявление позитивных и негативных тенденций, проблем, требующих организационного и (или) нормативного разрешения.

В этом отношении отдельно стоит выделить использование экспертных интервью с представителями образовательных организаций МВД России и сотрудниками правоохранительных органов, в ходе ко-

торых возможно получить инсайдерскую информацию о реальных процессах и проблемах, имеющих в данной сфере.

Скрупулезный анализ имеющихся научных трудов (статей, монографий, диссертационных исследований) и учебной литературы, в которых затрагиваются вопросы уголовной политики и роли образовательных организаций в ее реализации, позволят оценить степень их научной разработанности, создать платформу для конструктивных дискуссий.

Таким образом, комплексная методология и разнообразие источников получения необходимой информации позволят обеспечить объективное, полное и всестороннее исследование деятельности образовательных организаций МВД России как субъектов реализации уголовной политики, способствуя выработке научно обоснованных выводов и рекомендаций, имеющих теоретическое и практическое значение как для ОВД, так и в целом для государства на современном этапе его развития.

В заключение отметим, что миссия образовательных организаций МВД России в условиях динамично меняющейся социальной и правовой среды состоит в формировании кадрового потенциала, способного эффективно реагировать на современные вызовы и угрозы законности и правопорядку, выполнение которой требует решения ряда задач.

Во-первых, в целях актуализации их правового статуса и функций в контексте реализации уголовной политики надлежит критически оценить нормативно-правовую основу их деятельности, что позволит определить направления и перспективы ее развития и совершенствования, привести в соответствие с правовыми, экономическими, социальными и другими реалиями.

Во-вторых, необходимо осуществить мониторинг учебных программ и методик, применяемых в образовательном процессе вузов МВД России для оценки их соответствия актуальным вызовам в сфере уголовной юстиции. В этом отношении принципиальным является установление уровня адаптированности программ подготовки кадров к современной криминогенной обстановке.

Третья задача заключается в исследовании взаимодействия образовательных организаций МВД России с другими государственными и негосударственными структурами в процессе реализации уголовной политики, установлении степени интеграции образовательных учреждений МВД России в общую систему обеспечения правопорядка и возможных путей улучшения сотрудничества.

Кроме того, важно оценить эффективность подготовки специалистов в образовательных организациях МВД России в контексте реализации уголовной политики. Для этого необходимо изучить

результаты деятельности выпускников, их профессиональный рост и вклад в обеспечение правопорядка.

Решение обозначенных задач позволит создать необходимые предпосылки для повышения эффективности осуществления образовательного процесса в вузах МВД России, обеспечить его соответствие со-

временным требованиям, а также в целом повысить его результативность.

Воплощение научно обоснованных рекомендаций по оптимизации процесса подготовки кадров в системе МВД России закономерно приведет к повышению качества выполнения функций, возложенных на ОВД.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Николюк В. В.* Современные уголовная политика и карательная практика в России: доктринальные и организационно-правовые аспекты // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXIII междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск, 2018. Т. 1.
2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики : монография. М., 2018.
3. *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М., 2008.
4. *Сухарев А. Я., Алексеев А. И., Журавлев М. П.* Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М., 1997.
5. *Лист Франц фон.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2004.
6. *Побегайло Э. Ф.* Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия : Экономические и юридические науки. 2007. Вып. 9.
7. *Гуценко К. Ф., Ковалев М. А.* Правоохранительные органы. 9-е изд. М., 2009.
8. *Судоустройство и правоохранительные органы / под ред. Л. В. Головки* : учебник. 2-е изд. М., 2022.
9. *Москалькова Т. Н., Черников В. В.* Нормотворчество : науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и испр. М., 2015.
10. *Лазарев В. В.* Избранное последнего десятилетия. М., 2020.

УДК 343.2/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-308-312

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Понятие освобождения от уголовной ответственности: от правового явления к его сущности

Алексей Алексеевич Нечепуренко

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений¹,

✉ nechepurenko_oma@mail.ru

Сергей Евгеньевич Суверов

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии², ✉ s.suverovse95@mail.ru,

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия),

² Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Анализируются точки зрения отечественных ученых относительно понятия уголовной ответственности, ее содержательных компонентов и взаимосвязи с иными уголовно-правовыми явлениями. На основе собственного определения понятия уголовной ответственности рассматривается освобождение от этого вида ответственности. Проводится критический разбор позиций, определяющих сущность освобождения от уголовной ответственности через прекращение обязанности виновного лица претерпевать различные правоограничения, и предлагается авторское видение решения данной проблемы путем смещения акцента с отказа от признания виновности лица в обвинительном приговоре на отрицательную оценку его поведения и, как следствие, наступления уголовно-правовых и общеправовых ограничений для освобождаемого от уголовной ответственности. С учетом этого раскрываются признаки понятия освобождения от уголовной ответственности и дается его определение.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, уголовное преследование, уголовно-правовое воздействие, государственное принуждения, государственное стимулирование, отрицательная оценка преступного поведения

Для цитирования: Нечепуренко А. А., Суверов С. Е. Понятие освобождения от уголовной ответственности: от правового явления к его сущности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 308–312.

The Concept of Exemption from Criminal Liability: from Legal Phenomenon to Its Essence

Alexey A. Nechepurenko

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crime¹,

✉ nechepurenko_oma@mail.ru,

Sergey E. Suverov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminal Law and Criminology², ✉ s.suverovse95@mail.ru,

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia),

² the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

The views of domestic scientists concerning the concept of criminal liability, its content components and interrelation with other criminal-legal phenomena are analyzed. Based on their own definition of the concept of criminal liability, the authors consider the exemption from this type of responsibility. A critical analysis of the positions defining the essence of exemption from criminal liability through the termination of the obligation of a guilty person to undergo various legal restrictions is carried out, and the authors' vision of solving this problem by shifting the emphasis from refusal to confess the guilt of a person in a guilty verdict to the negative assessment of his behaviour and, as a consequence, the onset of criminal and general legal restrictions for the person exempted from criminal liability being proposed. In this regard, the features of the concept of exemption from criminal liability are explained, its definition given.

Keywords: criminal liability, exemption from criminal liability, criminal prosecution, criminal law influence, state enforcement, state stimulation, negative assessment of criminal behavior

Citation: Nechepurenko A. A., Suverov S. E. The Concept of Exemption from Criminal Liability: from Legal Phenomenon to Its Essence. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 308–312 (In Russ.).

Свое внимание в рамках настоящей статьи нам хотелось бы сфокусировать на исследовании уникального правового явления — института освобождения от уголовной ответственности, установление сущности которого необходимо для выбора верного направления его оптимизации в законодательстве и правоприменении. Следует констатировать, что концепция института освобождения от уголовной ответственности необходима для уголовной политики любого современного государства. Исключением не является и Российская Федерация. Признавая множественность проблем его функционирования как с точки зрения общих начал уголовного права и соотношения с иными юридическими институтами (в том числе уголовно-процессуальными), так и отдельных входящих в него оснований, отметим конструктивность позиции дальнейшего совершенствования данного института в противоположность отказу от самой идеи, позволяющей освободить лиц, совершивших нетяжкие преступления, от уголовного преследования с соблюдением установленных законом условий.

Отправной точкой в исследовании обозначенной проблемы является подход к пониманию такого правового явления, как уголовная ответственность.

В отечественном уголовном законе термин «уголовная ответственность» используется широко: установлены основания (ст. 8 УК РФ) и принципы уголовной ответственности (ч. 2 ст. 2 УК РФ), основания освобождения от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ), особенности применения уголовной ответственности к несовершеннолетним (ст. 87 УК РФ). Вместе с тем определение искомому понятию не дается. Из всех стран ближнего зарубежья только законодатель Республики Беларусь решил дать легитимное определение, которое, безусловно, оценивается не всеми исследователями как удачное, но все же содержится в уголовном законе (раздел III «Уголовная ответственность»). Так, в ч. 1 ст. 44 УК Республики Беларусь указывается, что «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом»¹.

Поскольку уголовная ответственность является разновидностью правовой ответственности, обладает ее признаками и свойствами, то совершенно справедливо отмечают исследователи, что она основана на праве и государственном принуждении. Государственное принуждение выступает органической составляющей права, поскольку для того, чтобы норма регулировала общественные отношения, требуется

ее подкрепление силой государственного давления на нарушителя [1, с. 35].

Конечно, понятие уголовной ответственности может рассматриваться в позитивном и негативном аспектах. Позитивный (поощрительный) подход к толкованию уголовной ответственности состоит в соблюдении лицами установленных уголовно-правовых запретов, в ненарушении ими охраняемых общественных отношений, что приводит к поощрению (одобрению) такого поведения субъектов [2, с. 22–23]. Однако именно негативный подход наполняет понятие уголовной ответственности необходимым содержанием, позволяет рассматривать ее как ответную реакцию государства на факт совершения преступления в виде ухудшения правового статуса лица, его совершившего.

Однако, даже принимая изложенное, большинство исследователей сводят уголовную ответственность к обязанности виновного претерпеть определенные правоограничения за совершенные им преступления. В частности, О. Н. Кузьмина пишет, что факт преступления порождает возникновение охранительных уголовно-правовых отношений, в рамках содержания которых у виновного лица возникает юридическая обязанность претерпеть определенные негативные последствия своего деяния [3, с. 48]. Сходной позиции придерживается П. В. Коробов, который полагает, что более предпочтительно рассматривать уголовную ответственность как предусмотренную в источниках уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению, наказанию и судимости. Логичным развитием отмеченных идей является суждение, согласно которому сущность освобождения от уголовной ответственности состоит в снятии с лица государством указанного бремени [4, с. 53–54]. В то же время кажется не совсем верным выделять ключевым аспектом именно обязанность претерпевания каких-либо ограничений, а не само ущемление правового статуса личности, о чем было замечено ранее.

Принимая во внимание то, что уголовная ответственность должна пониматься как констатация ухудшения правового состояния виновного, которая может производиться лишь на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, полагаем, что в ее содержание должна включаться совокупность карательных и некарательных правоограничений. Карательные правоограничения содержатся в такой базовой форме реализации уголовной ответственности, как судимость, а также в наказании, а некарательные — в третьей форме реализации уголовной ответственности, отождествляемой нами как испытание. Испытание в уголовном

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 01.08.2024).

кодексе Российской Федерации представлено в виде условного осуждения (ст. ст. 73, 74), двух разновидностей отсрочки отбывания наказания (ст. ст. 82, 82¹) и условно-досрочного освобождения (ст. 79). В соответствии с таким подходом наказание не следует абсолютизировать, как это до сих пор происходит в уголовном законодательстве. Оно хоть и являлось исторически первой и длительное время единственной формой реакции государства на совершение преступления, но в настоящее время должно расцениваться как видовое понятие по отношению к родовому понятию уголовной ответственности. Сказанное позволяет дать следующее доктринальное определение уголовной ответственности.

Уголовная ответственность есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, вступившего в законную силу и заключающаяся в осуждении лица, признанного виновным в совершении преступления, к определенным правоограничениям карательного и некарательного характера» [5, с. 27]. Важно, что в данном определении акцент делается именно на содержательном компоненте уголовной ответственности, а не на обязанности виновного лица претерпеть указанные ограничения правового статуса.

Применяемые в рамках уголовного процесса меры процессуального принуждения, к коим относятся и меры пресечения, призваны обеспечить производство по уголовному делу, препятствуют продолжению преступной деятельности, способствуют сохранению доказательств по уголовному делу (являются средством обеспечения уголовного преследования, а также обеспечения правосудия и принятия правомерного окончательного решения по уголовному делу), поэтому их не следует включать в содержание уголовной ответственности [6, с. 15–22]. Действительно, с момента совершения преступления у государства возникает право найти и привлечь к уголовной ответственности лицо, его совершившее, но сама уголовная ответственность наступает после вступления обвинительного приговора в законную силу.

Подчеркнем, что проблема видения пределов и содержания уголовной ответственности была осложнена появлением в УК РСФСР 1960 г. дополнительных форм реагирования на общественно опасное деяние (меры общественного, административного, воспитательного воздействия), что не теряет своей актуальности и в настоящее время (например, иные меры уголовно-правового характера, закрепленные в разделе VI УК РФ). Следует констатировать, что законодатель производит расширение перечня средств уголовно-правового воздействия, включающего раз-

личные меры (информационно-правовые, карательные, воспитательные, меры безопасности) [7, с. 11–12]. Такими действиями в уголовный закон вводятся новые конструкции, правовая природа которых часто является неопределенной. В связи с этим возникает проблема разграничения такого явления, как освобождение от уголовной ответственности с мерами уголовно-правового характера, установление его соотношения с ограничениями, применяемыми к лицам, освобожденным от уголовной ответственности, по уголовному законодательству, а также изложенными в ином федеральном законодательстве. В частности, такие ограничения содержатся во многих федеральных законах, которые регулируют аспекты трудовой деятельности граждан, их возможность трудоустройства в органах государственной власти, занятия педагогической деятельностью и деятельностью в сфере образования, воспитания и развития несовершеннолетних, что требует от кандидата соответствия особым требованиям. Более того, данные ограничения в большинстве своем являются бессрочными, т. е. пожизненными [8, с. 42–43].

Возможно, слабым местом в понимании сущности освобождения от уголовной ответственности является то, что такое осмысление происходило лишь сквозь призму уголовно-материального права, без анализа особенностей уголовно-процессуальной формы, в которой находит выражение соответствующее решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям.

Понимание освобождения от уголовной ответственности сформулировано высшим судебным органом России как отказ государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)². Важным при таком определении представляется то, что осуждению лица и назначению ему наказания придается значение возможных форм реализации уголовной ответственности, однако, как уже упоминалось ранее, в юридической литературе отмечается неоднозначность представлений о таких формах [2, с. 30], а также о понятии и содержании уголовной ответственности [9, с. 93–97].

В этом смысле проявляется противоречие с уголовно-процессуальным видением вопроса. Дело в том, что только вступление в законную силу обвинительного приговора суда способно породить материальные правоотношения, относящиеся к юридической констатации виновности. По мнению исследователей, решением проблемы могло бы стать употребление термина «лицо, подлежащее уголов-

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ному преследованию», что позволило бы оправданно использовать механизм освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии судопроизводства, а равно в случае вынесения судом соответствующего постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Важно отметить и то, что суд (как и следователь, и орган дознания) не может отказаться от уголовного преследования, поскольку это не относится к его компетенции (он не является стороной обвинения). Суд может лишь освободить лицо от такого преследования, прекратив его [10, с. 272–281]. Действительно, еще в дореволюционной литературе отмечалось, что право уголовного преследования есть функция исполнительной власти [11, с. 78]. В то же время уголовно-правовой конфликт с момента привлечения к нему государства трансформируется в уголовно-процессуальную форму и может быть решен только в предусмотренном законом порядке [12, с. 109].

М. А. Кауфман немного дополняет определение освобождения от уголовной ответственности, данное Верховным Судом Российской Федерации: по его мнению, это оформленное в процессуальном виде решение уполномоченных субъектов правоприменения на отказ от осуждения лица и его наказания [13, с. 145]. Достаточно спорной выглядит и точка зрения Я. М. Матвеевой о том, что решение государства об отказе от привлечения лица к уголовной ответственности базируется на выводе о снижении или утрате общественной опасности лица и (или) совершенного им деяния [1, с. 47]. Считаем, что законодатель допустил в ч. 1 ст. 75 УК РФ некорректную формулировку об утрате общественной опасности лица, впервые совершившего преступление, вследствие его деятельного раскаяния. О том, что такое лицо не утрачивает общественной опасности, заключающейся в угрозе совершения им в последующем новых преступлений [14, с. 30–35], по-нашему мнению, как раз и свидетельствует тот факт, что на данных лиц накладываются общеправовые ограничения, закрепленные во многих федеральных законах. По существу, эти правоограничения являются ничем иным как мерами безопасности по отношению к лицу, признанному совершившим преступление, в иной, отличающейся от обвинительного приговора, процессуальной форме.

В рассматриваемом контексте более взвешенной представляется позиция С. Г. Келиной, согласно которой освобождение от уголовной ответственности — это отказ государства от отрицательной оценки поведения лица в форме обвинительного приговора [15, с. 28]. Обратим внимание, автор не настаивает на том, что отрицательная оценка поведению лица, совершившего преступление, вообще государством

не дается, а лишь указывает на то, что такая оценка не дается в форме обвинительного приговора.

Итак, освобождение от уголовной ответственности следует рассматривать как правомерную замену основной традиционной реакции на общественно опасное посягательство путем вынесения не обвинительного приговора, а постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования [16, с. 57]. При этом, чтобы ставить вопрос об освобождении от уголовной ответственности, в совершенном лицом деянии должны наличествовать все признаки состава преступления [17, с. 121].

На наш взгляд, освобождение от уголовной ответственности как уголовно-правовое явление обладает следующими отличительными признаками:

- представляет собой меру уголовно-правового воздействия стимулирующего характера. Отнесение норм Общей и Особенной частей УК РФ, регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности, к стимулирующим в юридической литературе сомнений не вызывает [18, с. 51–55]. Такая гуманная мера воздействия на лицо, совершившее преступление, призвана стимулировать его к ведению правопослушного образа жизни в дальнейшем. В отличие от другой разновидности уголовно-правового воздействия, а именно мер государственного принуждения, она применяется только с согласия обвиняемого на прекращение в отношении него уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям;

- сопряжено с выполнением определенных действий со стороны освобождаемого до принятия решения о прекращении уголовного преследования, которые могут свидетельствовать о его раскаянии в совершенном преступлении либо о ведении правопослушного образа жизни в течение достаточно длительного периода после совершения преступления;

- оформляется в особой процессуальной форме постановления о прекращении уголовного преследования, в котором фактически констатируется, что освобождаемый совершил преступление;

- содержит отрицательную оценку поведения освобождаемого лица, выражающуюся в возложении на него не только отдельных уголовно-правовых обременений (судебный штраф, принудительные меры воспитательного характера), но и целого комплекса правоограничений в области занятия определенными видами трудовой и иной деятельности. Именно данный признак следует считать *сущностным*, поскольку без вынесения обвинительного приговора лицу, признанному совершившим преступление в ином установленном законом порядке, фактически выносится порицание за его общественно опасное поведение, сопряженное с негативными последствиями для его правового статуса.

Изложенное позволяет определить *освобождение от уголовной ответственности* как меру государственного стимулирования, назначаемую по постановлению о прекращении уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление, при выполнении им установленных законом условий, выражающуюся в отрицательной государственной оценке (порицании) преступного поведения освобождаемого и влекущую для него негативные последствия, предусмотренные как уголовным законом, так и иными федеральными законами.

Список источников

1. Матвеева Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016.
2. Сверчков В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2008.
3. Кузьмина О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020.
4. Коробов П. В. Сущность освобождения от уголовной ответственности (исходные положения) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 74.
5. Нечепуренко А. А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования : монография. Омск, 2014.
6. Рудич В. В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020.
7. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
8. Нечепуренко А. А. Законодательное регулирование негативных последствий для лиц, совершивших преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 4(79).
9. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
10. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1896. Т. 1.
12. Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023.
13. Кауфман М. А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1.
14. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (Предпосылки, содержание, критерии). Томск, 1970.
15. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974.
16. Ендольцева А. В. Освобождение от уголовного преследования: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6.
17. Кибальник А. Г., Попов А. П. О смысле освобождения от уголовной ответственности // Общество и право. 2012. № 5.
18. Кузьмин С. С. Стимулирующие нормы в уголовном праве // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2017. № 2.

УДК 343.3/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-313-318

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Правовая оценка угрозы убийством, сопряженной с иными насильственными посягательствами

Галина Николаевна Миронова

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права¹, ✉ mgn2007@mail.ru

Людмила Яковлевна Тарасова

кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии², ✉ Lmila09@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия),

² Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Квалификация деяний, предусмотренных ст. 119 УК РФ (угроза убийством), предполагает необходимость установления ряда признаков, которые в то же время могут выступать одновременно и признаками иных насильственных преступлений, например, покушения на убийство, посягательства на жизнь представителя власти, разбойного нападения и т. д. Совершение объективных действий, непосредственно направленных на реализацию намерения лишения жизни или причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, должно квалифицироваться по совокупности соответствующих норм УК РФ в случаях, когда им предшествовала угроза совершения данных действий либо она выступила средством последующего запугивания. Использование угрозы в качестве способа совершения иного преступления не образует совокупности преступлений и не требует дополнительной отдельной квалификации.

Ключевые слова: угроза убийством, причинение смерти, покушение, совокупность преступлений, насильственные посягательства

Для цитирования: Миронова Г. Н., Тарасова Л. Я. Правовая оценка угрозы убийством, сопряженной с иными насильственными посягательствами // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 313–318.

Legal Assessment of Death Threat related to other Violent Infringements

Galina N. Mironova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminal Law¹, ✉ mgn2007@mail.ru

Lyudmila Ya. Tarasova

Candidate of Science (in History), Associate-Professor at the chair of Criminal Law and Criminology²,

✉ Lmila09@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia),

² the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

As qualification of acts provided for by Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation (death threat) implies, it is necessary to establish a number of features which can simultaneously be features of other violent crimes, for example, murder attempt, infringement on the life of a government official, armed assault etc. Committing objective acts directly aimed at implementation of the intent to deprive a victim of his life or infringing harm to the victim's health must be qualified according to the accumulated appropriate norms of the Criminal Code of the Russian Federation in cases when they followed threat to commit these actions or it was the means of the further intimidation. Using threat as the means of committing another crime does not constitute cumulative crime; neither does it require additional separate qualification.

Keywords: death threat, causing death, infringement, cumulative crime, violent infringement

Citation: Mironova G. N., Tarasova L. Ya. Legal Assessment of Death Threat related to other Violent Infringements. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 313–318. (In Russ.).

Необходимость обеспечения справедливости, эффективности правосудия и защиты прав граждан находится в прямой зависимости от правильной юридической оценки (квалификации) деяний, на-

правленных на насильственное воздействие в отношении потерпевших. Изучение материалов судебной практики позволило выявить ряд проблемных вопросов, возникающих при квалификации престу-

плений, предусмотренных ст. ст. 105, 111, 119 УК РФ, в случаях последовательного либо одновременного совершения виновным лицом угрозы убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью, а также последующей непосредственной реализации высказанной (продемонстрированной) угрозы¹. В ряде случаев суды рассматривают угрозу как оконченное самостоятельное деяние и не обращают внимания на фактические действия, непосредственно направленные на реализацию угрозы, которые были прекращены в связи с наличием непреодолимых препятствий, т. е. по не зависящим от лица обстоятельствам. В случаях совершения убийства либо причинения тяжкого вреда здоровью суды, наоборот, не дают должной правовой оценки ранее высказанных виновным угроз в отношении потерпевшего, так как не считают данные действия самостоятельными и подлежащими отдельной уголовно-правовой оценке. Изучение различных вопросов квалификации деяний, предусмотренных ст. 119 УК РФ, и их отграничения от смежных составов преступлений является актуальным и важным аспектом, способствующим улучшению качества правосудия и защите прав граждан, что выступало и ранее в качестве предмета научных исследований [1–3].

Анализ правоприменительной практики позволил выявить следующие проблемные вопросы и характерные ситуации, требующие корректной оценки продемонстрированной угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Для правильной квалификации анализируемых составов преступлений в первую очередь необходима оценка особенностей характера выраженной угрозы. К ним могут быть отнесены: 1) предмет угрозы (т. е. то, чем именно угрожают потерпевшему); 2) реальность угрозы; 3) самостоятельность угрозы либо ее включенность в качестве способа совершения иного преступления.

Характер и содержание угрозы убийством включают конкретные обстоятельства, которые указывают на серьезное (очевидное для потерпевшего) намерение и возможность реализации угрозы, такие как наличие оружия, подготовка к преступлению, наличие действий, непосредственно направленных на реализацию угрозы, и т. д. Угроза в соответствии со ст. 119 УК РФ предполагает явное выражение намерения совершить убийство определенного лица или группы лиц. Угроза убийством представляет прямое угрожающее заявление или действие, которое порождает опасение в отно-

шении жизни лица, в адрес которого она направлена. Характер угрозы убийством может включать устные угрозы, письменные угрозы, демонстрацию оружия или иных предметов, которые могут быть использованы для совершения убийства, а также другие действия или заявления, которые согласно закону могут расцениваться как явная и серьезная угроза жизни [4, с. 25]. Важно отметить, что характер угрозы убийством будет оцениваться в каждом конкретном случае на основе всех имеющихся фактов, доказательств и обстоятельств дела, исходя из чего будет определяться соответствие действий или высказываний лица элементам состава угрозы убийством, установленным в уголовном законодательстве.

В науке уголовного права имеются следующие мнения относительно определения формы выражения угрозы. М. А. Овчинников трактует данное понятие расширительно, указывая на то, что угроза может быть выражена устно, посредством предоставления записи с угрозой, через радиосвязь, письменно, жестами и т. д. [5, с. 498]. Г. Н. Борзенков, кроме вышеуказанных способов, называет демонстрацию оружия и т. д. [6, с. 111]. Л. В. Данелян обобщает указанные формы угроз убийством и предлагает их классифицировать на устные, письменные и конклюдентные [2, с. 78].

Реальность таких угроз может подтверждаться обстановкой, в которой они высказываются. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в своем определении от 25 августа 2016 г. № 92-АПУ16-9, признавая верным решение нижестоящего суда, квалифицировавшего действия виновного по совокупности ст. ст. 115 и ст. 119 УК РФ, указала, что вывод о наличии угрозы убийством вытекает из насильственного характера действий осужденного, конкретной обстановки, в которой они были совершены, и личного восприятия их потерпевшей. Так, осужденный К. «из ревности начал бить потерпевшую Д. дома, нанося удары по лицу и голове. Затем продолжил наносить удары около магазина. Затем схватил ее, посадил в автомашину и увез в поле, где с 14 до 20 часов избивал кулаками и ногами по лицу и другим частям тела. Он также вырвал рычаг переключения скорости в автомашине и наносил им удары по ее голове. И после вышеуказанных действий К. сказал ей, что убьет ее. Данную угрозу она восприняла реально, так как они были одни в безлюдном месте, и он был агрессивен настроен»².

¹ В целях оптимизации излагаемого материала в тексте работы формулировка «высказывание угрозы» подразумевает все иные способы объективизации намерения передачи информации о желании совершить преступление (словесные, вербальные, текстовые и т. д.).

² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2016 г. по делу № 92-АПУ16-9. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25082016-n-92-aru16-9/> (дата обращения: 28.02.2024).

Таким образом, учет психологического аспекта при квалификации деяний по ст. 119 УК РФ является важным для объективного и всестороннего рассмотрения событий и оценки тяжести преступления, а также для определения возможных мотивов и последствий угрозы убийством.

Реальность угрозы фактически включает два самостоятельных компонента.

1. Фактическое, объективное наличие обстоятельств, подтверждающих реальность угрозы. Данный компонент связан с наличием и демонстрацией орудий, предметов, используемых в качестве оружия, действий со стороны виновного, имитирующих нападение (удары или выстрелы рядом с потерпевшим и т. д.). Однако данный компонент может быть и факультативным при наличии второго.

2. Психическое восприятие потерпевшим высказанной угрозы как реальной. Если обстоятельства дела указывают на то, что угроза была реально воспринята потерпевшим как непосредственная и серьезная, то это также должно учитываться при квалификации преступления. Воспринимается ли угроза самим потерпевшим как реальная для воплощения, а также осознает ли он характер угрозы, т. е. имеется ли в сознании потерпевшего представление угрозы именно для жизни либо она носит неопределенный, абстрактный характер. Например, встречающиеся в судебной практике высказывания «тебе хуже будет» или «я тебе сейчас устрою», «ты у меня получишь» оцениваются как недостаточно конкретизированные, чтобы оценить их как угрожающие именно причинением смерти либо тяжкого вреда здоровью. В то же время наличие у виновного оружия либо предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия, обстановка, в которой высказывается угроза (ночное время, закрытое помещение, отсутствие посторонних), наличие у потерпевшего информации о том, что угрожающее ему лицо ранее совершало насильственные действия в отношении самого потерпевшего либо других лиц, а также иные обстоятельства позволяют в своей совокупности констатировать наличие в сознании потерпевшего соответствующей реакции на угрозу. При этом введение потерпевшего в заблуждение относительно реальности высказанной угрозы может быть оценено по-разному.

Например, М. И. Галюкова [7, с. 19] в своей работе приводит пример, когда виновный под угрозой неисправного газового револьвера потребовал, чтобы потерпевшая пошла с ним, при этом угрожал убийством. Восприятие потерпевшей данной угрозы как реальной и опасение ее осуществления

повлекли квалификацию деяния по ст. 119 УК РФ. Реальность угрозы в психическом восприятии потерпевшей не подвергается сомнению, однако, по всей вероятности, угроза не носит самостоятельного характера. В данном случае угроза выступала лишь способом оказания насильственного воздействия на потерпевшую, т. е. способом перемещения ее в пространстве, и должна быть оценена по ст. 126 или ст. 127 УК РФ.

Таким образом, квалификация действий лица по ст. 119 УК РФ должна происходить в том случае, когда угроза носит самостоятельный характер, а не выступает способом совершения иного насильственного преступления (ст. ст. 126, 127, 131, 132, 162, 163, 226, 229 УК РФ и др.). Например, такой признак, как мотив угрозы, может иметь значение для правильной оценки совершенного. С. Ю. Косарев указывает, что «нередкими мотивами для совершения преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ, являются сексуальные или корыстные побуждения, а также ревность» [8, с. 93]. Нужно уточнить, что при наличии данных мотивов необходимо установить, почему или для чего применялась угроза. Если угроза выступила в качестве эмоциональной реакции на отказ в продолжении отношений (из мести или от обиды, т. е. без определенной цели), то такое действие должно оцениваться по ст. 119 УК РФ. Если же угроза выступила средством склонения лица к сексуальным отношениям, то такие действия образуют признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 131, 132 УК РФ.

В юридической литературе остается нерешенным вопрос, образуют ли состав преступления (ст. 119 УК РФ) случаи, когда угроза убийством высказывается третьим лицам. Например, гр. Б. высказал гр. А. угрозу убить гр. Д. Представляется, что в данном случае контекст (обстановка) имеет принципиальное значение для квалификации. В частности, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее — ППВС РФ) «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъясняется, что «в качестве конструктивного способа совершения изнасилования может выступать угроза применения насилия не только к потерпевшему лицу, но и к другим лицам». В то же время п. 4 данного же постановления уточняет, что «угроза применения насилия в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей) требует дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ»³. Угроза все же должна иметь и конкретно адресата (т. е. того, кто эту угрозу воспринимает)

³ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда от 4 декабря 2014 г. № 16. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и конкретный объект, т. е. того, в отношении кого виновным высказывается намерение причинить смерть. Относительно данного положения в работах А. О. Швейгера имеется уточнение, что угроза должна носить персонифицированную направленность, то есть быть высказана конкретному потерпевшему. В случаях, когда угроза высказывается в отношении неопределенного круга лиц или нескольких потерпевших, состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ, отсутствует [9]. Следует согласиться с данным утверждением и уточнить, что высказывание неперсонифицированной угрозы убийством при наличии иных необходимых признаков может образовывать состав хулиганства (ст. 213 УК РФ). В то же время несогласованность руководящих разъяснений (ППВС РФ) с действующими нормами ст. 213 УК РФ, возникшая в результате изменения норм УК РФ, выражается в том, что согласно п. 11 упомянутых разъяснений требует квалифицировать ст. 213 УК РФ по совокупности с иными составами, предусматривающими применение насилия. Однако указание в диспозиции ст. 213 УК РФ на насилие либо угрозу его применения как конструктивный способ данного преступления не позволяет рассматривать угрозу убийством, высказанную при нарушении общественного порядка, как самостоятельное преступление. Данный вывод основан на системном толковании насилия как уголовно-правового признака иных составов преступлений, а также сопоставления характера и степени общественной опасности данных составов. Таким образом, совместность данных действий не будет образовывать совокупности преступлений (ст. ст. 213, 119 УК РФ), так как угроза убийством выступает в роли способа совершения хулиганства.

Одними из наиболее сложных для правильной юридической оценки выступают ситуации, связанные с сопряженностью угрозы убийством с дальнейшей непосредственной реализацией высказанной угрозы, а также с недоведением до конца таких действий по независящим обстоятельствам.

Содержание рассматриваемых составов преступлений позволяет говорить, что угроза убийством требует дополнительной квалификации в тех случаях, когда она была совершена до посягательства на жизнь (при условии, что умысел на убийство возник после окончания угрозы), а также если угроза была высказана после совершения насильственного преступления как способ сокрытия последнего (т. е. как запугивание потерпевшего либо свидетелей).

В подтверждение сделанного нами вывода о том, что при оценке угрозы необходимо учитывать и дальнейшие действия лица по ее реализации,

считаем возможным привести следующий пример из практики. Сторона защиты обратилась с апелляционной жалобой, в которой просила изменить квалификацию действий гр. М. на одно преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 119 УК РФ, или переквалифицировать с ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ на менее тяжкое преступление с учетом тяжести фактически наступившего вреда здоровью. В апелляционном определении судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда указала, что действия осужденного в отношении потерпевшей Д. правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 119 УК РФ как угроза убийством по совокупности с покушением на убийство (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ), так как судом установлены следующие обстоятельства дела: в ходе ссоры гр. М. высказывал угрозы убийством гр. Д., после чего потерпевшая Д., опасаясь за свою жизнь, в шортах и футболке, босиком выпрыгнула из окна кухни со 2 этажа квартиры и побежала, однако гр. М. догнал ее, уронил в снег лицом и начал душиить, обхватив шею сзади. Сначала она кричала, потом события не помнит, очнувшись лежащей лицом в снег, осужденного рядом не было, в остановочном комплексе рядом попросила помощи у продавца. Суд также отметил, что на намерение гр. М. лишить гр. Д. жизни указывают: сведения о преследовании осужденным потерпевшей на улице в ночное время без верхней одежды в зимнее время года; действия по перекрытию ей доступа кислорода, пока потерпевшая не перестала подавать признаки жизни. После чего осужденный, осознавая опасность нахождения потерпевшей в бессознательном состоянии зимой, оставил ее лежащей лицом в снег на улице⁴. В данном случае и угроза убийством, и действия, непосредственно направленные на причинение смерти, имели самостоятельное выражение и были совершены последовательно, а значит образуют совокупность преступлений.

Социальный аспект имеет важное значение для квалификации действий по ст. 119 УК РФ. При анализе данной нормы следует учитывать влияние социальной среды на возникновение угрозы и ее воздействие на общество.

1. Отношения между лицами: оценка существующих отношений между лицами, вовлеченными в угрозу убийством, их социального статуса, взаимодействия и возможных конфликтов, которые могли привести к возникновению угрозы.

2. Общественное восприятие: анализ восприятия обществом подобного рода действий, включая мнение общественности о серьезности угрозы убийством, ее последствиях и социальных реакциях на нее.

⁴ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по делу № 22-5256/2022. URL: <https://мвд.рф/69917608> (дата обращения: 11.01.2024).

3. Культурные и общественные нормы: учитывая социокультурный контекст, понимание того, как общественные нормы, ценности и стереотипы могут влиять на появление угрозы убийством и реакции на нее.

4. Свидетельские показания: в случае наличия свидетельских показаний оценка их влияния на социальное восприятие угрозы и обстоятельства, окружающие ее совершение.

Так, в своем апелляционном определении судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 2-АПУ 13-4 указала, что Шестаков после совершения побега из исправительной колонии пытался скрыться от сотрудников полиции и сотрудников службы исполнения наказаний. С этой целью с территории станции технического обслуживания с угрозой применения пневматического газобаллонного многозарядного пистолета модели «Макаров» пытался совершить угон автомобиля, однако находящийся в нем З. успел заблокировать двери автомобиля, завести двигатель и тронуться с места, при этом проволочка держась за ручку автомобиля Шестакова. Таким образом, действия Шестакова, как предшествовавшие высказанной им угрозе потерпевшему З., так и следующие после этого, свидетельствуют, как правильно указано в апелляционном представлении, о наличии у него умысла на угон автомобиля и правильности их квалификации органами предварительного следствия по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 166 УК РФ. В связи с этим суд усмотрел неустранимые сомнения в виновности подсудимого и истолковал их в его пользу, ссылаясь на ст. 14 УПК РФ, оправдал Шестакова по ч. 1 ст. 119 УК РФ⁵.

Анализ социального аспекта, включая социальный контекст и взаимоотношения между участниками событий, помогает понять более широкий аспект угрозы убийством и ее значение для общества, что может быть важным при принятии решения о квалификации действий в соответствии с законом. По данным, приведенным в исследовании Ю. А. Шутовой, около 50% виновных, совершающих угрозы убийством, имеют неснятые и непогашенные судимости на момент судебного разбирательства. В связи с этим у данных лиц формируется стойкая криминальная мотивация, выражающаяся в совершении новых преступлений [10].

При квалификации действий по ст. 119 УК РФ важно учитывать возможные последствия угрозы для потерпевшего и общества в целом.

1. Психологические последствия: оценка возможного воздействия угрозы на психическое состоя-

ние потерпевшего, включая страх, тревогу, посттравматический стресс и другие эмоциональные последствия.

2. Физические последствия: учитывая вероятные реакции на угрозу, необходимо понимать возможные последствия в виде реальной опасности для жизни и здоровья потерпевшего.

3. Социальные последствия: анализ возможного влияния угрозы на социальное положение потерпевшего, его отношения с окружающими, а также на общественное мнение о безопасности в обществе.

4. Предотвращение: оценка того, насколько серьезно воспринимается угроза и какие меры были предприняты для ее предотвращения, а также возможные последствия отсутствия таких мер.

Рассмотрение вопросов квалификации преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ, и ограничения данного состава от иных насильственных преступлений позволяет констатировать наличие несогласованности в вопросах толкования признаков данного состава, что указывает на необходимость внесения изменений в ряд руководящих разъяснений (например, ППВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»).

Необходимо учитывать, что высказывание угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью выступает не только самостоятельным уголовно наказуемым деянием, но чаще всего является способом совершения иных преступлений. При наличии признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 126, 127, 131, 132, 162, 163, 226, 229 УК РФ и др., следует устанавливать, носила ли угроза самостоятельный характер либо выступала лишь способом совершения данных преступлений (т. е. использовалась для достижения самостоятельных преступных целей).

В случае совершения действий, непосредственно направленных на реализацию высказанной угрозы убийством, деяние будет образовывать совокупность преступлений (ст. ст. 119, 105, 111 УК РФ) в том случае, если угроза высказывалась заблаговременно, до начала выполнения объективной стороны (ст. ст. 105, 111 УК РФ). Если же угроза высказывалась в процессе убийства, то такие действия не могут образовывать самостоятельного уголовно наказуемого деяния. Угроза, высказанная после совершения насильственного преступления, предназначенная для запугивания потерпевшего, требует самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 119 УК РФ.

⁵ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2016 г. по делу № 2-АПУ 13-4. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/978a0004863acbfbc3a9360f4cc50723/> (дата обращения: 04.03.2024).

Список источников

1. *Сердюк Л.* Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовное право. 2008. № 1.
2. *Данелян Л. В.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
3. *Левин П. Н.* Проблемы отграничения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных преступлений // Российский следователь. 2006. № 7.
4. *Попов А. Н.* Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Криминалист. 2017. № 1.
5. *Осадчий М. А.* Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6.
6. *Борзенков Г. Н.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учеб.-практ. пособие. М., 2006.
7. *Галюкова М. И.* Особенности уголовной ответственности за угрозу убийством и причинением тяжкого вреда здоровью // Российский судья. 2010. № 11.
8. *Косарев С. Ю.* История и теория криминалистических методик расследования преступлений : монография. М., 2020.
9. *Швейгер А. О.* Проблемные вопросы установления признака реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека (ст. 119 УК РФ) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2021. № 5.
10. *Шутова Ю. А.* Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2.

УДК 351.74

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-319-325

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Борьба полиции с административными правонарушениями: аспект использования оперативно-розыскной деятельности

Анастасия Валерьевна Гамзина

старший инспектор группы анализа планирования и учета¹,

✉ gamzina_anastasia@bk.ru

¹ Отдел полиции № 7 Межмуниципального управления МВД России «Красноярское» (Красноярск, Россия)

Автор обращает внимание на такой проблемный аспект, наличествующий при противодействии полиции административным правонарушениям, как ограниченная возможность применения в данной сфере оперативно-розыскной деятельности. Несмотря на эффективность последней, юридические основы для ее использования видятся недостаточно урегулированными, представляя собой правовую лагуну. На основе анализа трудов ученых-правоведов и собственного практического опыта службы в полиции автор обосновывает необходимость изменения законодательства, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность, в сторону его расширения, что позволит повысить эффективность борьбы полиции с административными правонарушениями.

Ключевые слова: административные правонарушения, противоправная активность, полиция, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие

Для цитирования: Гамзина А. В. Борьба полиции с административными правонарушениями: аспект использования оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 319–325.

Police Tackling Administrative Offences: the Aspect of Using Operational Crime Detection

Anastasiya V. Gamzina

senior inspector of Plan and Registration Group¹,

✉ gamzina_anastasia@bk.ru

¹ Police station No. 7 of the Intermunicipal Directorate of the Russian Ministry of Internal Affairs “Krasnoyarskoye” (Krasnoyarsk, Russia)

The focus is made on such a problem aspect, which is found in police tackling administrative offences, as limited possibility of using operational crime detection in this sphere. Despite the effectiveness of the latter, legal grounds for its use are estimated as not sufficiently regulated and considered as a legal gap. The author analyzes the works of legal scholars, her own practical experience in police service, and substantiates the necessity of changing the legislation regulating operational crime detection with the tendency to expand it, which will make it possible to increase the effectiveness of police tackling administrative offences.

Keywords: administrative offences, unlawful activity, police, operational crime detection, operational crime detection measure

Citation: Gamzina A. V. Police Tackling Administrative Offences: the Aspect of Using Operational Crime Detection. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 319–325 (In Russ.).

В одном из основополагающих документов, определяющих вектор развития нашей страны, — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации — сказано: «Обеспечению государственной и общественной безопасности способствует реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите

основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности» (п. 41)¹.

Важной составляющей данной долговременной концепции в русле противостояния всей противо-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правной активности является борьба с административными правонарушениями. Ведущая роль в данной деятельности возложена на полицию — часть единой централизованной системы МВД России.

Значение борьбы именно с административными правонарушениями в общей правоохранительной деятельности полиции сложно переоценить. Нельзя не согласиться с Н. Г. Канунниковой, указывающей на то, что между административными правонарушениями и преступлениями существует неразрывная причинная связь [1, с. 5].

Таким образом, разработка мер, направленных на повышение качества выполнения задач полиции в данной области, является крайне востребованной. А. В. Куянова и А. Е. Юрицин отмечают: «Для эффективной деятельности полиции в сфере предупреждения и пресечения нарушений общественного порядка и обеспечения общественной безопасности необходимо совершенствовать соответствующие организационно-правовые и тактические основы ее административной деятельности» [2, с. 63].

Говоря о повышении эффективности функционирования подразделений полиции в борьбе с административными правонарушениями, хотелось бы заострить внимание на таком ее аспекте, как возможность применения оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Важность и востребованность, с одной стороны, и недостаточная правовая регламентация, а нередко и правовые лакуны в части практического применения, с другой, определяют безусловную актуальность данной темы.

В общей канве дискуссии о необходимости применения средств ОРД в административной деятельности мы исходим из того, что Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в своей совокупности представляют собой свод противоправных виновных действий (бездействий) субъекта — «то, что запрещено», и имеют принципиальные различия только по степени общественной опасности деяний (применительно к юрисдикции для каждого из них). Совершение таковых должно неминуемо повлечь справедливую ответственность (в той или иной форме) лица, их совершившего. В. А. Гусев и В. Ф. Луговик в связи с этим подчеркивают, что российское законодательство об административных правонарушениях и уголовное законодательство имеют сходные задачи, которые заключаются в охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности от делинквентного (антиобщественного) поведения отдельных лиц [3, с. 137].

При этом, учитывая уже обозначенную нами тесную связь между административными правонаруше-

ниями и уголовно наказуемыми общественно опасными деяниями, последние можно представить как путь субъекта от незначительного проступка к тягчайшему преступлению, который далеко не всегда предопределен, но вполне вероятен. В пользу утверждения такой динамической связи приведем мнение В. П. Лозбякова, Н. Д. Эриашвили, согласно которому такая взаимозависимость отражает процессы постепенного формирования общественно опасной личности, поведение которой направлено против основных социальных ценностей. Причем такая личность достаточно легко переходит от наименее общественно вредных проступков к преступлениям [4, с. 24].

Крайне сложно также однозначно дифференцировать административные правонарушения и преступления. Границы между ними весьма условны, а их установление в законодательной деятельности всегда является довольно каверзной задачей. В пользу данного утверждения свидетельствует тот факт, что часто наказание за совершение правонарушения, предусмотренного КоАП РФ (например, штраф), может быть более суровым, чем при совершении уголовно наказуемого деяния, на что также обращают внимание исследователи [5, с. 32].

В работе, посвященной данному вопросу, опираясь на анализ действующего законодательства, П. Ю. Константинов, А. К. Соловьева и А. П. Стуканов констатируют: «Единство материальной природы объекта преступлений и административных правонарушений ставит перед законодателем, представителями юридической науки и практики проблему разграничения преступлений и административных правонарушений и прежде всего их смежных составов. А в КоАП РФ и УК РФ содержится около 100 таких „пограничных“ составов» [6, с. 59].

Подобное сходство административных правонарушений и преступлений вполне логично должно предполагать сходство средств и методов противостояния им. Такой подход, на наш взгляд, вполне оправдан (при уместном в данном случае использовании классического метода аналогий) и применим хотя бы для упомянутых выше «пограничных» составов. Здесь возможно и даже необходимо вспомнить об ОРД. Наличествующий широкий арсенал гласных, а особенно негласных средств, выводит ее на первый план, делая универсальным, эффективным инструментарием для противодействия противоправной активности любого вида. Подобную действенность и незаменимость ОРД отмечали и отмечают многие исследователи. Так, Н. П. Водько считает, что ни один вид правоохранительной деятельности не имеет таких исключительных возможностей в предупреждении замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также их пресечении, как ОРД, что предопределяет высокий уровень ее

социально-правовой значимости [7, с. 22]. В свою очередь А. С. Базарбаев эмоционально утверждает: «Для более эффективного решения такого рода задач (борьбы с преступностью. — А. Г.) человечество пока не придумало чего-либо такого, что могло бы сравниться со средствами и методами ОРД» [8, с. 174].

Вместе с тем в настоящее время проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), из которых в основном, но не исключительно [9], и состоит ОРД, в целях противостояния административным правонарушениям является весьма проблематичным. Поясним данное утверждение.

В России одним из основных правовых актов, регламентирующих сферу ОРД, является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД»). Данный закон стал итогом активной законодательской деятельности середины 90-х гг. XX века. С изменениями и дополнениями он действует до настоящего времени.

Необходимость данного правоустанавливающего документа была во многом продиктована тем обстоятельством, что в позднесоветский период на законодательном уровне непосредственно ОРД упоминалась лишь в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (УПК РСФСР). Так, в частности, в ст. 118 УПК РСФСР было обозначено: «На органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших». Детальный же порядок проведения ОРМ, как и их состав, устанавливался главным образом закрытыми приказами и инструкциями, составлявшими государственную тайну [10, с. 76]. Уже это, считаем, показывает, что принятие ФЗ «Об ОРД» было прогрессивным шагом, позволившим, как минимум, сделать правовые принципы организации и ведения ОРД общедоступными.

Большинство ученых-правоведов благосклонно отнеслись к данному закону. Вместе с тем еще в 2008 г. известный ученый Н. С. Железняк констатировал: «Даже в целом при позитивных характеристиках Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“ сотрудники, осуществляющие борьбу с преступностью, практически ежедневно сталкиваются с его несовершенством, „острыми углами“, серьезно затрудняющими выполнение служебного долга, препятствующими эффективной реализации правоохранительной функции» [11, с. 65].

Мысль о необходимости внесения определенных корректив в ФЗ «Об ОРД» высказывали и другие исследователи (например В. М. Аتماжитов [12], В. Г. Бобров [12; 13], А. Е. Чечетин [14]).

В данном контексте ученый-правовед Ю. П. Соловой так охарактеризовал правовое обеспечение

ОРД в России: «Нынешнее состояние законодательной регламентации правовых средств ОРД ... вряд ли можно считать вполне удовлетворительным. Отсюда вытекает необходимость внесения обширных корректив в содержание российского закона об ОРД» [15, с. 8].

Среди изъянов ФЗ «Об ОРД» ряд исследователей отмечают его ориентированность исключительно на защиту от преступных посягательств и предлагают расширить область правоприменения данного закона. Так, А. В. Агарков и К. В. Капустин, рассматривая цели ОРД, отмечают: «Реальной целью ОРД, фактически существующей в настоящий момент и требующей, по нашему мнению, закрепления в оперативно-розыскном законе, выступает активное противодействие (борьба) с преступностью и иными правонарушениями, осуществляемое с помощью средств и методов ОРД» [16, с. 10]. При толковании данной идеи автор статьи приходит к выводу, что под иными правонарушениями можно подразумевать и административные правонарушения.

В. М. Аتماжитов на основе анализа задач ОРД, закрепленных в ст. 2, ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», а также других нормативных правовых актах, приходит к выводу, что политика ОРД не ограничивает данную деятельность исключительно борьбой с преступностью: «Вместе с тем оперативно-розыскная политика, являясь частью социальной и правовой политики, осуществляемой в государстве, определяет возможности и задачи оперативно-розыскной деятельности вне борьбы с преступностью» [17, с. 35].

Так или иначе проблемы в области правового обеспечения существуют, и важно понимать, что инициатива внести коррективы является не только и не столько личным желанием представителей научного мира (людей весьма заслуженных и именитых) улучшить существующее законодательство, а насущной необходимостью, продиктованной современными реалиями, и исходит скорее «снизу» — от практических работников правоохранительных органов. В нормативно-правовом законодательстве наблюдается юридический вакуум на использование средств и методов ОРД в административной деятельности, а на его восполнение существует определенный социальный заказ.

Такое видение ситуации обусловлено тем, что средства и методы ОРД уже активно применяются в борьбе с административными правонарушениями. Сотрудники полиции на практике в силу необходимости используют в своей административной деятельности действия, сходные с некоторыми ОРМ до уровня смешения. На данном утверждении мы более подробно остановимся далее.

Именно несоответствие между правовой теорией и практикой, как уже упоминалось нами, осо-

знается исследователями-правоведами, побуждая их к поиску юридических решений для устранения подобного диссонанса в действующем законодательстве. Постепенную трансформацию мышления научного сообщества по данному вопросу можно проследить не столько в количестве научных исследований, сколько в личном отношении к данному вопросу авторов трудов по этой тематике.

В частности, А. М. Субботин, Н. А. Трусов, уделившие много времени изучению данного вопроса, в своей работе 2022 г. весьма осторожно называют сложившуюся ситуацию парадоксальной. Они отмечают: «В настоящее время в отечественной юридической практике сложилась парадоксальная ситуация, когда возможность проведения ... ОРМ... для выявления и документирования административных правонарушений законодательно отсутствует, но собственно результаты ... ОРД ... при производстве по делам об административных правонарушениях используются, так как это не запрещено» [18, с. 97].

Однако в своем научном труде 2023 г. названные исследователи идут дальше и используют уже более радикальную формулировку, констатируя как наличествующий конфликт между нормами права и практикой, так и насущную необходимость использования ОРД для борьбы с административными правонарушениями: «В практической деятельности наблюдается правовая коллизия, когда, с одной стороны, законодательная возможность проведения того или иного ... ОРМ ... в целях выявления и (или) документирования административных правонарушений Федеральным законом «Об ОРД» напрямую не предусматривается, вместе с тем иные способы обнаружения и фиксации отдельных составов административных правонарушений являются либо малоэффективными, либо отсутствуют в принципе» [19, с. 87].

С последним утверждением трудно не согласиться.

Автор, прослуживший более 20 лет в подразделениях по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) на различных должностях, позволит себе проиллюстрировать его описанием трудностей фиксации одного из составов административных правонарушений, с которым он хорошо знаком по собственному опыту.

Факт продажи алкоголя детям и подросткам с морально-этической стороны подавляющей частью российского общества воспринимается негативно. Разумеется, такое деяние должно повлечь и, как правило, влечет ответственность лица, его совершившего. Так, ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ гласит: «Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит

уголовно наказуемого деяния, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на должностных лиц — от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; на юридических лиц — от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей». Аналогичные деяния, но совершенные неоднократно, подпадают под действие ст. 151¹ УК РФ, в которой значится: «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно, — наказывается штрафом в размере от пятидесяти тысяч до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до шести месяцев либо исправительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Налицо уже упомянутые нами «пограничные» составы. Фиксация их «административной части» сопряжена со многими трудностями. В определенное время, в конкретном месте, случайно (!) должны произойти несколько событий, а именно:

— в торговой точке должна осуществляться продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции с выдачей чека;

— в этот момент должны присутствовать сотрудники полиции;

— в момент фиксации правонарушения должны быть свидетели и граждане, согласные выступить в роли понятых.

Очевидно, что для образцового выполнения данной задачи правоохранители должны находиться на месте предполагаемой продажи алкоголя в «засаде» в лучшем случае — часы, а в худшем — дни или даже недели (без гарантии успешного проведения мероприятия). Даже при выполнении алгоритма в строгом соответствии с законом², сотрудники полиции должны осуществлять действия, сходные, до уровня смешения, как минимум, с одним ОРМ, предусмотренным ФЗ «Об ОРД», а именно с ОРМ «Наблюдение». При полном же рассмотрении всей процедуры можно сказать, что она почти идентична ОРМ «Проверочная закупка», которая может осуществляться уже только в рамках «уголовной части» рассматриваемых «пограничных» составов.

Считаем важным отметить, что приведенный пример не является исчерпывающим. Например, уже упомянутые ПДН часто проводят и другие мероприятия, имеющие признаки ОРМ.

В подтверждение этого назовем осуществленное и опубликованное нами ранее исследование [20],

² Автор ни в коем случае не утверждает, что при проведении подобных мероприятий сотрудники полиции отступают или отступали от правовых норм. Приведенный пример призван только еще раз подчеркнуть трудность осуществления подобной процедуры без применения средств и методов ОРД.

в ходе которого было проведено анонимное интервьюирование 189 действующих инспекторов ПДН Красноярского края, Республики Хакасия и Иркутской области. Изучалась частота использования ими в своей профессиональной деятельности (в основном связанной с административными правонарушениями) действий, похожих по внешним признакам на некоторые ОРМ (в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об ОРД»), но с юридической точки зрения таковыми не являющихся (табл. 1).

Таблица 1. Действия, совершаемые инспекторами ПДН, сходные по внешним признакам с ОРМ

Действия	Количество ответов	
	человек	%
Опрос	189	100
Отождествление личности	161	85,2
Наведение справок	150	79,4
Наблюдение	96	50,8
Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств	95	50,3
Проверочная закупка	89	47,1
Другое	8	4,2

Таким образом, в процессе исследования было выяснено, что ПДН в своей профессиональной деятельности наиболее часто проводят мероприятия, похожие на такие ОРМ, как опрос, наведение справок, отождествление личности.

При этом считаем необходимым сделать важное отступление и отметить, что согласно ФЗ «Об ОРД» в настоящий момент ОРД могут осуществлять только оперативные подразделения, что Н. С. Железняк называет «острым углом» ФЗ «Об ОРД» [11, с. 65]. В число таковых в соответствии с Перечнем оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, утвержденным приказом МВД России «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» от 19 июня 2012 г. № 608, ПДН (как и многие другие подразделения ОВД) в него не входят.

Важно отметить, что указанная проблема (невозможность для подразделений полиции, не являющихся оперативными, осуществлять ОРД, хотя бы и в усеченном виде) является более обширной и требует отдельных исследований.

Вместе с тем мы также можем с уверенностью констатировать, что в ОВД существуют подразделения, для которых невозможность ведения ОРД как таковой является намного более насущной проблемой, чем для рассмотренных нами в качестве примера ПДН. К таковым с полным основанием мы можем отнести, например, участковых уполномоченных полиции [21].

Для эмпирического обоснования (или опровержения) данного положения, в феврале 2024 г. нами было дополнительно проведено исследование, в ходе которого по разработанной анкете были анонимно опрошены участковые уполномоченные полиции МУ МВД России «Красноярское» (всего 54 сотрудника), о необходимости использования ими в своей профессиональной деятельности (при этом, такая деятельность в основном связана с противостоянием именно административным правонарушениям) методов ОРД (табл. 2).

Таблица 2. Результаты анкетирования участковых уполномоченных полиции МУ МВД России «Красноярское»

Вопросы анкеты и варианты ответов	Количество ответов	
	человек	%
Допуск к ведению ОРД повысит возможности участковых уполномоченных полиции противостоять противоправной активности любого вида		
— да, согласен	41	75,9
— скорее да, чем нет	1	1,9
— нет, не согласен	3	5,5
— скорее нет, чем да	2	3,7
— затрудняюсь ответить	7	13,0
Существует реальная необходимость использовать ОРД для борьбы с административными правонарушениями		
— да, согласен	38	70,4
— скорее да, чем нет	3	5,5
— нет, не согласен	3	5,5
— скорее нет, чем да	2	3,7
— затрудняюсь ответить	8	14,8

Как видно из результатов анкетирования, подавляющее большинство участковых уполномоченных считают необходимым применять в своей работе средства и методы ОРД и в административной практике в частности.

Проведенные исследования, на примере ПДН и участковых уполномоченных полиции, обосновывают необходимость законодательного разрешения на проведение ОРД в рамках борьбы с административными правонарушениями. Их подробная регламентация значительно упростит проведение различными подразделениями полиции обширного спектра мероприятий, а значит, в итоге, повысит и общую эффективность деятельности правоохранительных органов.

Внесение корректив в ФЗ «Об ОРД» необходимо. Этот шаг, безусловно, повысит возможности полиции и станет ответом на разумные и обоснованные запросы правоохранителей. Как справедливо указывал еще в 2010 г. Ю. П. Соловей, «по своей отраслевой принадлежности Закон об ОРД является источником

преимущественно административного, точнее, полицейского законодательства» [15, с. 8].

Таким образом, для расширения сферы действия ФЗ «Об ОРД», в целях использования средств и методов ОРД в борьбе с административными правонарушениями мы считаем необходимым внесение изменений в данный правовой акт и предлагаем изложить п. 1, подпункт 1 п. 2, и п. 3 ст. 7 данного закона в следующей редакции:

«Основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются:

1. Наличие возбужденного уголовного дела или дела об административном правонарушении.
2. Ставшие известными органам, осуществляю-

щим оперативно-розыскную деятельность, сведения о:

1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или дела об административном правонарушении;

...

3. Поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве».

Список источников

1. Канунникова Н. Г. Актуальные проблемы борьбы с административными правонарушениями // Административное право и процесс. 2013. № 4.
2. Куянова А. В., Юрицин А. Е. Организационно-правовые и тактические основы деятельности полиции по охране общественного порядка и общественной безопасности в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1(9).
3. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию или административному аресту // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89).
4. Лозбяков В. П., Эриашвили Н. Д. Криминология и административная юрисдикция милиции : учеб. пособие / под ред. В. П. Лозбякова. М., 1998.
5. Симбагаев С.-М. Р. К вопросу о соотношении штрафа как уголовного и административного наказания // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205).
6. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3(260).
7. Водько Н. П. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе российского законодательства: проблемы и решения : монография. М., 2007.
8. Базарбаев А. С. Роль оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1.
9. Железняк Н. С. К вопросу о существовании в оперативно-розыскной деятельности иных оперативных мероприятий // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4(17).
10. Игнащенко Ю. Ю. История правовой регламентации оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3(27).
11. Железняк Н. С. «Острые углы» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Научный портал МВД России. 2008. № 2.
12. Атмажитов В. М., Бобров В. Г. Дискуссии и обсуждения к вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 2004. № 11.
13. Бобров В. Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право. 2005. № 2(2).
14. Чечетин А. Е. Проект законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий // Полицейское право. 2006. № 4(8).
15. Соловей Ю. П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2010.
16. Агарков А. В., Капустин К. В. Цели и задачи современной оперативно-розыскной деятельности: проблемы законодательного регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 1(42).

17. *Атмажитов В. М.* О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 4(13).

18. *Субботин А. М., Трусов Н. А.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях: из опыта анализа судебной практики // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

19. *Субботин А. М., Трусов Н. А.* Критический взгляд на совершенствование законодательства об оперативно-розыскной деятельности в контексте производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1(99).

20. *Гамзина А. В.* Необходимость участия подразделений по делам несовершеннолетних в оперативно-розыскной деятельности в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).

21. *Гамзина А. В.* К вопросу о необходимости ограниченного участия в оперативно-розыскной деятельности подразделений по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3(48).

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-326-333

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Элементы механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях

Шамо Гейсатдинович Мамедов

преподаватель кафедры криминологии и профилактики преступлений¹, ✉ mamedovshamo@gmail.com

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

На основе анализа судебной практики по фактам совершения вооруженных нападений в образовательных организациях, сведений правоохранительных органов и материалов психолого-психиатрических экспертиз установлены взаимосвязанные обстоятельства, детерминирующие совершение массовых убийств в учебных заведениях. Автором представлено понятие механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях. Основное внимание в статье уделено структурным элементам механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, к числу которых отнесены формирование мотива, принятие решения о совершении преступления, планирование, исполнение решения и посткриминальное поведение.

Ключевые слова: скулшутинг, колумбайн, механизм преступного поведения, вооруженные нападения, образовательные организации, личность преступника, мотивация, планирование, посткриминальное поведение

Для цитирования: Мамедов Ш. Г. Элементы механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 326–333.

Elements of the Mechanism of Criminal Behaviour of Perpetrators of Armed Attacks in Educational Institutions

Shamo G. Mamedov

lecturer at the chair of Criminology and Prevention of Crime¹,

✉ mamedovshamo@gmail.com

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

On the basis of the analysis of judicial practice concerning the facts of committing armed attacks in educational organizations, information from law enforcement agencies and materials of psychological and psychiatric examinations the interrelated circumstances determining the commission of mass murders in educational institutions are established. The author presents the concept of the mechanism of criminal behaviour of persons committing armed attacks in educational institutions. The focus is made on the structural elements of the mechanism of criminal behaviour of persons committing armed attacks in educational organizations, which include the formation of motive, decision-making about committing a crime, planning, implementation of the decision and post-criminal behaviour.

Keywords: school shooting, columbine, mechanism of criminal behaviour, armed attacks, educational organizations, criminal personality, motivation, planning, post-criminal behavior

Citation: Mamedov Sh. G. Elements of the Mechanism of Criminal Behaviour of Perpetrators of Armed Attacks in Educational Institutions. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 326–333 (In Russ.).

Проблема вооруженных нападений в образовательных организациях в настоящее время не теряет своей актуальности. На протяжении десяти лет в России совершаются акты массового насилия в учебных заведениях, каждый из которых является объектом пристального внимания исследователей, сотрудников правоохранительных органов и общества в целом.

Анализ случаев вооруженных нападений в образовательных организациях неразрывно связан с исследованием личности преступника, внешних факторов и внутренних явлений, детерминирующих противоправное деяние, а также изучением процессов зарождения и развития преступного поведения, именуемых в криминологии механизмом преступного поведения. Под механизмом преступ-

ного поведения понимается связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение [1, с. 30].

Механизм преступного поведения представляет собой важную область исследования, необходимого не только для понимания причин и условий совершения конкретного вида преступного посягательства, но и для разработки на их основе конкретных мер превентивного характера.

В криминологической литературе вопрос структурного наполнения понятия механизма преступного поведения является одним из наиболее дискуссионных, и единого подхода в настоящее время не существует [2]. С нашей точки зрения, наиболее точным является мнение В. Н. Кудрявцева, который считал, что поведение человека, совершающего преступление, не ограничено во времени и пространстве совершением самого преступного посягательства, преступное поведение начинается гораздо раньше и оканчивается позже [3, с. 7]. В соответствии с мнением В. Н. Кудрявцева механизм преступного поведения содержит следующие структурные элементы: формирование мотивации, принятие решения, планирование, исполнение решения о совершении преступления и посткриминальное поведение лица как форма реализации деятельности лица после совершения им противоправного посягательства [4, с. 141]. Считаем, что такое структурное наполнение является наиболее полным и раскрывает наиболее важные элементы процесса зарождения и развития криминального поведения, поэтому для всестороннего исследования механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, в настоящей статье будем использовать именно эту схему.

Данный механизм представляет собой процесс возникновения у деформированной личности под влиянием криминогенных факторов в виде травли в учебных коллективах и негативного воздействия субкультуры «Колумбайн» полимотивированного поведения, выраженного в совершении умышленного, тщательно спланированного акта вооруженного нападения в образовательной организации и реализации последующего постпреступного действия в виде суицида.

Актуальность исследования вооруженных нападений в образовательных организациях подтверждается наличием ряда научных работ психологическо-

го и криминологического профиля, посвященных отдельным аспектам формирования и развития преступного поведения. Так, значительный вклад в изучение данного вопроса внесли Ю. В. Суходольская [5], В. В. Орлов [6], А. В. Пучнин [7], А. А. Глухова [8], К. В. Диденко [9] и др.

Раскрывая особенности механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, основываясь на анализе приговоров и определений судов¹ и сведений правоохранительных органов, подробнее остановимся на характеристике отдельных элементов рассматриваемого преступного деяния.

Формирование мотива. Традиционно в криминологии под мотивом принято понимать внутреннее побуждение к действию, определяемое потребностями, интересами, чувствами, возникшими и обострившимися под влиянием внешней среды и конкретной ситуации [10, с. 59].

Исследование актов вооруженных нападений в образовательных организациях позволяет констатировать, что мотивационная составляющая является основной в структуре рассматриваемого механизма преступного поведения.

Анализ материалов уголовных дел и приговоров судов показал, что лица, совершающие вооруженные нападения в образовательных организациях, проявляют полимотивированное преступное поведение, поэтому исследование побудительных факторов должно быть многогранным и носить комплексный характер. Полимотивация в криминологии предполагает непротиворечивый ряд исходных побуждений и целей преступного поведения. Следует отметить, что непротиворечивость сочетается с доминированием ведущего мотива и основной цели и наличием второстепенных побудительных составляющих [11, с. 43].

Ведущим побуждением в полимотивированном поведении лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях на территории России, является *месть*.

Так, в 60% актов нападения ведущим мотивом является месть, в 40% — противопоставление себя обществу, демонстрация своего превосходства. При этом важно отметить, что в анализируемых актах вооруженных нападений в образовательных организациях наблюдается вариативность побудительных мотивов.

А. Л. Боер рассматривает месть как вызванное обидой и детерминированное свойствами личности многоаспектное психическое образование, побужда-

¹ Здесь и далее в тексте статьи использованы сведения, полученные из 12 приговоров и определений судов по фактам вооруженных нападений в образовательных организациях Пермского края, г. Москвы, Московской области, Саратовской области, Республики Бурятия, Республики Татарстан.

ющее к удовлетворению потребности в субъективно воспринимаемой справедливости и проявляющееся в ответной вербальной или физической агрессии в отношении обидчика либо третьих лиц [12, с. 18].

Преступные деяния, мотивированные местью, чаще всего не совершаются спонтанно и необдуманно, так как чувство мести трансформируется в навязчивое состояние, способное заполнить большую часть сознания, и человек тщательно планирует акт ответной агрессии. Месть как ведущий мотив совершения вооруженных нападений в образовательных организациях характеризуется ответной реакцией человека на комплекс психотравмирующих ситуаций, к числу которых относятся негативные отношения в семье, непринятие человека социумом, травля в учебном коллективе и т. д.

Следует отметить, что травля в коллективе образовательной организации наряду с иными формами агрессии в отношении человека способствует аккумулярованию негативных эмоций и неспособности решить конфликтные ситуации в учебном коллективе иным путем, мотивируют к осознанному решению совершить акт массового убийства. В ответ на агрессию, исходящую преимущественно от учебного коллектива, человек, мотивированный чувством мести, приходит к насилию, которое носит массовый характер и направлено на неопределенный круг лиц ввиду того, что агрессия преимущественно исходит от ограниченного круга лиц образовательного коллектива, но большинство членов коллектива не пыталось помочь жертве противостоять атаке, поэтому месть выступает актом возмездия всему образовательному сообществу учебного заведения.

Так, Б. высказывал мысли об отсутствии жизненных перспектив, копилась злость на людей, на одноклассников в колледже, стало возникать желание отомстить им. Вопросы, связанные с несправедливым отношением к нему, он начал обсуждать в социальной сети «ВКонтакте» со своим другом Б., который разделял его злость по отношению к людям, делился своей обидой².

Следующим побудительным стремлением в полимотивированном комплексе совершения вооруженных нападений в образовательных организациях является *тщеславие*.

Как отмечает Б. С. Волков, тщеславие как мотив совершения преступления в большинстве случаев не является основным, но оно способно изменить содержание главного мотива, придать ему иной характер [13, с. 69]. Тщеславие предполагает стремление человека восполнить пробел внимания к собственной личности, обрести известность в обществе

и подтвердить собственное превосходство в глазах лиц, ранее игнорирующих этого человека.

В большинстве случаев вооруженных нападений в образовательных организациях преступное лицо, став объектом изгнания в учебном коллективе, испытывает чувство необходимости признания в обществе, старается различными способами проявить свою индивидуальность. Не получив желаемого отношения к себе, деформированный совокупностью иных психотравмирующих обстоятельств, человек прибегает к проявлению противоправного поведения с целью заявить о себе.

Совершая вооруженное нападение в образовательной организации, лицо выдает свое преступное деяние как специфический акт проявления собственного «Я», мнимо самоутверждаясь перед обществом за испытываемое прежде изгнание. Демонстрация насилия в учебном заведении столь радикальным способом в сознании преступника не только является актом возмездия за непринятие обществом, но и показывает его всесильность перед обидчиками.

Б. при совершении преступного деяния был мотивирован, помимо прочего, стремлением к самоутверждению в обществе. Результаты психолого-психиатрических экспертиз показали, что Б. свойственна личная дисгармония в виде сочетания эмоциональной неустойчивости, включая демонстративность действий, потребности в успехе и признании, в том числе за счет негативных проявлений и аутоагрессии³.

Несмотря на то что лицу, совершающему вооруженные нападения в образовательных организациях присущи насильственно-эгоистические побуждения, мотивационный комплекс может содержать также идеологические устремления.

Идеологический мотив представляет собой сопоставление личностных побуждений человека с идейными позициями и ценностями группы людей. Объединение людей по сходным воззрениям, аккумулярование и развитие теоретических концепций рождает устойчивую систему знаний, в ряде случаев продвигающих деструктивные идеи.

По мнению советского социолога С. Г. Карамурзы, идеология есть комплекс идей и концепций, с помощью которых человек понимает общество, социальный порядок и себя самого в этом обществе [14, с. 6]. По нашему мнению, движение «Колумбайн» в настоящее время является сложившейся деструктивной идеологией с характерной системой взглядов и идей, выражающей интересы определенных групп людей. Столкнувшись с жизненными трудностями, человек сопоставляет себя с лицами, ранее совер-

² Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми от 29 апреля 2019 г. по делу № 1-117/2019. URL: <https://motovil/perm.sudrf.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

³ Там же.

шившими нападения в образовательных организациях, и желает приобщиться к истории, став образцом подражания для последователей этого движения. Адепты идеологии «Колумбайн» объединяются в неформальные группы, в основном в социальных сетях, аккумулируют утопические идеи о жизни, смерти, совершении акта возмездия над обществом и «ритуальным» завершением преступного протеста. Именно идеология «Колумбайн» и ее последователи формируют в личности ценностные ориентации, включающие убеждение в необходимости совершения вооруженного нападения в образовательной организации.

Так, М. в сети Интернет ознакомился со статьей, из которой узнал, что 20 апреля 1999 г. в школе «Колумбайн» округа Джефферсон штата Колорадо США произошло спланированное нападение двух учеников старших классов Эрика Харриса и Дилана Клиболда на остальных учеников и персонал этой школы с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 12 учеников и одного учителя, ранили еще 23 человека, после чего застрелились сами. Его заинтересовала данная тема, поскольку ему стали интересны мотивы совершения данного преступления, т. е. месть за систематические унижения и насмешки в их адрес со стороны сверстников. Он увидел сходство своей судьбы с судьбой Эрика Харриса, так как над последним, как и над ним, постоянно издевались сверстники⁴.

Таким образом, формирование мотива совершения вооруженных нападений в образовательных организациях является основополагающим в процессе актуализации преступного поведения личности. Именно в процессе формирования мотива происходит убеждение в необходимости решения жизненных проблем посредством совершения акта массового убийства в учебном заведении. Обратим внимание, что сформированный комплекс побуждающих факторов не всегда переходит в совершение преступного посягательства, так как принятие решения о совершении преступления напрямую связано с криминогенной ситуацией, в которой находится личность в определяющий момент.

Принятие решения о совершении нападения следует рассматривать как самостоятельный элемент механизма преступного поведения. Необходимость выделения элемента принятия решения о совершении преступления диктуется логической цепью преступного деяния, не позволяющей привести в дей-

ствие другие элементы механизма без наступления самого факта актуализации преступного умысла и принятия окончательного решения о его исполнении.

Под принятием решения о совершении вооруженного нападения в образовательной организации понимается интеллектуально-волевой акт, выражающий готовность совершить массовое убийство в учебном заведении.

Исследователи считают, что длительность процесса принятия решения зависит от комплекса обстоятельств и чаще всего занимает минуты, часы и крайне редко дни или недели [15, с. 47]. В механизме преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, принятие решения о совершении преступления часто является длительным процессом и актуализируется с учетом нарастания психотравмирующей ситуации преступника.

Как отмечает профессор, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени Ломоносова Александр Асмолов, лица, совершающие вооруженные нападения в образовательных организациях, чувствительны и наиболее восприимчивы к жестокости, и при принятии решения о совершении преступления важным фактором является влияние криминогенной обстановки и криминальной субкультуры⁵.

Так, у Б. сложились плохие отношения с учителями, одноклассниками и сверстниками. У него была озлобленность на обстановку в школе и отношение к нему, но не знал, как выместить свою злость. Примерно в декабре 2016 г. в интернете он увидел видеозаписи с нападениями в школах в России, Германии и США, где речь шла об убийствах учителей и учеников. Эта тема его заинтересовала, он продолжил изучать ее, после чего в марте 2017 г. принял окончательное решение совершить нападение в школе аналогичным способом⁶.

Следующим элементом в структуре механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, является планирование преступного посягательства. Планирование представляет собой воплощение преступного замысла из преступного намерения в реальность. При планировании совершения вооруженного нападения в образовательной организации лицо тщательно определяет объект нападения, время, место, тактику действий, средства, необходимые

⁴ Приговор Ленинского районного суда Тульской области от 29 апреля 2022 г. по делу № 1-1/2022. URL: <https://leninsky.tula.sudrf.ru> (дата обращения: 30.05.2024).

⁵ Что заставило студента напасть на школу в Казани и почему подростки берутся за оружие? URL: <https://lenta.ru/articles/2021/05/17/violence/> (дата обращения: 02.06.2024).

⁶ Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 21 января 2021 г. по делу № 1-32/2021. URL: <https://oktiabrsky--bur.sudrf.ru> (дата обращения: 02.06.2024).

для эффективной реализации задуманного, а также итог совершения преступления.

Так, Г. разработал план преступления, включавший в себя получение разрешения и последующее приобретение огнестрельного оружия и патронов к нему, приобретение соответствующих химических веществ и незаконное изготовление из них взрывного устройства в целях его последующего применения при нападении на гимназию. Согласно плану преступления при производстве выстрелов в людей Г. намеревался использовать патроны, снаряженные картечью, что, по его замыслу, с учетом количества имевшихся у него патронов, высоких поражающих свойств картечи и большой площади ее разлета (рассеивания), после выстрела в условиях ограниченных размеров помещений гимназии во время учебного процесса должно было обеспечить причинение смерти неопределенно большому количеству людей⁷.

Важно отметить, что особенностью планирования вооруженных нападений в образовательных организациях является мыслительный характер разработки порядка действий преступного посягательства. Это объясняется сложной моделью нападения, «успешное» завершение которого в полной мере зависит от полноценного расчета всего сценария преступного посягательства.

Стадия планирования по завершении мыслительного моделирования перетекает в этап *исполнения преступного деяния*.

Исполнение решения о совершении преступления состоит из трех основных стадий, нашедших закрепление в УК РФ (ст. ст. 29, 30), а именно: приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление.

Приготовление к совершению вооруженного нападения в образовательной организации представляет собой создание условий, благоприятствующих последующему совершению преступления, в том числе приискание, изготовление и приспособление средств и орудий, приискание соучастников, а также иное умышленное создание условий совершения акта массового убийства в учебном заведении.

Так, для реализации задуманного Б., совершивший 22 сентября 2021 г. вооруженное нападение в Пермском государственном университете, получил охотничий билет, лицензию на приобретение огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия и патронов к нему, разрешение на хранение и ношение охотничьего огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, охотничьего пневматического оружия или огнестрельного оружия ограни-

ченного поражения и патронов к нему, на основании которых приобрел:

1) длинноствольное гладкоствольное огнестрельное оружие — охотничье ружье «Huglu Atrox Tactic Pump Synt» калибра 12*76, 2020-го г. выпуска, позволяющее вести из него стрельбу патронами 12 калибра 12/17 и 12/76, снаряженными дробью, картечью или пулями;

2) боеприпасы — патроны калибра 12/76 и 12/70, картечь (8,5 мм), которые отвез к себе домой, где хранил до 20 сентября 2021 г.

Б. также приобрел предметы одежды, амуницию, нож марки «PIRAT» в целях применения и использовании при совершении нападения⁸.

Обратим внимание, что отдельного отражения в нашем исследовании не получили каждая из стадий исполнения решения о совершении преступления ввиду отсутствия специфики, отличающейся от исполнения решения о совершении умышленного убийства, однако необходимо отметить особенность вооруженных нападений в образовательных организациях, выраженную в проявлении «сигналов» о предстоящем акте массового насилия.

Проведенное нами исследование показало, что преступники неоднократно проявляли «сигналы» о предстоящем нападении, под которыми следует понимать определенные действия лица, несущие сообщения о вероятностном характере совершения вооруженного нападения в образовательной организации.

Рассмотрим, что может быть «сигналами» о возможном совершении вооруженного нападения в образовательной организации.

1. Несвойственное ранее увлечение лица жестоким контентом (фильмы/игры/аудио-, видеосюжеты), проявление спонтанной агрессии, суицидальные идеи, интерес к армейской и оружейной тематике.

2. Отрешение от социума, непринятие общественных норм и правил, прямые высказывания о ненависти к обществу, физические или психологические конфликты с окружающими.

3. Оправдание преступных деяний серийных убийц, маньяков, насильственных преступников, публикация в социальных сетях и мессенджерах информации, связанной с известными актами массового убийства в учебных заведениях, в том числе с использованием фотоизображений, цитат, различного рода упоминаний личностей наиболее известных преступников.

Так, П. на странице в социальной сети «ВКонтакте» во всеобщем доступе, в качестве «статуса»

⁷ Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 13 апреля 2023 г. по делу № 2-4/2023. URL: <https://4ap.sudrf.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

⁸ Приговор Пермского краевого суда от 29 декабря 2022 г. по делу № 2-11-22. URL: <https://obsud--perm.sudrf.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

употребил фразу нападавшего на школу «Колумбайн» Дилана Клиболда «*Delite my life*» («Удалить свою жизнь»)⁹; Р. разместил в качестве статуса слово «Hate» («Ненависть»), использованное Эриком Харрисом и т. д.¹⁰

4. Использование стиля одежды как внешнего проявления демонстрации своих убеждений: солнцезащитные очки; бандана на лице либо маска по типу балаклавы; футболки с надписями «Natural selection» (естественный отбор), «NaturalBornKillers/NBK» (прирожденные убийцы), «Hate» (ненависть), «Wrath» (гнев), «We are KMFDM» (мы без жалости к большинству), «Ich bin Gott» (Я Бог), «1999», «Delete my life» (удалить свою жизнь) и др.; длинные плащи; брюки темного цвета либо в стиле «милитари»; высокие ботинки, берцы.

Названные элементы одежды не являются исчерпывающими, но большинство лиц, совершивших вооруженные нападения в образовательных организациях, использовали, как минимум, один отличительный компонент стиля одежды. Помимо прочего, в различных элементах стиля одежды отмечаются отсылки к известным преступникам, в том числе упоминание их имен, использование даты нападения и т. д.

5. Публикация в сети Интернет посланий (манифестов) о предстоящем нападении.

Б. в социальной сети «ВКонтакте» перед совершением нападения опубликовал большой пост об истории своей жизни и о том, как он пришел к необходимости массового расстрела: «Этот день станет самым насыщенным днем в моей жизни, я проживу его так, как многие из вас не проживают свои жизни. Не знаю, скольких я смогу убить, но я сделаю все, чтобы забрать с собой как можно больше»¹¹.

Важно отметить, что проявление лицом «сигналов» непосредственно свидетельствует о высоком риске совершения нападения, так как данные «сигналы» подаются в большинстве случаев целенаправленно, для собственного удовлетворения и убежденности в намеченной цели, а также для усиления напряженности в коллективе и обществе в целом.

Завершающим элементом механизма преступного поведения является посткриминальное поведение, под которым понимается поведение лица после совершения им преступного посягательства [16, с. 75]. Посткриминальное поведение представляет собой мыслительную и поведенческую реакцию преступника, в результате которых происходят

оценка совершенного деяния и принятие решения о дальнейших действиях.

Особенностью посткриминального поведения лица, совершающего вооруженное нападение в образовательной организации, является моделирование постпреступной деятельности в процессе формирования умысла и ее устойчивое закрепление в период планирования совершения нападения. В большинстве случаев ввиду продолжительного неустойчивого психоэмоционального состояния лица завершающим этапом вооруженного нападения в образовательной организации является посткриминальное самоубийство.

Проведенный нами анализ фактов вооруженных нападений в образовательных организациях, совершенных в России, показал, что из 15 лиц, совершивших противоправные посягательства, 5 (33,3%) покончили жизнь самоубийством, 4 (26,7%) предприняли попытки совершить суицид, однако по различным обстоятельствам не довели своего умысла до конца, 6 (40%) планировали совершение суицида после акта массового убийства в учебном заведении.

Так, Б. и Б., доведя до конца единый преступный умысел на причинение смерти двум и более лицам, действуя в соответствии с заранее разработанным планом на совершение самоубийства, поочередно нанесли друг другу множественные удары клинками ножей в шею¹².

Как отмечает Н. Д. Узлов, в случае совершения вооруженных нападений в образовательных организациях стремление закончить жизнь самоубийством после совершения нападения представляет собой брутальную форму аутоагрессивного поведения [17, с. 24]. Такое поведение лица объясняется комплексом психотравмирующих обстоятельств, определяющих изменения психики в совокупности с имеющимися психическими особенностями личности. Так, на фоне проблем внутрисемейного характера, трудностей социального самоопределения и систематической травли в учебном коллективе у человека не только возникает преступный умысел на совершение массового убийства в учебном заведении, но и появляется устойчивая идея о необходимости совершения суицида как способа решения имеющихся жизненных проблем.

Подтверждая данный тезис, американский исследователь в области психологического анализа личности массовых убийц Дж. Фаст отмечает, что

⁹ «Сотрите мою жизнь!» URL: <https://lenta.ru/articles/2022/09/05/pivnev/> (дата обращения: 30.05.2024).

¹⁰ Дневники убийцы: записки керченского стрелка объяснили мотивы нападения. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/15/dnevniky-ubiytsy-zapiski-kerchenskogo-strelka-obyasnili-motivy-napadeniya.html> (дата обращения: 29.05.2024).

¹¹ Пермский стрелок Тимур Бекмансуров опубликовал манифест. URL: https://ru.wikinews.org/wiki/Пермский_стрелок_Тимур_Бекмансуров_опубликовал_манифест (дата обращения: 12.02.2024).

¹² Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми от 29 апреля 2019 г. по делу № 1-117/2019.

в случае с актами вооруженных нападений в образовательных организациях присутствует особая церемониальность, театральность и торжественность, напоминающие древние ритуалы, где исполнитель играет роль Бога, перед тем как его казнят или он совершит самоубийство [18].

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости выделения посткриминального поведения в виде постпреступного суицида в самостоятельный элемент механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, как специфической деятельности человека после реализации преступного умысла.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что рассматриваемый механизм преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, содержит ряд элементов, каждый из которых, безусловно, имеет важное значение для всестороннего изучения явления массовых убийств в учебных заведениях. Выделяются следующие элементы механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях:

— формирование побуждения на совершение массового убийства в учебном заведении, имеющего полимотивированную основу и содержащего в себе такие позиции, как месть, тщеславие и идеологическая составляющая;

— принятие решения о совершении преступления на основании устойчивого убеждения в необходимости акта вооруженного нападения в образовательной организации;

— планирование преступного посягательства, выраженного в мысленном моделировании основных деталей нападения в учебном заведении;

— исполнение решения о совершении вооруженного нападения в образовательной организации со специфической стадией приготовления к совершению преступления, выраженной в форме прискания, изготовления и приспособления средств и орудий, а также иного умышленного создания условий совершения акта массового убийства в учебном заведении. При этом именно на данном этапе преступное лицо проявляет «сигналы» о предстоящем нападении в виде несвойственных ранее увлечений жестоким контентом, интереса к оружейной тематике, отрешения от социума, интереса к ранее известным фактам массовых убийств в учебных заведениях, выражения солидарности к преступникам, их совершившим, а также размещение в сети Интернет различного рода посланий и манифестов о планируемом деянии;

— посткриминальный суицид как специфическое проявление постпреступной деятельности лица, совершающего вооруженные нападения в образовательной организации.

Список источников

1. *Механизм преступного поведения* / Ю. М. Антонян, П. С. Дагель, О. Л. Дубовик и др. ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1981.
2. *Камалова А. К.* О некоторых сторонах механизма преступного поведения // *Общество и право*. 2012. № 4.
3. *Кудрявцев В. Н.* Борьба мотивов в преступном поведении : монография. М., 2019.
4. *Криминология : учебник для бакалавриата и специалитета* / под общ. ред. А. В. Кудрявцева и А. Е. Михайлова. Владимир, 2020.
5. *Суходольская Ю. В.* Факторы, детерминирующие совершение массового убийства в образовательной организации, и механизм преступного поведения скрупулера // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2021. № 3.
6. *Орлов В. В.* Закономерности в поведении лиц, осуществляющих вооруженные нападения на учебные учреждения // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2022. Т. 27, № 3(90).
7. *Пучнин А. В.* Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Общество и право*. 2021. № 2.
8. *Глухова А. А.* Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. № 4.
9. *Диденко К. В.* «Колумбайнеры» — новый тип личности несовершеннолетнего преступника // *Современный ученый*. 2020. № 5.
10. *Долгова А. И.* Криминология : учебник для вузов. М., 2005.
11. *Лунеев В. В.* Мотивация преступного поведения. М., 1991.
12. *Боер А. Л.* Месть в мотивационной структуре преступного поведения (Криминологический и уголовно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
13. *Волков Б. С.* Мотивы преступлений: уголовно-правовое и социально-психологическое исследование. Казань, 1982.

14. *Кара-Мурза С. Г.* Идеология и мать ее наука. М., 2002.
15. *Филиппова Е. О.* Криминология : учеб.-метод. пособие. Оренбург, 2008.
16. *Варданян А. В.* Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // *Философия права.* 2016. № 2.
17. *Узлов Н. Д.* Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // *Суицидология.* 2021. № 4.
18. *Fast J.* Ceremonial violence: a psychological explanation of school shootings. Woodstock, NY: Overlook Press, 2008.

УДК 340.1:343

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-334-339

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Безопасность и свобода личности в теоретико-правовом измерении

Виктор Николаевич Борков

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права¹,

✉ borkovv@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена актуальной проблеме обеспечения государством свободы и безопасности личности. В результате изучения теоретико-правовой доктрины, позиций Конституционного и Верховного судов Российской Федерации показана публично-правовая значимость прав и свобод индивида, а также связанность их реализации с принуждением остальных граждан к правомерному поведению. При разрешении сложных проблем конкуренции между свободой и безопасностью на уровне правовых идей, форм и правовой реальности автор предлагает исходить из приоритета безопасности жизни, здоровья и собственности, в сравнении с правами на неприкосновенность частной жизни, телефонных переговоров и иных коммуникаций, свободой слова, определения места пребывания. Важными гарантиями справедливого соотношения между возможностью реализации индивидуальных свобод и обеспечением безопасности признаны четкие материальные и процессуальные основания ограничения личных прав и использование должностными лицами дискретных полномочий исключительно в правоохранительных целях.

Ключевые слова: безопасность личности, свобода личности, государственное принуждение, неприкосновенность частной жизни, уголовно-правовое воздействие, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Борков В. Н. Безопасность и свобода личности в теоретико-правовом измерении // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 334–339.

Individual Security and Freedom in Theoretical Legal Dimension

Viktor N. Borkov

Doctor of Science (in Law), Professor, chief of the chair of Criminal Law¹,

✉ borkovv@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to the urgent problem of ensuring individual freedom and security by the state. As a result of the study of theoretical and legal doctrine, positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, the public-law significance of the rights and freedoms of an individual is shown, as well as the connection of their implementation with compelling other citizens to lawful behaviour. In resolving the complex problems of competition between freedom and security at the level of legal ideas, forms and legal reality, the author proposes to proceed from the priority of security of life, health and property, compared to the rights to inviolability of privacy, telephone conversations and other communications, freedom of speech, determination of place of residence. Distinct substantive and procedural grounds for restricting individual rights and the use of discretionary powers by officials solely for law enforcement purposes have been recognized as important guarantees of a fair balance between the possibility of exercising individual freedoms and ensuring security.

Keywords: individual security of a person, personal freedom, state coercion, state enforcement, inviolability of private life, criminal law influence, operational crime detection

Citation: Borkov V. N. Individual Security and Freedom in Theoretical Legal Dimension. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 334–339 (In Russ.).

Каждый человек имеет право на безопасные условия жизни. Под безопасностью понимается «состояние защищенности интересов личности в политической, экономической и социальной сферах от внешних и внутренних угроз...»¹. В своей деятельности по обеспечению безопасности государство не может не опираться на принуждение, ограничение частного интереса для публичного блага. «Права человека... не должны входить в неразрешимое противоречие с другими ценностями. Они должны не разрушать общество... а помогать его консолидации» [1, с. 26, 27]. «Право, как взаимное ограничение свободы под общим законом, составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ» [2, с. 60]. При этом неверно противопоставлять человека и государство: во-первых, налагаемые на гражданина ограничения — это плата за безопасность, во-вторых, «частные интересы обладают публично-правовой значимостью, поскольку их должное соблюдение... способствует сохранению гражданского мира»². «Публичная оценка эффективности юридических средств защиты жизненных ценностей человека... имеет важное значение в правовой практике» [3, с. 250]. Добросовестно исполняя установленные обязанности и наложенные ограничения, гражданин вправе ожидать решительности государства в обеспечении его безопасности. «Власть, — писал И. А. Ильин, — должна быть в государственных делах волевым центром страны. Безволие и слабование не импонирует русскому человеку» [4, с. 293]. На необходимость приоритетного укрепления государства при определении иерархии криминализации указывает М. В. Бавсун, обозначая задачу по определению того, «какие опасные для государства, общества и личности деяния признаются преступлениями» [5, с. 14]. Государство не вправе только провозгласить человека высшей ценностью и устранить от решения стоящих в связи с этим задач, но в той же мере и общество вправе рассчитывать на адекватное угрозам принуждение при осуществлении правоохранительной функции.

Ограничение свободы индивида в целях обеспечения безопасности общества должно быть соразмерным, т. е. справедливым. В контексте реагирования на угрозы безопасности было бы неточным под справедливостью понимать равенство правовых возможностей, единство прав и обязанностей [6, с. 13], содержательно отождествляя таким образом справедливость с принципом равенства. Было бы ошибкой при осуществлении правоохранитель-

ной деятельности уравнивать, например, законопослушного гражданина с преступником, признанным таковым приговором суда, а также с обвиняемым, подозреваемым или обоснованно заподозренным в совершении преступления. «Предупреждение совершения новых преступлений происходит в первую очередь путем... контроля за поведением лиц, [уже] совершивших преступление» [7, с. 136]. Существуют лица, которые представляют угрозу для общества в силу своего опасного состояния [8, с. 54–59]. И. А. Ильин утверждает: «Равенство — однообразно. Оно не считается с жизненной сложностью и человеческими различиями. Но именно потому оно отвлеченно, формально и мертво. Оно не видит живого человека и не желает его видеть. Справедливость же многообразна. Она знает, что жизнь бесконечно сложна и что одинаковых людей нет. Именно поэтому она не отвлеченна и не формальна, а конкретна и жизненна. Она всматривается в живого человека, стремится верно увидеть его и предметно обойтись с ним» [4, с. 281]. «Именно личность преступника оказывается в роли основного индикатора, позволяющего оценить глубину потрясений, которые затронули всю криминальную сферу...» [9, с. 341]. Поэтому подход к определению объекта профилактики в деятельности по обеспечению безопасности должен быть предметным и взвешенным. Особенно востребована справедливость при осуществлении уголовно-правового воздействия, так как уголовный закон является исключительным по мере карательного потенциала средством воздействия на лиц, совершивших деяния, достигающие криминальной степени общественной опасности.

Вопросы конкуренции частного интереса и необходимости обеспечения безопасности часто становятся предметом правовых позиций Конституционного Суда РФ. Так, гр. П. О. Вильке пожаловался на несоответствие Конституции ст. 137 УК РФ, которая позволила признать его «виновным в совершении незаконного собирания сведений о частной жизни граждан, составляющих их личную или семейную тайну, без их согласия». Заявитель установил на телефон малолетнего сына программное средство родительского контроля, позволяющее прослушивание и запись происходящего вокруг ребенка, желая обеспечить его безопасность и защитить от негативного влияния матери, с которой он находился в разводе. Квалификацию действий О. П. Вильке по ч. 1 ст. 137 УК РФ суды обосновывали тем, что он фактически собирал сведения о частной жизни других лиц, со-

¹ Модельный закон ОДКБ «Об обеспечении национальной безопасности» (принят в г. Москве 30 октября 2018 г. постановлением 11-3.1 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г.).

ставляющую их личную тайну, без их согласия. Конституционный Суд РФ, признавая ч. 1 ст. 137 УК РФ не противоречащей Конституции РФ, выявил ее конституционно-правовой смысл, в соответствии с которым данная норма не предполагает привлечения к ответственности родителя, который использовал мобильное приложение «исключительно в целях реализации своих прав и обязанностей по обеспечению безопасности ребенка», хотя при этом ему и стали доступны сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну³. Принимая такое решение, высший орган конституционного контроля исходил из приоритетности ценностей материнства, отцовства, а также права ребенка на жизнь, свободу, защиту от преступных посягательств и любого другого неблагоприятного воздействия на его нормальное развитие, в сравнении с неприкосновенностью частной жизни.

Приведенная правовая позиция Конституционного Суда РФ интересна и с точки зрения фундаментальной теоретико-правовой проблемы поиска справедливого сочетания ограничения свободы индивида и интересов безопасности, которая приобретает особую актуальность на переломных этапах развития государства, решающего сложные задачи, требующие консолидации общества. Необходимое объединение усилий граждан перед лицом внутренних и внешних угроз достигается, в числе прочего, посредством государственного принуждения. «Здесь возможно применение мер, в какой-то степени ущемляющих интересы конкретного человека, но это делается во благо общества, а значит и данного индивида, и в строго дозированных масштабах, когда другими методами невозможно решить ту или иную проблему» [10, с. 290]. В таких условиях актуализируется деятельность правоохранительных органов и роль антикриминального законодательства. Его формирование как важнейшего раздела системы права немисливо без «приведения правовых институтов в согласие с конституционными императивами» и доктринальными положениями теоретико-правовой науки. «По большому счету, — верно отмечает В. Ф. Луговик, — право в целом имеет (по крайней мере, должно иметь) антикриминальный потенциал, так как предопределено гармонизировать личные, общественные и государственные интересы, обеспечивая тем самым охрану правопорядка и безопасность общества» [11, с. 114].

При применении уголовного закона проблема справедливого разрешения конкуренции права на реализацию личных свобод и интересов безопасности общества часто возникает в политической

сфере. На уровне правовых форм она связана с правильным определением признаков запрещаемого деяния, в правовой реальности — с верным определением опасности конкретного посягательства для охраняемых отношений. Например, раскрывая конституционно-правовой смысл ст. 212¹ УК РФ, предусматривающей наказание за нарушение установленного порядка проведения пикетирования, высший орган конституционного контроля указал, что основанием уголовной ответственности может быть только такое незаконное проведение собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, которое «повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям»⁴. Уточнение Конституционным Судом содержания уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 212¹ УК РФ, обязывающее правоприменителя в каждом конкретном случае, с учетом сложившейся ситуации, помимо формального установления признаков соответствующего состава, устанавливать опасность содеянного для общества, что вполне соответствует идее справедливости.

Проблема обеспечения безопасности граждан может возникнуть не только по причине пробельности уголовного закона или неверного его применения, но и в силу несовершенства процедур привлечения к уголовной ответственности. Сотрудники правоохранительных органов должны принимать необходимые и достаточные меры по наложению ограничений на лицо, угрожающее безопасности потерпевших от преступлений. Так, в Конституционный Суд РФ обратились О. А. Балукова и Ю. М. Чернигина, первая являлась потерпевшей от угрозы убийством (ст. 119 УК РФ), вторая — от истязания (ст. 117 УК РФ). По мнению заявителей, ст. 53 УК РФ «Ограничение свободы» в меньшей мере, чем ст. 105¹ УПК РФ, обеспечивает защиту прав потерпевших на личную неприкосновенность. Если в рамках меры пресечения обвиняемому «были установлены запреты находиться в определенных местах, в том числе ее проживания и работы, а также ближе 500 метров до указанных объектов, общаться с ней, включая общение при помощи средств связи и через интернет, направлять в ее адрес почтово-телеграфные и иные отправления», то к осужденному не были применены «запреты, связанные с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 г. № 2-П.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П.

учебы), общением с определенными лицами (в частности, с потерпевшим), а также приближением к потерпевшему, т. е. нахождением ближе установленного расстояния...»⁵. Позиция Верховного Суда РФ в связи с жалобой потерпевших состояла в следующем: «Доводы об установлении осужденному дополнительных ограничений удовлетворению не подлежат, поскольку суд не вправе возложить на него обязанности, не предусмотренные ст. 53 УК РФ». В своей правовой позиции Конституционный Суд РФ указал: «Если сама природа наказания допускает возможность учесть в его содержании потребности минимизации рисков потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства, то такая возможность должна быть реализована в нормативном регулировании, с тем чтобы суд мог выбирать в предусмотренных уголовным законом пределах и на основании установленных этим законом правил назначения наказания его вид и конкретное содержание в рамках избранного вида с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев. Следовательно, ограничения, составляющие содержание ограничения свободы как вида наказания, призваны быть и элементами санкции за преступление, и гарантиями предупреждения повторного посягательства на права потерпевших»⁶. Рекомендации высшего органа конституционного контроля имеют доктринальное значение для совершения законодательного регулирования и практики обеспечения безопасности потерпевших от преступлений не только во время расследования уголовных дел, но и после назначения виновным наказания.

Остро проблема обеспечения справедливого соотношения интересов индивида и общества стоит при осуществлении государственными органами оперативно-розыскной деятельности, когда информация о криминальной деятельности лица часто имеет предположительный характер. В таких случаях обеспечить справедливое принятие решения об ограничении прав индивида в интересах безопасности общества особенно сложно. В «каждый особенный момент, — отмечает В. С. Нерсесянц, — (индивиды, их объединения, органы власти) пользуются своими правами и отправляют свои обязанности, сообразуясь с целями всеобщего и тем самым реализуя их» [12, с. 51]. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются «...сведения о признаках подготавливаемого,

совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших такое деяние, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, каковые сведения предстоит проверить (подтвердить или отвергнуть) в ходе оперативно-розыскных мероприятий. При этом... разрешение задач оперативно-розыскной деятельности предполагает активную форму поведения ее субъектов»⁷.

«Право на неприкосновенность частной жизни не идеально, — пишет В. А. Гусев, — и несмотря на то что относится к естественным правам человека, может быть ограничено органами государственной власти в интересах подавляющего большинства общества. Более того, государство по своей сути призвано защищать права, свободы и законные интересы общества, которое наделило его этой обязанностью. В связи с этим государственные правоохранительные органы обладают полномочиями ограничивать право отдельных граждан на неприкосновенность их частной жизни, в том числе в рамках оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования» [13, с. 26]. И если правоотношения, развивающиеся в сфере уголовного судопроизводства, достаточно регламентированы, имеют предполагающее учет сторон позитивное регулирование, а уголовный закон предусматривает специальные средства их уголовно-правовой охраны, то оперативно-розыскная деятельность требует дальнейшего развития законодательного оформления. «Абстрактность ряда определений и понятий либо полное отсутствие раскрытия содержания отдельных из них» позиционируется в качестве «недостатка оперативно-розыскного законодательства» [14, с. 464].

Злободневность идее развития оперативно-розыскного законодательства придает тенденция к повышению роли результатов оперативно-розыскной деятельности при борьбе с преступностью. Именно оперативные сотрудники первыми получают информацию о реализованных и потенциальных угрозах безопасности, нейтрализация которых предполагает проведение мероприятий, связанных с ограничением прав граждан. Например, В. С. Балакшин и М. В. Назаров предлагают «с учетом актуальных вызовов со стороны преступного мира, а также наличия технических средств, позволяющих осуществлять ОРМ „объективного характера“... упростить процессуальную форму ввода оперативно-служебных документов в материалы уголовного дела» [15, с. 9]. «Борьба с преступностью в современных условиях неизбежно связана с не-

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 4-П.

⁶ Там же.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 2126-О.

гласным использованием всего комплекса правовых, организационно-тактических, информационно-аналитических и технических средств получения, анализа и оценки сведений, что практически невозможно без использования оперативно-розыскных сил, средств и методов» [16, с. 38]. Рост влияния на решения, принимаемые в сфере уголовного судопроизводства, результатов оперативно-розыскной деятельности не может не сопровождаться уточнением ее форм, развитием средств обеспечения справедливого соотношения интересов ее участников с задачами борьбы с преступностью и обеспечением безопасности общества.

«При проведении практически любого оперативно-разыскного мероприятия, — отмечает Г. С. Шкабин, — возможно причинение вреда объектам, охраняемым уголовным законом. Это может произойти как при опросе или наведении справок, когда собираются сведения, которые могут составлять личную или семейную тайну, так и проведении оперативного эксперимента или оперативного внедрения» [17, с. 36]. Соблюдение в таких условиях баланса между мерой ограничения свободы человека и обеспечением безопасности личности и общества достигается, в числе прочего, и путем соблюдения оперативными сотрудниками запрета на использование полученных результатов в иных, не связанных с правоохранительной деятельностью, целях.

Изложенное свидетельствует об актуальности стоящей перед государством задачи по обеспечению как свободы, так и безопасности личности. Ответственное государство не только признает публично-правовую значимость прав и свобод индивида, но и обеспечивает их реализацию путем принуждения остальных граждан к правомерному поведению. Взаимное ограничение прав и свобод присуще всем человеческим обществам. В теоретико-правовом измерении личные свободы не вступают в противоречие с деятельностью по обеспечению безопасности, без ограничений и принуждения к их соблюдению безопасность немислима. При разрешении сложных проблем конкуренции между свободой и безопасностью на уровне правовых идей, форм и правовой реальности следует исходить из приоритета безопасности жизни, здоровья и собственности, в сравнении с правами на неприкосновенность частной жизни, телефонных переговоров и иных коммуникаций, свободой слова, определения места пребывания. Важными гарантиями справедливого соотношения между возможностью реализации индивидуальных свобод и обеспечением безопасности являются четкие материальные и процессуальные основания ограничения личных прав и использование должностными лицами дискретных полномочий исключительно в правоохранительных целях.

Список источников

1. *Грачев Н. И.* Происхождение концепции прав человека и идея либерального государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1.
2. *Чичерин Б. Г.* Философия права. М., 1900.
3. *Позднякова Е. В.* Субъекты управления в сфере обеспечения безопасности государства и защиты жизненных ценностей граждан // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94).
4. *Ильин И. А.* Национальная Россия. Наши задачи. М., 2021.
5. *Бавсун М. В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
6. *Никитчик А. А.* Принципы права в либеральной политико-правовой мысли Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2024.
7. *Карпов К. Н.* Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3.
8. *Борков В. Н., Москаленко Г. Е.* Общественно опасное состояние как юридический факт и основание ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88).
9. *Бавсун М. В., Стебенева Е. В.* Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4.
10. *Босхолов С. С.* В поисках баланса интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3.
11. *Луговик В. Ф.* О конституционной иерархии и структуре антикриминального законодательства // Общество и право. 2023. № 2.
12. *Нерсесянц В. С.* Гегель. М., 1979.

13. *Гусев В. А.* Право человека на неприкосновенность частной жизни и обязанность государства обеспечить общественную безопасность // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.
14. *Астафьев Ю. В.* Баланс интересов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 1.
15. *Балакиин В. С., Назаров М. В.* О необходимости дополнения статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новым видом доказательств (результаты оперативно-розыскной деятельности) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1.
16. *Десятов М. С.* Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88).
17. *Шкабин Г. С.* Уголовно-правовые фикции в оперативно-розыском законодательстве // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2.

УДК 340.12

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-340-345

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX — начала XX вв.

Глеб Евгеньевич Москаленко

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства¹,

✉ glmos55@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

С древних времен человечество задумывается о создании сбалансированной социальной системы, нацеленной на достижение единства. Именно единство является основой существования всех социальных и политических образований, включая государство и различные международные объединения. Политико-правовая доктрина солидаризма нацелена на создание устойчивой социальной, политической и правовой систем. В статье исследованы теоретические основы солидаризма, заложенные такими выдающимися французскими мыслителями, как О. Конт, Э. Дюркгейм, Л. Буржуа, Л. Дюги, С. Бугле. Исследование теорий французских солидаристов XIX — начала XX вв. свидетельствует о том, что солидаристская доктрина ставила своей целью выработку юридических средств, направленных на преодоление социальной несправедливости. Исследователи предприняли попытку формирования теоретической модели, в рамках которой моральные идеалы, обычно выражаемые через акты милосердия, легли бы в основу внутригосударственного и международного законодательства. Основоположники доктрины солидаризма полагали, что осознание взаимозависимости членов общества приводит к возложению на личность, общество и государство дополнительных, в первую очередь социальных, обязанностей. Выполнение таких обязанностей создает условия для достойной жизни и способствует расширению индивидуальной свободы каждого человека.

Ключевые слова: солидаризм, солидарность, единство, французская политико-правовая мысль, право, государство

Для цитирования: Москаленко Г. Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX – начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 340–345.

Development of the Doctrine of Solidarism in French Political and Legal Thought of 19th – early 20th centuries

Gleb E. Moskalenko

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of State and Law Theory and History¹,

✉ glmos55@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Since ancient times, humankind has had concerns about creating a balanced social system aimed at achieving unity. It is unity that is the basis for the existence of all social and political formations, including the state and various international associations. The political and legal doctrine of solidarism was designed to create sustainable social, political and legal systems. The article studies the theoretical foundations of solidarism, laid by such prominent French thinkers as Au. Comte, E. Durkheim, L. Bourgeois, L. Bourgeois, L. Duguit, C. Bouglé. The examination of the theories of French solidarists of the 19th - early 20th centuries shows that the doctrine of solidarism set the development of legal means to overcome social injustice as its goal. The researchers made an attempt to form a theoretical model, within the framework of which moral ideals, usually expressed through acts of mercy, would form the basis of domestic and international legislation. The founders of the doctrine of solidarism believed that the realization of the interdependence of the members of society leads to the imposition of additional, primarily social, duties on the individual, society and the state. The performance of such duties creates conditions for a decent life and contributes to the extension of individual freedom of each person.

Keywords: solidarism, solidarity, unity, French political and legal thought, law, state

Citation: Moskalenko G. E. Development of the Doctrine of Solidarism in French Political and Legal Thought of 19th – early 20th centuries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 340–345 (In Russ.).

Большинство известных современному миру число и совершенно противоположных друг другу, политико-правовых доктрин ставит в качестве государственно-правовых идеалов. Однако в основе основной своей цели достижение различных, в том достижения любой совершенной формы организа-

ции общества лежит идея социального единства. Постепенно данная идея стала самостоятельным предметом исследования правоведов, что и стало причиной появления доктрины солидаризма.

Идея солидарности, зародившаяся на стыке юриспруденции, философии, социологии и экономики, возникла и получила мощный импульс для дальнейшего осмысления и развития благодаря трудам таких выдающихся мыслителей, как О. Конт, А. Смит, П.-Ж. Прудон, Э. Дюркгейм, Л. Дюги, Л. Буржуа, С. Бугле, П. Леру. Предлагая различные трактовки, а также пути обеспечения социальной солидарности, все указанные мыслители формировали свои доктрины на основе общей цели, которая состояла в поиске механизмов, направленных на укрепление социального единства и справедливости.

Универсализм идеи солидарности позволил ей стать привлекательной для различных идеологических течений. Социалисты видели в ней инструмент для борьбы с социальной несправедливостью, в то время как либералы рассматривали ее как способ поддержания общественного порядка и защиты прав личности. Консерваторы же использовали солидарность для поддержания стабильности и традиционных ценностей, в то время как революционеры стремились использовать доктрину солидарности в качестве средства объединения масс в борьбе за радикальные перемены.

Кульминация популярности солидаризма во Франции пришлось на период Третьей республики (1870–1940), когда страна оказалась в условиях политического, социально-экономического и идеологического кризиса. Политическое противостояние между республиканцами и монархистами, усиленное разобщенностью социальных групп, способствовало поиску новой объединительной политико-правовой доктрины. Упадок религиозного сознания в Европе, вызванный секулярными реформами [1, с. 57–58] и развитие светской морали поставили под вопрос возможность использования традиционных религиозных догм для поддержания социального единства. Как отмечал П. И. Новгородцев, в таких социальных условиях именно солидарность становится самым популярным политическим лозунгом Франции того периода, став не только иллюзорной идеологией, но и основой государственной политики и социального движения [2, с. 79].

И действительно, именно идея солидарности, способная объединить в себе элементы религиозного единения, светской морали и научного обоснования, стала ответом на вызовы, возникшие перед Францией второй половины XIX в. **Примечательно, что солидарность** не только стала ключевым понятием в политической и юридической риторике, но и послужила основой для разработки социальных программ

и законодательных инициатив, направленных на защиту и дальнейшее развитие прав и свобод граждан. Это проявилось, например, в создании системы социального страхования, трудовых прав и развития социального партнерства между различными слоями общества. Таким образом, солидаризм стал важным принципом организации общественной жизни, влияющим на государственную политику и общественные отношения в целом.

Теоретические основы солидаризма были заложены Огюстом Контом (1798–1857) — родоначальником позитивизма и основоположником социологической науки. Его идеи не только оказали значительное влияние на развитие социологической и политической мысли XIX в., но и стали основой пересмотра господствующих политико-правовых доктрин. О. Конт стремился создать концепцию, нацеленную на достижение единства духовной жизни в обществе, основанном на согласии всех граждан и особом типе промышленного развития [3, с. 278]. В его видении, реализация этой модели должна была привести к всеобщему благу, где гармония и порядок занимали центральное место.

Французский мыслитель видел общество как единый механизм, в котором любые разногласия, а также отсутствие общих идеалов приводят к революционным настроениям и социальным кризисам [3, с. 350]. Идеальное общество, которое он называл «социократией», строилось на принципе сосредоточения власти в руках патрициата, управляющего пролетариатом в интересах всеобщего блага. Важно отметить, что О. Конт рассматривал собственность не как частное право, а как общественную функцию, предназначенную для подготовки следующего поколения к труду [4, с. 87]. Этот взгляд на собственность был совершенно новым для того периода и находился в противоречии с преобладающими либеральными идеями, основанными на принципе неприкосновенности частной собственности.

Центральной функцией государства, по О. Конту, было обеспечение общественной солидарности, что достигалось как материальными, так и нравственными средствами [4, с. 118]. Он считал, что нравственность, являющаяся основой солидарности, должна быть обеспечена позитивистской религией. В этой религии, в отличие от традиционных, объектом почитания выступало не божество, а все человечество как единое целое. Этот новый вид религии, по замыслу О. Конта, должен способствовать укреплению социальной гармонии и интеграции, делая акцент на осознание последователями взаимозависимости всех членов общества.

Такая организация общества требовала полного отказа от индивидуализма в пользу достижения общественных целей. О. Конт писал: «В нормальном

состоянии человечества каждый гражданин является общественным должностным лицом, функции которого определяют его обязанности и притязания» [3, с. 350]. В модели «социократии» права личности заменяются обязанностями, а главным назначением человека становится строгое исполнение своего долга перед обществом. Это предполагает полное вмешательство государства в частную жизнь граждан с целью обеспечения выполнения каждым членом общества его социальных функций.

Очевидно, что изложенные идеи резко контрастировали с либеральными взглядами, доминировавшими в Европе того времени, где личность рассматривалась прежде всего как носитель прав, а не обязанностей. Либералы настаивали на защите индивидуальных свобод, видя в них основу справедливого общества. О. Конт в своей солидаристской доктрине, напротив, фокусировался на коллективной ответственности, обязанностях и социальной функции каждого гражданина. По этой причине идеи О. Конта о правах человека были восприняты с осторожностью и не получили широкого признания среди его научных последователей.

Несмотря на это, концепция О. Конта оставила глубокий след в истории политико-правовой мысли. Его идеи о социальной ответственности, взаимозависимости и роли государства в обеспечении общественного благополучия повлияли на развитие таких направлений, как социальный реформизм, государственный интервенционизм, и позволили иначе посмотреть на дальнейшее развитие социальных институтов. Некоторые из его предложений, такие как идея социального обеспечения и общественной ответственности за будущее поколение, нашли отражение в политической практике XX в., особенно в контексте развития системы социального страхования и других форм государственной поддержки. Заложенные О. Контом основы позитивной юриспруденции стали причиной дальнейшего развития солидаризма в европейской науке.

Дальнейшее развитие доктрины солидаризма связано с именем Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Французский мыслитель впервые обосновал наличие двух типов солидарности: механической и органической. Это открытие внесло значительный вклад не только в социологию, но и в юридическую науку, а также стало незыблемой основой современной доктрины солидаризма.

Механическая солидарность, по Э. Дюркгейму, характерна для доиндустриальных обществ, где имеет место минимальное разделение труда, а социальные связи основываются на сходстве и единообразии. В таких обществах каждый человек выполняет аналогичные функции, и коллективное сознание, объединяющее всех его членов, является домини-

рующим. Такое коллективное сознание является настолько сильным, что индивидуальные различия практически не имеют значения. Механическая солидарность господствует в условиях минимальной дифференциации, и ее существование тесно связано с общими традициями и коллективными верованиями. Как отмечал О. В. Мартышин, механическая солидарность — это солидарность, основанная на сходстве и подобии, в условиях которой индивиды равным образом обеспечивают себя всеми необходимыми средствами существования и удовлетворения потребностей [5, с. 45].

С появлением более сложных социальных структур, связанных с индустриализацией, по мнению Э. Дюркгейма, формируется органическая солидарность. В отличие от механической, органическая солидарность возникает на основе разделения труда, в условиях которого субъекты выполняют совершенно различные, сугубо специализированные функции, но при этом зависят друг от друга. Эта взаимозависимость, по мнению французского солидариста, является основой социальной интеграции в современных обществах. В рамках органической солидарности каждый человек осознает взаимозависимость и стремится понять другого человека, несмотря на все различия [6, с. 98]. Теоретически обосновав тот факт, что солидарность является основой любой социальной организации, Э. Дюркгейм занялся исследованием факторов, воздействующих как на развитие, так и на упадок органической солидарности. Так, ученый пришел к выводу, что развитие экономики, культуры, дальнейшее углубление процессов разделения труда, а также развитие человеческой идентичности в различных сферах способствует укреплению органической солидарности [6, с. 29].

Исследуя причины упадка органической солидарности, Э. Дюркгейм ввел понятие правовой и нравственной аномии — состояния, при котором социальные нормы и регуляции теряют свою силу, при этом новые нормы еще не сложились, что приводит к моральной и правовой дезориентации. В условиях аномии люди теряют чувство принадлежности и цели, что может привести к социальным кризисам. Особенно ярко, по мнению французского исследователя, это проявляется в отношениях между капиталом и трудом. По этому поводу Э. Дюркгейм писал следующее: «Отношения капитала и труда остаются в состоянии юридической неопределенности... предприниматели и рабочие по отношению друг к другу находятся в том же положении, что и самостоятельные, но не равные по силе государства» [6, с. 268]. Он подчеркивал значимость права как основного механизма, способного регулировать социальные отношения и предотвращать аномии. Право, по убеждению ученого, должно служить интересам общества

в целом, а не отдельных индивидов, обеспечивая справедливость и гармонию. Правовая система, по Дюркгейму, должна стать инструментом поддержания органической солидарности, а любое нарушение социальной интеграции рассматривается как угроза для всего общества.

Важным аспектом солидаристской концепции Э. Дюркгейма является его внимание к роли морали и религии в задачах формирования социальной солидарности. Он полагал, что моральные нормы и религиозные верования играют ключевую роль в укреплении социальных связей, особенно в тех сферах человеческой жизни, которые право не в состоянии охватить.

Эмиль Дюркгейм оказал глубокое влияние на последующее развитие юриспруденции, социологии и социальной философии. Его концепция солидарности и исследованные в связи с ее реализацией право и государство продолжают оставаться актуальными в современной науке и политической практике, особенно в те периоды, когда вопросы социальной интеграции, справедливости и устойчивости общества выходят на первый план.

Важно отметить, что Э. Дюркгейм в своей теории придавал личности большее значение, чем О. Конт, который видел в индивидуальной идентичности препятствие для развития общественной солидарности. Э. Дюркгейм создал теоретическую модель, ориентированную на признание автономии личности как ключевого элемента органической солидарности. В целях обеспечения солидарности, свобода индивида защищается при помощи правовых механизмов, обеспечиваемых государством. Такой подход позволил рассматривать солидаризм в ракурсе либеральной идеологии, отстаивающей автономию личности.

В отличие от концепции О. Конта, Э. Дюркгейм видел в свободе личности фундамент для социального прогресса и взаимопомощи, что отражает современные подходы к пониманию социального государства. Э. Дюркгейм полагал, что индивидуализация и социальная интеграция — это два взаимодополняющих процесса, которые усиливают друг друга. Французский мыслитель также утверждал, что моральная и правовая регуляция, основанная на принципах справедливости и равенства, играет ключевую роль в поддержании социальной солидарности.

Следующий этап развития доктрины солидаризма стал возможен благодаря работам Леона Буржуа (1851–1925) — юриста и политического деятеля, сыгравшего важную роль в формировании социального законодательства Франции. Своими научными трудами и общественной деятельностью Л. Буржуа — лауреат Нобелевской премии мира и председатель Совета Лиги Наций — способствовал тому,

что идея солидарности заняла центральное место в европейской юриспруденции. Французский правовед отмечал, что доктрина социальной солидарности представляет синтез научного метода и нравственной идеи, и несколько сужал сферу ее применения, ограничиваясь правом, политикой и экономикой [7, с. 28].

Л. Буржуа считал, что с момента рождения человек становится «социальным должником», поскольку пользуется благами, созданными обществом [7, с. 47]. При этом идея социального долга существенно отличалась от подхода О. Конта. По мнению Л. Буржуа, общество развивается только через прогресс его представителей, и, соответственно, свобода человека становится основой социальной эволюции, так как именно свобода дает возможность полного раскрытия человеческого потенциала.

Государство, считал французский правовед, должно стать инструментом установления справедливости и поддержания социального баланса, закрепляя и гарантируя права и свободы граждан и обеспечивая социальное равенство. Вмешательство государства в жизнь граждан является обязательным, так как, по мнению Л. Буржуа, «человеческий эгоизм может быть побежден только благодаря применению власти» [7, с. 29]. Несмотря на роль государства как гаранта прав, обязанности человека адресованы не государству, а обществу в целом. Это принципиально отличает солидаризм от иных политико-правовых доктрин, в которых государство выступает в качестве основного субъекта общественных обязательств.

Доктрина солидаризма Л. Буржуа оказала значительное влияние на социальные реформы во Франции. В их числе: введение пенсий для рабочих, развитие системы обязательного страхования, внедрение прогрессивного налогообложения. Вдохновленный концепцией солидарности, Буржуа подчеркивал, что социальная политика должна не только защищать уязвимые группы, но и стимулировать развитие общих благ, таких как образование и здравоохранение.

Благодаря этим реформам солидаризм стал основой для активной социальной политики, направленной на создание институтов поддержки и взаимопомощи. Политическая, общественная и научная деятельность Л. Буржуа способствовала формированию современной модели социального государства, в которой принцип солидарности составляет основу всей системы социального обеспечения.

Дальнейшее развитие доктрины солидаризма связано с именем Леона Дюги (1859–1928) — профессором права, который, подобно О. Конту, критически относился к субъективным правам личности, полагая, что акцент на правах человека вредит социальной целостности. Он утверждал, что общество

существует благодаря взаимозависимости, обусловленной разделением труда и общими потребностями. Поэтому под солидарностью ученый понимал «факт взаимозависимости (*interdependence*), соединяющей друг с другом, в силу общности потребностей и разделения труда, членов человечества и, в частности, членов одной и той же социальной группы» [8, с. 22].

Доктрина Л. Дюги была направлена против революционных теорий синдикализма, сформулированных Ж. Сорелем, Э. Бертом и Г. Лягарделлем, которые относились с величайшим презрением к либеральной демократии и призывали решать назревшие социальные проблемы путем революций [9, с. 293; 10, с. 3–33]. Считая, что революция приводит к неоправданному насилию, разрушению и является источником страдания и смерти [11, с. 109], Л. Дюги подчеркивал важность компромисса между трудом и капиталом через развитие профессиональных союзов. Он видел в капиталистах и рабочих не врагов, а участников общего социального процесса, что в современных условиях находит отражение в идее социального партнерства. Л. Дюги предлагал, чтобы законы и государственная политика способствовали развитию сотрудничества между различными социальными группами, минимизируя конфликты и обеспечивая стабильность.

Отвергая либерализм и концепцию естественных прав, французский ученый утверждал, что каждый человек должен выполнять свою социальную функцию ради блага общества, так как человек — «это индивид, взятый в узах социальной солидарности» [11, с. 14], который не может жить без общества. В связи с этим мыслитель предлагал заменить понятие «субъективные права» на «социальная функция», видя в этом путь к гармонизации общественных отношений. По мнению Л. Дюги, человеческая индивидуальность раскрывается посредством должного выполнения индивидом своей социальной функции, которая рассматривается в качестве обязанности исполнения работы, предписываемой социальной нормой [8, с. 36].

Концепция социальной нормы Л. Дюги отличается от традиционных представлений о праве. В отличие от права, социальная норма изменчива и адаптируется к динамике общества, отражая его эволюцию. Это придает солидарности не только социальное, но и юридическое значение, закрепляя ее как основу правопорядка. Социальная норма основана на факте социальной солидарности, в связи с чем ученый писал: «Какая глубокая пропасть отделяет мою концепцию социальной нормы, которую я называю нормой права, от концепции естественного права. Последняя есть концепция права идеального, абсолютного, правильного... наша норма права

не имеет ничего абсолютного, она не идеал, а факт» [12, с. 7–8]. Дюги полагал, что норма права олицетворяет факт социальной солидарности. Она имеет изменчивый характер, так как рождается и функционирует в обществе, которое динамично само по себе. Таким образом, социальная солидарность приобретает юридический характер, являясь не только фактом, но и нормой. Л. Дюги был убежден в том, что любой закон, исходящий от государства, как и любой индивидуальный акт человека, должен соответствовать социальной солидарности, возлагая обязанности не только на индивида, но и на государство. Мыслитель отмечал, что идея солидарности формирует для государства «обязанность не создавать ни одного закона, могущего нанести ущерб свободному развитию индивидуальной деятельности, ибо свободное развитие индивидуальной деятельности необходимо для того, чтобы социальная солидарность могла осуществляться и развиваться» [11, с. 217].

Таким образом, идеи Л. Дюги о социальной функции и норме права обогатили теорию солидаризма, превратив ее в важный элемент современной социальной и правовой мысли. Солидарность стала пониматься как неотъемлемая часть общественной структуры, требующая от государства и граждан соблюдения взаимных обязанностей, направленных на создание условий гармоничного развития личности и общества.

Факт социальной солидарности возлагает на государство целый спектр обязанностей, направленных на обеспечение своим гражданам минимально необходимого уровня благосостояния. Эти функции включают обеспечение доступного образования, содействие трудоустройству, материальную поддержку социально незащищенных слоев населения [11, с. 175]. В этом контексте солидарность проявляется в развитии социального законодательства, которое становится не только средством воплощения социальной справедливости, но и показателем уровня социальной зрелости и ответственности государства перед своими гражданами. Современные исследования также подтверждают, что социальные системы с развитым социальным законодательством демонстрируют более высокий уровень благосостояния и стабильности.

Селестен Бугле (1870–1940) — один из выдающихся французских мыслителей начала XX в., внесшим существенный вклад в развитие доктрины солидаризма. По его мнению, солидаризм стал инструментом секуляризации морали, помогающим государству разорвать связи с религиозными догматами и сосредоточиться на светских принципах социальной справедливости. Это предполагало признание существования постоянных и неразрывных связей между членами общества, которые способствуют их

развитию и создают условия для взаимозависимости. По его мнению, солидаризм призван смягчить индивидуализм и преодолеть несправедливость экономического либерализма [13, с. 18]. Распространение идеи солидарности в обществе должно заставить государство возложить на себя ряд социальных обязательств, которые ранее были лишь актами милосердия частных лиц.

С. Бугле также развил концепцию «квазидоговора», который можно рассматривать как юридическую фикцию, созданную для легализации социальной взаимозависимости. Эта идея способствовала формированию условий для социальной защищенности и стала правовым механизмом адаптации общества к вызовам современности. По мнению французского исследователя, квазидоговор является средством создания баланса между индивидуализмом и социализмом, устраняя крайности обоих подходов

В отличие от О. Конта и Л. Дюги, С. Бугле утверждал, что солидарность строится на принципах равенства и свободы. Эти принципы лежат в основе квазидоговора, который закрепляет взаимные обязательства между индивидами и обществом. В современной юридической науке данная идея нашла

отражение в концепциях социального контракта, рассматриваемого в качестве основы поддержания социального равновесия.

В целом в рамках французского солидаризма осуществлялись поиски средств преодоления социальной несправедливости, а также ставилась задача создания таких условий, при которых моральный идеал, воплощаемый путем единичных актов милосердия, стал бы основой законодательства современных государств. Осознание членами общества состояния взаимозависимости, по мнению французских солидаристов, приводит к возложению на личность, общество и государство обязанностей, исполнение которых создает условия достойного существования и расширения индивидуальной свободы каждого человека. Можно заключить, что данная идея сводилась к утверждению о том, что развитое общество формирует развитую личность.

Для большинства французских мыслителей идея солидарности выступала в качестве попытки синтеза положительных сторон либерализма и социализма. Стремясь сгладить острейшие социальные противоречия, ставшие спутником индустриального капитализма, солидаризм отвергал революционные методы и предлагал компромиссное решение проблем.

Список источников

1. Корнев А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа : монография. М., 2014.
2. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
3. Конт О. Положительная философия. СПб., 1867.
4. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
5. Мартышин О. В. Идеи солидаризма и права // Юридическая наука в Китае и России : ежегодник. М., 2017.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М., 1990.
7. *Bourgeois L. Solidarite*. P., 1896.
8. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909.
9. Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 2013.
10. Преображенский Е. А. Социалистические и коммунистические представления о социализме // Вестник Коммунистической академии. 1925. № 12.
11. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908.
12. Дюги Л. Общество, личность и государство. Лекции, прочитанные в Высшей школе социальных наук в Париже. М., 1914.
13. Мишель А. Идея государства: Критический очерк истории социальных и политических теорий во Франции со времени Революции. СПб., 1903.

УДК 347.963

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-346-353

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат: типичные нарушения законодательства и их основные причины

Ильяс Дамирович Гайнов

кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов и участия прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе¹, ✉ gainov@yandex.ru

Айдар Шамилевич Габдрахманов

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики², ✉ aidar191@mail.ru

Сергей Анатольевич Карнович

кандидат юридических наук, заместитель начальника (по работе с личным составом)³, ✉ karnovich07@mail.ru

¹ Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Казань, Россия),

² Казанский юридический институт МВД России (Казань, Россия),

³ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье исследуются выявленные при осуществлении прокурорского надзора теоретические и практические проблемы реализации прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат. На основе анализа действующего законодательства, организационно-распорядительных актов Генерального прокурора Российской Федерации и практики прокурорской деятельности определены типичные нарушения законодательства и их основные причины, эффективность реализации полномочий прокурора в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан, социальные выплаты и пособия гражданам, имеющим детей

Для цитирования: Гайнов И. Д., Габдрахманов А. Ш., Карнович С. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат: типичные нарушения законодательства и их основные причины // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 346–353.

Procurator's Supervision over the Observance of the Rights of Citizens with Children to Receive Social Grants: Typical Violations of the Law and their Main Causes

Ilyas D. Gainov

Candidate of Science (in Law), Professor at the chair of Prosecutor's Supervision over Implementation of Laws and Participation of the Prosecutor in Administrative, Arbitration and Civil Proceedings¹, ✉ gainov@yandex.ru

Aidar Sh. Gabdrakhmanov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminalistics², ✉ aidar191@mail.ru

Sergey A. Karnovich

Candidate of Science (in Law), deputy-chief (in charge of work with Personnel)³, ✉ karnovich07@mail.ru

¹ Kazan Law Institute (branch) of University of Prosecutor's Office (Kazan, Russia),

² Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Kazan, Russia),

³ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article explores theoretical and practical problems related to implementation of the rights of citizens with children to receive social benefits revealed in the course of prosecutor's supervision. Based on the analysis of current legislation, organizational and administrative acts of the General Prosecutor of the Russian Federation and the practice of prosecutor's activity, typical violations of legislation and their main causes are identified, as well as the effectiveness of the implementation of the powers of the prosecutor in this area.

Keywords: prosecutor's supervision, observance of citizen's social rights, social grants, violation of legislation

Citation: Gainov I. D., Gabdrakhmanov A. Sh., Karnovich S. A. Procurator's Supervision over the Observance of the Rights of Citizens with Children to Receive Social Grants: Typical Violations of the Law and their Main Causes. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 346–353 (In Russ.).

Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции Российской Федерации).

Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития. Семья была и остается одним из главных факторов совершенствования общества, полноценного воспитания новых поколений граждан. В связи с этим в нашей стране вопросам социальной поддержки семей, имеющих детей, уделяется пристальное внимание. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным неоднократно подчеркивалась необходимость создания единой и стройной системы поддержки семей от этапа беременности до достижения детьми 18 лет [1].

Вопросы защиты прав семей с детьми на получение мер социальной поддержки остаются на постоянном контроле органов прокуратуры. Их особая роль в выявлении, пресечении, устранении и предупреждении нарушений социальных прав и свобод человека и гражданина, а также в восстановлении нарушенных прав отмечена в научных исследованиях [2]. Актуальность и значимость осуществления прокурорами надзора за соблюдением законов именно в данной сфере определяется исключительной важностью для граждан постоянной реализации своих социальных прав, в том числе права на получение социальных выплат, а для государства — в предотвращении недовольства граждан деятельностью государственной власти, социальных конфликтов и кризисов [3]. Защита прав социально незащищенных категорий граждан, граждан, имеющих детей, находится в числе приоритетных направлений деятельности прокуратуры в современных условиях [4].

В соответствии с п. 2.1.7 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря

2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»¹ при осуществлении надзора за исполнением законодательства о социальной защите несовершеннолетних территориальным прокурорам надлежит уделять внимание своевременности оказания помощи и поддержки детям из малообеспеченных и многодетных семей. Мерами прокурорского реагирования пресекаются факты незаконного отказа гражданам, имеющим детей, в назначении социальных выплат, истребования не предусмотренных законодательством документов, несоблюдения сроков назначения и перечисления выплат, ущемления названных прав единственного родителя.

Кроме того, в соответствии с указанием Генерального прокурора Российской Федерации от 11 марта 2022 г. № 140/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности» прокуроры обязаны принять действенные меры к недопущению невыполнения запланированных программных мероприятий социально-экономической направленности (п. 2.2), сосредоточить усилия на соблюдении законодательства при выплате пенсий, осуществлении иных выплат по обязательному социальному страхованию, оказании государственной социальной помощи и осуществлении социальной защиты отдельных категорий граждан, предоставлении социальных услуг, гарантий, компенсационных и иных выплат, в том числе в рамках реализуемых Правительством Российской Федерации, региональными органами власти новых мер поддержки населения (п. 2.5), обеспечить надежную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, особое внимание уделять вопросам реализации прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, семей, имеющих детей, на получение мер социальной поддержки (п. 2.8)

Реализация прав семей, имеющих детей, осуществляется на основании федерального² и регио-

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См., напр.: *О государственных пособиях гражданам, имеющим детей* : федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ ; *О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка* (вместе с «Правилами назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в части, не определенной Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «Перечнем документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка») : постановление Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2330 ; *Об особенностях предоставления некоторых мер социальной поддержки, а также оказания государственной социальной помощи, в том числе на основании социального контракта, семьям граждан, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации* : постановление Правительства РФ от 29 октября 2022 г. № 1933 ; *О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 2330* : постановление Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 2010 ; и др.

нального законодательства³, система государственных пособий гражданам, имеющим детей, в целом сформирована и обеспечивает гарантированную государством материальную поддержку материнства, отцовства и детства [5].

Его многообразие обуславливает специфику деятельности прокурора на рассматриваемом направлении, состоящую в значительном количестве объектов надзора, широкой направленности надзорных мероприятий, а также возможности использования прокурором различных информационных систем [6].

Несмотря на созданные органами государственной власти субъектов Российской Федерации благоприятные условия, на практике возникают самые разнообразные проблемы, обусловленные отсутствием единых подходов к правовому регулированию рассматриваемой сферы и ненадлежащим правоприменением.

Результаты анализа практики прокурорского надзора свидетельствуют о принятии дополнительных мер по усилению надзора за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат. При этом нарушения законодательства в рассматриваемой сфере продолжают носить распространенный характер.

В научных исследованиях, посвященных вопросам организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальных выплатах, значительное внимание уделяется особенностям бюджетного законодательства и реализации национальных проектов, при этом не проводится анализ нарушений, допускаемых непосредственно при назначении и отмене социальных выплат [7]. Данный анализ позволяет своевременно выявить типичные нарушения законов, что в свою очередь способствует правильному определению объекта проверки и круга вопросов, подлежащих выяснению, а это, несомненно, имеет важное значение при организации и осуществлении прокурорского надзора в любой сфере. Таким образом обеспечивается целенаправленный характер проверки, своевременная квалификация установленных в ходе проверки действий (бездействия) и адекватность избранных мер реагирования, что в свою очередь влияет на эффективность надзорной деятельности в целом [6].

В указанных целях рассмотрим наиболее часто встречающиеся нарушения законодательства в сфере социальных выплат гражданам, имеющим детей.

Прокурорскими проверками выявлялись случаи незаконных отказов отделениями Фонда пенсионного и социального страхования (далее — ОФПСС) в назначении гражданам пособий по причине неправильного учета имущественного положения семьи.

Например, в Воронежской области ОФПСС гражданину отказано в назначении социальной выплаты на детей в связи с наличием в собственности трех транспортных средств. При этом в ходе проверки установлено, что транспортные средства зарегистрированы на полного тезку заявителя, в связи с чем отказы признаны необоснованными⁴.

В приведенном примере стоит обратить внимание не только на ненадлежащую проверку данных заявителя, но и на основания для отказа в назначении ежемесячного пособия, предусмотренные п. 41 Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка (далее — Правила)⁵. Они опираются на такие критерии, как количество транспортных средств, их мощность и год выпуска без учета реальной стоимости. При этом в расчет не принимаются прицепы и полуприцепы, стоимость которых может многократно превышать стоимость автомобиля. По нашему мнению, в данной части Правила не способствуют всестороннему и полному учету имущественного положения семьи и нуждаются в дополнении.

Типичным нарушением при принятии решений о назначении выплат семьям, имеющим детей, можно назвать неправильный учет недвижимого имущества. В одних случаях причиной незаконного отказа являлось наличие в собственности семьи земельных участков, общая площадь которых превышает размер установленного, без учета предоставления одного участка в качестве меры социальной поддержки, либо факта наличия права общей долевой собственности на земельные участки, которые не должны были учитываться при принятии решения. В других причиной отказа явилось наличие в собственности семей заявителей нескольких квартир (домов), суммарная площадь которых превышает установленный законодательством лимит на одного члена семьи для

³ См., напр.: *О мерах социальной поддержки многодетных семей в Саратовской области* : закон Саратовской области от 1 августа 2005 г. № 74-ЗСО ; *О социальной поддержке семей, имеющих детей, в Красноярском крае* : закон Красноярского края от 9 декабря 2010 г. № 11-5393 ; *О дополнительных мерах социальной поддержки семей с детьми в связи с рождением одновременно трех и более детей* : указ Президента Республики Татарстан от 20 августа 2008 г. № УП-397 ; и др.

⁴ *О состоянии законности и практике прокурорского надзора за соблюдением законодательства о социальной поддержке и защите граждан, имеющих детей* : информационное письмо прокуратуры Воронежской области от 13 июля 2023 г.

⁵ *О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка* (вместе с «Правилами назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в части, не определенной Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «Перечнем документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка») : постановление Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2330.

целей оказания им мер государственной социальной поддержки в виде ежемесячных выплат на детей, а также признание семьи малоимущей.

Например, прокуратурой Чувашской Республики в судебном порядке оспорены решения ОФПСС об отказе в назначении ежемесячных денежных выплат на детей в возрасте от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет в связи с тем, что одна из квартир заявителя практически полностью оплачена за счет целевой государственной социальной выплаты, что позволяет не учитывать ее площадь в соответствующем расчете. Исковые требования районной прокуратуры были удовлетворены, ежемесячная денежная выплата назначена и выплачена. В том же субъекте выявлены нарушения закона при определении уровня обеспеченности членов семьи жилыми помещениями, при котором в качестве жилого помещения учтен принадлежащий на праве собственности дом, признанный непригодным для проживания. В связи с этим прокуратурой района в интересах многодетной матери в суд направлено исковое заявление о признании за ней права на получение меры государственной поддержки в виде единовременной денежной выплаты на приобретение или строительство жилых помещений⁶.

Приведенные примеры указывают на необходимость установления при подготовке и использования в ходе проверки полного перечня имущества, учет которого при расчете имущественного положения семей, имеющих детей, производиться не должен.

Важное значение при установлении социальных выплат имеет статус «многодетности» заявителей. Практика свидетельствует о том, что данный фактор часто не учитывается должностными лицами ОФПСС. Так, в Чувашской Республике гражданину отказано в назначении единого пособия на троих детей по причине неосуществления им трудовой деятельности, несмотря на то что законодательство допускает назначение данного пособия в случае отсутствия доходов у одного из многодетных родителей. По данному факту прокуратурой внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, нарушения устранены⁷.

⁶ Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере социальной поддержки семей с детьми прокуратуры Чувашской Республики от 12 сентября 2023 г.

⁷ Там же.

⁸ О состоянии законности и практике прокурорского надзора за соблюдением законодательства о социальной поддержке и защите граждан, имеющих детей : информационное письмо прокуратуры Воронежской области от 13 июля 2023 г. Документ опубликован не был.

⁹ О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка (вместе с «Правилами назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в части, не определенной Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «Перечнем документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка») : постановление Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2330.

¹⁰ Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере социальной поддержки семей с детьми прокуратуры Чувашской Республики от 12 сентября 2023 г.

¹¹ Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора за порядком предоставления органами власти социальных услуг семьям, имеющим детей, прокуратуры Ярославской области.

Нередко основанием для отказа в назначении выплат является превышение среднедушевого дохода семьи установленных критериев, при этом имеют место ошибки в расчетах. Например, в Воронежской области основанием отказа в предоставлении социальной выплаты послужил неправильный расчет доходов заявителя, являющегося индивидуальным предпринимателем⁸. Доходы рассчитаны без учета понесенных расходов. Вместе с тем проблемы определения среднедушевого дохода семьи с учетом доходов от предпринимательской деятельности для целей предоставления адресной социальной поддержки становились предметом научных исследований, авторы которых пришли к выводу о том, что учет доходов и расходов индивидуальных предпринимателей при установлении нуждаемости семьи объективно возможен, если деятельность ведется с применением общей системы налогообложения. Здесь налоговый учет и налоговый контроль позволяют установить фактически полученные доходы [8].

В подобном случае прокурорская проверка показала, что при определении среднедушевого дохода семьи заявителя должностными лицами ОФПСС вопреки п. 53 Порядка назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка⁹ неправомерно учтены доходы от продажи имущества¹⁰.

Можно привести еще один пример. В Ярославской области прокурором в суд направлено исковое заявление о признании незаконным отказа ОФПСС назначить ежемесячную выплату на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет в связи с отсутствием у супруга заявителя дохода в расчетном периоде. Вместе с тем проверкой установлено, что последний на момент подачи заявления отбывал наказание в местах лишения свободы, фактически брачные отношения между ними были прекращены, отцом ребенка — получателя пособия он не являлся, материально семью не обеспечивал, в связи с чем отказ по указанному основанию носил незаконный характер¹¹.

Анализ вышеуказанных нарушений позволяет выделить из общего списка направлений проверки

следующий критерий: правомерность расчета среднедушевого дохода семей, имеющих детей, при принятии решений о назначении социальных выплат. Акцентирование внимания прокурора на данном вопросе позволит повысить эффективность соответствующей работы.

В современных условиях особую актуальность приобрели вопросы социального обеспечения граждан, имеющих детей, вынужденно прибывших с территорий Российской Федерации, где проводится специальная военная операция. Отказы в назначении выплат часто обосновываются неполнотой предоставляемых данных. Так, в Свердловской области прокуратурой установлено, что решением ОФПСС гражданке отказано в назначении единого пособия на троих детей по причине наличия в заявлении о назначении пособия неполных или недостоверных данных, отсутствия у заявителя и двух ее детей регистрации по месту пребывания в Свердловской области. При этом было установлено, что заявительница с несовершеннолетними детьми вынужденно прибыла из Донецкой области, зарегистрированы и проживают в пункте временного размещения. По информации ОФПСС при рассмотрении заявления в рамках электронного межведомственного взаимодействия из органа внутренних дел поступил ответ на запрос об отсутствии данных о регистрации заявителя на территории Свердловской области. В связи с этим прокуратурой на решение ОФПСС принесен протест, по результатам его рассмотрения решение отменено, принято новое решение об установлении единого пособия на детей¹².

В Белгородской области прокурором выявлен факт необоснованного отказа ОФПСС в назначении ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет. Прокурором установлено, что заявительницей при направлении документов для назначения вышеуказанной выплаты предоставлено заочное решение Краматорского городского суда Донецкой области Украины о расторжении брака. ОФПСС вынесено решение об отказе в выплате пособия в связи с непредоставлением документов о расторжении брака, что не соответствовало действительности. По данному факту прокурором района внесено представление, которое рассмотрено, удовлетворено¹³.

По нашему мнению, случаи, аналогичные приведенным в примерах, свидетельствуют о формировании практики незаконного отказа в назначении выплат и требуют особого внимания прокурора. Целесообразно истребовать информацию о гражданах, имеющих

детей, прибывших с территорий Российской Федерации, где проводится специальная военная операция, зарегистрированных в пунктах временного размещения, нуждающихся в назначении социальных выплат, обратившихся с этой целью в ОФПСС, органы государственной власти и местного самоуправления. В ходе проверки оценивать достаточность принятых мер по установлению всех обстоятельств, необходимых для принятия законного и обоснованного решения об оказании государственной социальной помощи.

Препятствуют получению социальных выплат нарушения при установлении получателя социальной выплаты на детей в случаях, когда родители ребенка не проживают совместно. Например, в Вологодской области прокуратурой установлено, что женщине, имеющей на иждивении двоих несовершеннолетних детей, выплаты на детей прекращены в связи с тем, что не проживающий с ними отец детей обратился с заявлением в ОФПСС о назначении ему соответствующих выплат. При смене получателя выплат ОФПСС не принято во внимание решение районного суда об определении места жительства детей вместе со своей матерью. Таким образом, отец детей, злоупотребляя правом родителя, в отсутствие законных оснований своими действиями создал для себя условия к необоснованному обогащению путем получения пособий, предназначенных детям. Потратив данные пособия на свои личные нужды, отец детей действовал вопреки требованиям закона, лишив детей благоприятных условий для жизни, развития и воспитания, на что направлены меры государственной социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации. Поскольку неоднократные просьбы матери детей о возврате полученных денежных средств исполнены не были, прокурор района обратился в суд с иском о признании в действиях мужчины факта неосновательного обогащения и взыскании с него полученных денежных средств с учетом процентов за пользование ими¹⁴.

Из приведенного примера следует, что в случаях поступления заявления о назначении выплат на детей должностные лица ОФПСС не всегда проверяют достаточность оснований для смены получателя выплат и соответствие такого решения интересам детей. Данные о принятии подобных решений могут быть истребованы и проанализированы прокурором, что может стать дополнительным источником информации о нарушениях законодательства в рассматриваемой сфере.

¹² О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальной поддержке семей, имеющих детей : информационное письмо прокуратуры Свердловской области от 2 июня 2023 г.

¹³ Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства о социальной поддержке прокуратуры Белгородской области.

¹⁴ О состоянии прокурорского надзора в сфере реализации мероприятий, направленных на обеспечение поддержки семьи : информационное письмо прокуратуры Вологодской области от 28 ноября 2023 г.

Отдельно следует обращать внимание на случаи назначения гражданам выплаты и пособия на детей, в отношении которых они лишены родительских прав, а также о назначении пособий и выплат на ребенка, не достигшего возраста 8 лет либо, напротив, достигшего возраста 17 лет, при превышении среднедушевого дохода семьи, при получении пособия другим законным представителем, при отсутствии официального дохода заявителя либо супруга заявителя, при превышении процентов по вкладам и др.

В условиях цифровизации общественных отношений все большее значение приобретают всевозможные государственные информационные системы и электронные ресурсы межведомственного взаимодействия. Как показывает практика, их работа несовершенна и иногда становится причиной незаконных отказов в назначении социальных выплат на детей. Например, в Удмуртской Республике имели место факты неоднократных отказов ОФПСС в назначении пособий гражданам, имеющим детей. Причиной тому явилось поступление в ОФПСС ответов со статусом «сведения не найдены» из Министерства внутренних дел России на межведомственные электронные запросы о месте регистрации заявителей. Значительное число исполненных запросов о месте регистрации граждан со статусом «сведения не найдены» связано с некорректной работой сервиса межведомственного взаимодействия на федеральном уровне. В результате принятых прокуратурой республики мер ОФПСС организовано межведомственное взаимодействие с Министерством внутренних дел по Удмуртской Республике, проведена работа по пересмотру заявлений, 334 гражданам выплата назначена¹⁵.

В Белгородской области выявлен факт некорректной работы Единого портала государственных услуг. Решение об отказе в назначении денежной выплаты на детей происходило автоматически, так как заявитель в графе «получал (-а) алименты» типового заявления заполнила графу словом «нет», а не числовым значением «0». При этом заявительница неоднократно обращалась в Министерство социальной защиты населения и труда Белгородской области с заявлениями, в которых указывала на необоснованный отказ в предоставлении ее несовершеннолетним дочерям мер социальной поддержки. Сотрудники министерства дали ей ответ, аналогичный ответу управления, указав на необходимость повторного обращения для получе-

ния выплаты. При этом вопрос корректности работы программного комплекса при заполнении сведений о доходах не анализировался. В связи с невыявлением Министерством социальной защиты населения и труда Белгородской области указанных нарушений, непременным мер по их устранению, в том числе путем информирования оператора информационной системы и службы технической поддержки, прокуратурой области министру социальной защиты населения и труда Белгородской области внесено представление, которое рассмотрено, удовлетворено. Министерством социальной защиты населения и труда Белгородской области приняты меры по устранению выявленных нарушений, в том числе направлен запрос в службу технической поддержки портала государственных услуг¹⁶. Данные примеры наглядно демонстрируют, что корректность работы информационных систем подлежит постоянному мониторингу ответственными за их функционирование должностными лицами. При этом совершенствование работы указанных систем, по нашему мнению, должно идти по пути улучшения взаимодействия с получателями услуги, предоставления возможности восполнения недостающих сведений, использования искусственного интеллекта. Кроме того, стоит отметить, что при проведении проверок не следует слепо доверять данным, полученным в автоматическом режиме, а при необходимости принимать меры к их уточнению и обоснованию.

Прокурорами проводится превентивная работа для исключения фактов принятия региональных нормативных правовых актов, противоречащих федеральному законодательству. Например, прокурором Костромской области установлено, что проект приказа Департамента по труду и социальной защите населения Костромской области «Об утверждении административного регламента предоставления Департаментом по труду и социальной защите населения Костромской области государственной услуги по назначению мер социальной поддержки многодетным семьям в Костромской области» содержал положения, противоречащие требованиям пп. 5, 8 п. 2 ст. 14 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹⁷. Впоследствии в него внесены необходимые изменения¹⁸.

Установлены пробелы в правовом регулировании при назначении единовременного пособия при

¹⁵ Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при предоставлении мер социальной поддержки семьям, имеющим детей прокуратуры Удмуртской Республики от 14 декабря 2023 г.

¹⁶ Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства о социальной поддержке прокуратуры Белгородской области.

¹⁷ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.

¹⁸ Обзор практики прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на получение мер социальной поддержки прокуратуры Костромской области от 3 февраля 2023 г.

рождении ребенка как на федеральном, так и на региональном уровнях. Так, приказом Минтруда России от 29 сентября 2020 г. № 668н утверждены Порядок и условия назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей¹⁹ (далее — Порядок). Согласно абз. 4 п. 27 Порядка если брак между родителями ребенка расторгнут, единовременное пособие при рождении ребенка назначается и выплачивается по месту работы (службы) родителя, с которым ребенок совместно проживает, или территориальным ОФПСС (месту пребывания, месту фактического проживания) родителя, в случае если он не работает (не служит). Например, в целях реализации своих прав заявитель обратилась ОФПСС по Саратовской области с заявлением о назначении единовременного пособия при рождении ребенка, поскольку она не работает, никогда не состояла в зарегистрированном браке с отцом ребенка и с ним не проживает. Сотрудниками ОФПСС сделан вывод об отсутствии права на получение пособия, так как брак с отцом ребенка не расторгался. Таким образом, нормы абз. 4 п. 27 Порядка регламентируют возможность получения единовременного пособия при рождении ребенка только родителям, у которых официально расторгнут брак, исключая реализацию права тех, кто в браке не состоял и совместно не проживает. В связи с нарушением прав заявителя прокуратурой области в ОФПСС по Саратовской области внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, назначены меры социальной поддержки. Для недопущения нарушения прав граждан на получение мер социальной поддержки, единообразного применения норм и инициирования внесения изменений в приказ Минтруда России от 29 сентября 2020 г. № 668н проинформирована Генеральная прокуратура Российской Федерации²⁰.

Прокуратурой также приняты меры к совершенствованию регионального законодательства. Согласно пп. «ж» п. 16 Основных требований к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации № 384 от 31 марта 2020 г.²¹ (с 01.01.2023 г. утратил силу), отсутствие у заявителя и (или) трудоспособных членов его семьи доходов являлось основанием для отказа в назначении или перерасчете ежемесячной выплаты. Однако данное

требование не распространялось на членов многодетной семьи. Законом Саратовской области от 1 августа 2005 г. № 74-ЗСО «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Саратовской области» (далее — Закон № 74-ЗСО) устанавливалось, что документом, подтверждающим статус многодетной семьи, является удостоверение установленного образца, которое выдается одному из родителей (усыновителей). Бланк удостоверения утвержден постановлением Правительства Саратовской области от 13 июля 2012 г. № 400-П. Форма удостоверения многодетной семьи не предусматривала внесения в него данных о втором родителе, в связи с чем органами социальной защиты области второй родитель не учитывался в качестве члена многодетной семьи при принятии решения о назначении ежемесячных выплат и при отсутствии у него дохода выносилось необоснованное решение об отказе. В связи с этим прокуратурой области в мае 2022 г. в региональное Правительство внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, в закон области внесены соответствующие изменения²².

Проведенное нами исследование позволило выявить следующие типичные нарушения требований законодательства в сфере установления выплат и пособий гражданам, имеющим детей: неверный расчет реального имущественного положения граждан; незаконное прекращение выплат; неверный расчет среднедушевого дохода семьи; назначение пособий в отсутствие на то законных оснований. Их основными причинами являются: ненадлежащее исполнение должностными лицами, задействованными в соответствующем процессе, своих обязанностей; неправильное применение правовых норм; сбои в работе либо несовершенство автоматизированных систем предоставления государственных и муниципальных услуг; отсутствие должного межведомственного взаимодействия; несовершенство федерального и регионального законодательства.

Примеры, приведенные в настоящем исследовании, позволяют утверждать, что при осуществлении надзора за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат прокурорами применяются разнообразные меры прокурорского реагирования в том числе меры судебной защиты, позволяющие эффективно обеспечить гарантированную государством материальную поддержку.

¹⁹ Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей : приказ Минтруда России от 29 сентября 2020 г. № 668н.

²⁰ Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора за соблюдением на территории региона социальных прав несовершеннолетних прокуратуры Саратовской области от 26 января 2023 г.

²¹ Об утверждении основных требований к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, примерного перечня документов (сведений), необходимых для назначения указанной ежемесячной выплаты, и типовой формы заявления о ее назначении : постановление Правительства РФ от 31 марта 2020 г. № 384.

²² Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора за соблюдением на территории региона социальных прав несовершеннолетних прокуратуры Саратовской области от 26 января 2023 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ережипалиев Д. И.* Мониторинг регионального законодательства о выплатах пособий на детей, находящихся под опекой или попечительством // Мониторинг правоприменения. 2023. № 2(47).
2. *Устименко И. В.* Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
3. *Карпов Н., Устименко И.* Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав и свобод российских граждан // Уголовное право. 2008. № 6.
4. *Ашиткова Т. В.* О совершенствовании механизмов правового регулирования прокурорского надзора за соблюдением социальных прав граждан // Механизм правового регулирования: история и современность : V Алексеевские чтения. Екатеринбург, 2019.
5. *Ережипалиев Д. И.* Совершенствование мер социальной поддержки семей, имеющих детей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5.
6. *Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение государственной социальной помощи и выплат* : науч.-практ. пособие / рук. авт. кол. Д. И. Ережипалиев и др. М., 2023.
7. *Лебедева А. Е.* Особенности организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на социальные бюджетные выплаты и государственные пособия // Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних : сб. мат-лов круглого стола (Москва, 2 июня 2022 г.) / под общ. ред. Р. В. Жубрина ; науч. ред. Д. И. Ережипалиев; сост. О. В. Морозова, М. Л. Огурцова. М., 2022.
8. *Рощенко Н. В.* Проблемы определения среднедушевого дохода семьи с учетом доходов от предпринимательской и иной профессиональной деятельности для целей предоставления адресной социальной поддержки // Социальное и пенсионное право. 2022. № 2.

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-354-357

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Информационное сопровождение деятельности полиции региона глазами омичей

Светлана Александровна Тимко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений¹,

✉ satimko@list.ru

Андрей Валерьевич Новоселов

помощник заместителя председателя Правительства Омской области², ✉ n-andrei91@bk.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия),

² Аппарат Губернатора и Правительства Омской области (Омск, Россия)

В статье анализируется мнение населения об информативности, востребованности, качестве размещаемого в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет контента, характеризующего деятельность полиции. Обосновывается целесообразность более активного использования региональных групп в социальных сетях, имеющих большое число подписчиков, а также необходимость взаимодействия с телекомпаниями на предмет распространения интересной, востребованной аудиторией, формирующей позитивное мнение о работе полиции информации.

Ключевые слова: информирование, интернет, средства массовой информации, информационный контент, отделы информации и общественных связей, полиция, преступность

Для цитирования: Тимко С. А., Новоселов А. В. Информационное сопровождение деятельности полиции региона глазами омичей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 354–357.

Informational Support of the Regional Police Activities as viewed by Omsk Residents

Svetlana A. Timko

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crime¹,

✉ satimko@list.ru

Andrey V. Novoselov

Assistant of the Vice Chair of the Government of the Omsk region¹, ✉ n-andrei91@bk.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia),

¹ Apparatus of the Governor and Government of the Omsk Region (Omsk, Russia)

The article analyzes the opinion of the population about the informational content, demand, quality of the content describing police activities posted in the mass media and information and telecommunication Internet network. The article substantiates the expediency of more active use of regional groups in social networks with a large number of subscribers, as well as the need to interact with television companies to disseminate information, which is interesting, demanded by the audience and forms a positive opinion about the work of the police.

Keywords: informing, the Internet, mass media, information content, information and public relations departments, police, crime

Citation: Timko S. A., Novoselov A. V. Informational Support of the Regional Police Activities as viewed by Omsk Residents. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 354–357 (In Russ.).

Официальная статистика свидетельствует, что в последние годы в нашей стране криминальная обстановка становится все более благоприятной. Абсолютные показатели состояния преступности снижаются. Многие относительные показатели, характеризующие интенсивность, структуру российской преступности, также говорят о стабилизации криминального фона. Причин этому много. Одна из них — успешная работа правоохранительных орга-

нов. При этом ведущая роль в борьбе с преступностью принадлежит Министерству внутренних дел Российской Федерации.

Сотрудники ОВД (полиции) несут основную нагрузку по защите граждан, общества, государства от противоправных посягательств. Закономерным следствием этого является очень высокая включенность сотрудников ОВД (полиции) в процесс социального взаимодействия, пристальное внимание к их

личностным, профессиональным качествам и деятельности в целом со стороны населения. Неизбежная конфликтность в пресечении, предотвращении противоправной деятельности, применение ограничительных мер к правонарушителям не лучшим образом сказывается на отношении к полиции.

Снизить негатив со стороны населения, повысить имидж полицейских способно качественное профессиональное выполнение сотрудниками должностных обязанностей, их безупречный моральный облик, а также информационный фон, формируемый в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Некоторые авторы небезосновательно утверждают, что положительный образ (имидж) полиции является одним из ключевых факторов, влияющих на отношение общества к ОВД¹. Поэтому грамотному информационному сопровождению полицейской деятельности силами МВД России ведомство сегодня уделяет большое внимание. Тем более что криминальная и околокриминальная тематика у населения всегда вызывает интерес. Основными структурными подразделениями ОВД РФ, в обязанности которых непосредственно входит своевременное и объективное освещение деятельности МВД России, являются подразделения информации и общественных связей органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ОИиОС).

Наиболее активно информационное сопровождение деятельности ОВД осуществляется в сети Интернет, где ОИиОС размещается около 85% всех материалов о деятельности полицейских. На втором месте — телевидение (8%), на третьем — печатные информационные ресурсы СМИ (5%). Смещение приоритетов использования информационных ресурсов в сторону электронных источников вполне обоснованно отражает современные социальные и технические реалии: «74% россиян ежедневно заходят в глобальную сеть, при этом доля „heavy users“ — тех, кто в Интернете проводит более четырех часов в день, — составляет 35%, это каждый третий»². По данным исследований, 4 из 10 респондентов получают информацию о происходящем вокруг из интернет-изданий, треть — из соцсетей. Однако нужно указать и тот факт, что 2/3 россиян называют телевидение основным источником получения новостей, причем

чем старше респондент, тем чаще он отдает приоритет именно этому источнику³.

Говоря об информационном наполнении интернет-пространства, следует отметить, что существенную часть информационного контента о происходящих противоправных событиях и антикриминальной деятельности полицейских сотрудники ОИиОС размещают на официальном сайте регионального УМВД, в социальных сетях, в первую очередь на своих официальных страницах «ВКонтакте», телеграм-каналах. Омичам эти ресурсы хорошо знакомы. По данным опроса, о функционировании официального сайта УМВД России по Омской области знают 2/3 респондентов. Каждый четвертый знает об официальном аккаунте «ВКонтакте» «Управление МВД России по Омской области». Каждый одиннадцатый знаком с официальным аккаунтом в «Одноклассниках» «Омская полиция» и телеграм-каналом «Омская полиция». Примечательно, что аккаунт «ВКонтакте» и группа в телеграм-канале наиболее востребованы населением до 45 лет.

Тем не менее, как удалось установить, источниками информации о деятельности омской полиции для 55% опрошенных омичей становится телевидение⁴ (новостные сюжеты пресс-службы). Основная аудитория здесь — лица от 60 лет и старше. Хотя для возрастной категории 45–59 лет телевидение также нередко служит источником получения указанных сведений.

40% респондентов обращаются к новостным сайтам-агрегаторам (Яндекс, Мэйл, Гугл и др.). Обычно это средняя возрастная группа — 30–59 лет. Четверть получают такую информацию посредством радио. Почти половина радиослушателей — в возрасте от 60 лет. Каждый пятый узнает новости от знакомых, коллег, друзей, родственников и др.; 30% таких лиц не достигли 30 лет, а 20% — от 60 лет и старше. Каждый пятый получает информацию из официальных аккаунтов УМВД России в социальных сетях. Преимущественно это лица до 45 лет. 14% граждан предпочитают интернет-версии журналов/газет, новостные порталы, в основном это молодежь до 30 лет. Каждый десятый получает информацию на официальном сайте регионального УМВД. Возрастных особенностей здесь не выявлено. Также каждый десятый респондент (большая часть лица 60 лет и старше) получает информацию о деятельности полиции из периодической печати (газет, журналов).

¹ Об этом пишут, например, В. Е. Нестерова [1]; Т. В. Малкова, Н. А. Генералов [2]; С. А. Гаврилин [3] и другие.

² *Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=lm66luv3h752080484> (дата обращения: 10.03.2024).

³ *Основные источники информации россиян*. URL: <https://www.levada.ru/2022/11/03/osnovnye-istochniki-informatsii-rossiy-an/?ysclid=lm66s963wb667717907> (дата обращения: 11.03.2024).

⁴ Следует сказать о том, что в целом информационные, аналитические телевизионные передачи у старшего поколения в два раза более востребованы, чем у молодежи; последние более ориентированы на развлекательный контент. См.: *Молодежь новой России: ценностные приоритеты*. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_2.html (дата обращения: 08.04.2024).

Знакомство с новостным контентом происходит не всегда целенаправленно. Часть аудитории получает информацию о работе полиции в контексте иной информации, просматривая новости, иные публикации или передачи. Более половины респондентов (53%) время от времени интересуются деятельностью УМВД России по Омской области, 29% их не стремятся искать такую информацию, получают сведения о работе полиции случайно, в процессе ознакомления с новостями в СМИ, сети Интернет, 10% абсолютно не интересуются работой региональных полицейских, эта информация не представляет для них никакой ценности. Лишь 7% опрошенных ответили, что активно следят за деятельностью полиции. Поэтому практическую ценность для правоохранителей имеет размещение информации профилактического характера, о разыскиваемых лицах, о произошедших в регионе значимых событиях с участием полицейских, приглашений на службу в ОВД в тематических сообществах региона, имеющих большое число подписчиков. Активнее нужно задействовать информационные передачи телеэфира, размещать полезный и интересный для целевой аудитории контент на радио.

При этом опросы показали, что если омичам потребуется официальная информация о работе УМВД по Омской области, подавляющее большинство обратится к официальному сайту УМВД.

Примечательно, что сообщения региональных СМИ о работе полицейских пользуются высокой степенью доверия у аудитории. Каждый пятый респондент полностью доверяет таким сообщениям, 70% скорее доверяют, чем не доверяют (то есть в целом уровень доверия составляет 90%). Чем младше респондент, тем более критично он относится к излагаемой информации. Респонденты, не доверяющие сообщениям СМИ о работе полиции, указывают, что совершенно не интересуются работой последних, эта информация не представляет для них никакой ценности.

Из сказанного следует, что ОИиОС целесообразно выстраивать более гибкую информационную политику, обратив внимание на целевую аудиторию более молодого возраста, формируя контент с учетом их интересов, каналов получения информации.

Однако не вызывает сомнений, что криминальная тематика пользуется вниманием населения в любом обществе и в любое время, поскольку для любого человека «есть три темы, апеллирующие к бессознательным пластам и почти всегда вызывающие интерес: секс, криминал, связанный с насилием, и успех» [4, с. 39]. Мастерство сотрудников, транслирующих информацию о деятельности

полицейских, как раз должно выражаться в том, чтобы привлечь внимание аудитории и в рамках сообщения сформировать определенное представление о событии.

Закономерно выглядят информационные приоритеты омичей в анализируемой сфере. В ходе исследования респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале, в какой степени их интересует та или иная информация, представленная в медиaprостранстве правоохранительными органами («1» — совсем не интересует, «5» — интересует). Более всего у омичей востребованы информационные сообщения криминального характера (средний балл 3,6) и сведения профилактической направленности (средний балл 3,5). Менее интересны сообщения о дорожно-транспортных происшествиях (средний балл 3,4). Слабо привлекают внимание аудитории публикации о достижениях сотрудников полиции и ведомства в целом, важнейших событиях и незаурядных фактах, связанных с деятельностью органов внутренних дел, направленных на формирование и укрепление имиджа полиции (средний балл 3), особенно это касается молодежи. У российской молодежи нередко «отсутствует такой важнейший компонент гражданской позиции, как активное социальное и общественное участие»⁵, осознание своей гражданской позиции и ответственности за происходящее, в том числе в сфере борьбы с преступностью.

Сообщения о криминале и ДТП вызывают интерес чаще у мужчин, нежели женщин, в целом чаще других интересуются этой информацией лица в возрасте 30–59 лет.

Соответственным образом распределяются представления омичей о приоритетах информационной работы правоохранителей. Высказывая мнение о том, какую информацию в большей степени должны освещать в средствах массовой коммуникации правоохранительные органы, 50% респондентов указали на информацию о пресечении действий злоумышленников. Характерно, что чем моложе респонденты, тем чаще они выбирали этот вариант ответа. Чуть меньше опрошенных — 46% — хотят видеть сообщения профилактического характера, 30% их считают важным информировать граждан о работе, проводимой сотрудниками правоохранительных органов с населением, 15% — о патриотическом воспитании и только 11% — о мероприятиях имиджевого характера. При этом возрастные предпочтения имеют некоторые отличия. Старшее поколение (60 лет и старше), ставя на первое место информирование о пресечении преступных действий, чаще других

⁵ Молодежь новой России: ценностные приоритеты. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_2.html (дата обращения: 08.04.2024).

указывают на важность освещения работы полиции с населением, а также патриотического воспитания. В отличие от лиц, не достигших 45 лет, они не видят смысла в имиджевых мероприятиях.

Важной закономерностью ответов на указанный вопрос стало то, что мужчины отдают приоритет развлекательной составляющей — сюжетам о пресечении действий злоумышленников. Женщины же ориентированы на то, что правоохранительные органы в первую очередь должны решать задачи противодействия преступности путем профилактики преступлений с использованием СМИ, популяризации работы с населением, освещения социально значимых акций с участием полицейских.

Учитывая такие особенности интереса к размещаемому контенту, следует обратить внимание на важность сочетания информационной составляющей сообщений, привлекающей внимание аудитории, с демонстрацией успешных действий полицейских по противодействию криминалу, позволяющей формировать положительный имидж службы.

Однако вне зависимости от того, насколько целенаправленно и регулярно омичи ищут в медиaprостранстве сообщения о работе полиции, их внимание направлено часто на сюжеты о пресечении действий преступников, о профилактике преступлений, о работе полицейских с населением. Выпуски, освещающие социально значимые акции с участием полицейских, имиджевые мероприятия, а также направленные на патриотическое воспитание, аудиторией не интересны.

Вполне логичным выглядит здесь и тот факт, что чем меньше интерес граждан к сообщениям о деятельности регионального УМВД, тем больше степень недоверия к информации, в этих сообщениях содержащейся.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить следующее. Сообщений, так или иначе связанных с работой полиции в СМИ и сети Интернет, очень много⁶. ОИиОС осуществляет активную работу по информационному сопровождению деятельности ОВД (полиции). Тот факт, что население целенаправленно не интересуется деятельностью полиции, для ознакомления с новостями отдает предпочтение телевидению, говорит нам о том, что ОИиОС следует более активно сотрудничать с региональными СМИ, размещая соответствующие сведения о криминальных событиях и работе полиции в первую очередь в информационных выпусках на телевидении, а также электронных СМИ; высокий уровень доверия к ним обеспечит восприятие информации в нужном ключе и формирование положительного имиджа полиции. Следует также использовать возможности региональных групп в социальных сетях («Омск с огоньком», «Инцидент Омск», «Жесть Омска», «Омск Live» и т. п.). Нужно понимать, что аудиторией движут любопытство, интерес. Поэтому контент должен быть информативным и эмоционально привлекателен разным целевым аудиториям, при этом приносить пользу гражданам и органам внутренних дел (полиции), повышая правосознание населения, формируя позитивное отношение к полиции, готовность сотрудничать и противодействовать преступности.

Список источников

1. *Нестерова В. Е.* Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел средствами массовой информации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1(54).
2. *Малкова Т. В., Генералов Н. А.* Полиция и общество: пути взаимодействия // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 3(7).
3. *Гаврилин С. А.* Формирование положительного медийного образа сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 5.
4. *Грошев И. В.* Гендерные образы рекламы // Вопросы психологии. 2000. № 6.

⁶ Ежемесячно только в средствах массовой информации размещается в среднем около 2 тыс. материалов с упоминанием УМВД России по Омской области, что в три раза больше, чем сообщений с упоминанием прокуратуры Омской области, в четыре раза больше, чем сообщений с упоминанием СУ СК РФ по Омской области.

УДК 343.01

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-358-361

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения

Лала Арсеновна Бегоян

аспирант кафедры уголовного права¹,

✉ lalabegoyan1997@gmail.com

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия)

В работе рассматривается существующая в современном уголовном праве дискуссия относительно допустимости использования оценочных признаков. Отмечается полярность суждений специалистов, указывающих, с одной стороны, на риски произвольного толкования оценочных признаков, граничащие с нарушением принципа законности, с одной стороны, а с другой стороны — на риски создания невосполнимого пробела в праве при полном отказе от использования оценочных признаков в законе. В этой дискуссии наиболее обоснованной видится срединная позиция, допускающая применение оценочных признаков в уголовном праве в качестве необходимой, но вынужденной меры, сопровождаемой разработкой широкой нормативной и правоприменительной инфраструктуры конкретизации и толкования оценочных признаков, которая позволила бы, не нарушая правила запрета применения по аналогии, обеспечить достаточную вариативность и единообразие в толковании оценочных признаков.

Ключевые слова: оценочные признаки, уголовное право, уголовное законодательство, уголовный закон, уголовно-правовые нормы, квалификация преступлений, правоприменительные риски

Для цитирования: Бегоян Л. А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 358–361.

Evaluative Concepts in Criminal Law: Discussions and Solutions

Lala A. Begoyan

post-graduate student at the chair of Criminal Law¹,

✉ lalabegoyan1997@gmail.com

¹ Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

The paper considers the existing discussion in modern criminal law related to the admissibility of the use of evaluative features. There is a polarity of specialists' judgements, underlining, on the one hand, the risks of arbitrary interpretation of evaluative features, close to violation of the principle of legality, and, on the other hand, the risks of creating an irreparable gap in the law in case of complete rejection of the use of evaluative features in the law. In this discussion, the most reasonable is the middle position that admits the use of evaluative features in criminal law as a necessary but forced measure, accompanied by the development of a broad normative and law enforcement infrastructure of specification and interpretation of evaluative features, which would, without violating the rule of prohibition of application by analogy, provide sufficient variability and uniformity in the interpretation of evaluative features.

Keywords: evaluative features, criminal law, criminal legislation, criminal law norms, qualification of offences, law enforcement risks

Citation: Begoyan L. A. Evaluative Concepts in Criminal Law: Discussions and Solutions. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 358–361 (In Russ.).

Современное уголовное законодательство, руководствуясь требованиями законности и правовой определенности, тем не менее, содержит довольно много норм оценочного характера. Проблемам их конструирования и применения посвящено достаточно много научных исследований [1, с. 283–288; 2, с. 123–127]. Однако если в теории есть относительно сформированное понимание

сути и назначения оценочных признаков, то на практике их наличие создает существенные теоретические и практические проблемы, связанные с толкованием закона и, как следствие, с квалификацией преступлений и назначением наказания. Потому вопрос использования оценочных понятий в уголовном праве по праву может считаться одним из актуальных и значимых.

Обращаясь к научным достижениям в исследуемой области, необходимо отметить неоднозначность научных позиций и в целом дискуссионный характер вопроса об использовании оценочных признаков в УК РФ.

Ряд авторов отмечают объективную необходимость использования оценочных понятий в законе, подчеркивая их возможность обеспечивать гибкость уголовно-правового регулирования. Принимая во внимание тот факт, что явления и процессы, достойные внимания государства, весьма разнообразны и изменчивы, законодатель не всегда имеет возможность абсолютно точно конкретизировать и зафиксировать регулирующие их нормы. В то время как нормы, содержащие оценочные понятия, подлежат динамической интерпретации, которая может меняться вместе с социально-экономическими, политическими и другими изменениями в обществе. В итоге раскрываемые через юридическую практику оценочные понятия обеспечивают адаптивность уголовного закона.

Такой точки зрения придерживается, в частности, В. Н. Кудрявцев, который отмечает, что использование оценочных понятий в законодательстве неизбежно. Они полезны, при условии, что определяются по мере необходимости и правильно применяются на практике [3, с. 138]. Аналогичной позиции придерживается Я. М. Брайнин [4, с. 211]. По мнению И. Я. Козаченко, именно оценочные концепции придают закону гибкость и позволяют правоприменителю обеспечить принцип персонализации наказания в пределах, установленных законом [5, с. 161].

Наряду с этим в науке отчетливо представлен и противоположный подход, сторонники которого предлагают либо сократить оценочные понятия, используемые в уголовном праве, либо вовсе отказаться от них. В частности, ученые пишут о существующей в подобной ситуации очевидной угрозе различного, в том числе противоречивого и даже противоправного толкования, что влечет неправильную квалификацию, а вслед за этим — ряд других негативных последствий, вплоть до вынесения обвинительного приговора в отношении невиновного лица [6, с. 131].

В данном контексте интересны научные труды Е. В. Кобзевой, которая обращает внимание на совокупность различных угроз, возникающих в связи с наличием оценочных понятий. Описывая данное явление, она приводит острое слово «произвол», тем самым акцентируя внимание на крайне широком, nepозволительном толковании уголовно-правовых норм. Автор резюмирует, что применение оценочных признаков допустимо только при наличии крайней необходимости [7, с. 314].

Равным образом М. И. Бару считал, что с точки зрения эффективности правового регулирования и идеи законности, чем меньше оценочных понятий, тем лучше, так как индивидуальная (субъективная) оценка может и не совпадать, а иногда — выйти за пределы той оценки, которую имел в виду законодатель, устанавливая норму, содержащую оценочное понятие [8, с. 104–108]. Аналогичную позицию поддерживает С. В. Расторопов, отмечая, что такие оценочные понятия, как «особая жестокость», «издевательство», «мучения», «пытка», из числа квалифицирующих признаков преступлений против здоровья и убийства следует исключить до тех пор, пока законодатель не будет в состоянии определить их в самом законе [9, с. 344]. В. В. Ткаченко и С. В. Ткаченко указывают, что в уголовном законе нельзя оперировать терминами, не поддающимися точному определению [10, с. 75].

Еще одна опасность, которую отмечают специалисты в контексте применения оценочных признаков, — это их отрицательное влияние на криминализацию деяний, поскольку активный уклон в сторону использования оценочных категорий может привести к тому, что границы криминализации станут чересчур аморфными, расплывчатыми [11, с. 131–134; 12, с. 135–140]. В этой связи необходимо процитировать Н. А. Лопашенко, которая пишет: «Законодатель „рассыпал“ оценочные признаки везде, где только можно, и часто — там, где, по-моему, нельзя. Речь, конечно же, об оценочных признаках, влияющих на криминализацию, таких, например, как „значительный ущерб“. Различное их истолкование приводит к тому, что рамки (границы) криминализации оказываются подвижными и сужаются или, наоборот, расширяются. Поэтому применение таких терминов в уголовном законе недопустимо. Оно противоречит принципу законности, поскольку границы преступного реально устанавливаются не законом, а конкретным правоприменителем» [13, с. 60].

Едва ли в споре о допустимости или недопустимости, полезности или опасности оценочных признаков можно поставить окончательную точку. Однако мы полагаем, что полное исключение оценочных понятий и их замена четкими понятиями крайне проблематичны. В противоположность рискам произвольного толкования закона, отказ от оценочных признаков создает не меньшую опасность пробела в праве. Законодатель не может четко предсказать и зафиксировать все возможные ситуации, потенциально возможные на практике. Поэтому в случае закрепления норм исключительно четкими формулировками рано или поздно правоприменитель может столкнуться с ситуацией, решение которой в Уголовном кодексе будет от-

существовать. С. В. Петраков правильно пишет, что проблема преодоления и восполнения пробелов является еще более острой, чем правоприменительное усмотрение, поскольку последнее связано с применением нормы, пусть и относительно определенной, а при пробеле норма вообще отсутствует, и сложность кроется как в законности использования способов его преодоления, так и в поиске нормы, регулирующей сходные обстоятельства [14, с. 38].

Изложенное позволяет говорить об амбивалентном характере оценочных понятий, их многогранности и сложности, а также невозможности однозначного решения вопроса об их допустимости или недопустимости в уголовном законе. На сегодняшний день оценочные признаки выступают важным, хоть и спорным элементом уголовного законодательства РФ. Они востребованы при конструировании норм Общей части УК РФ и активно используются при конструировании признаков отдельных составов преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, тем самым реально участвуя в криминализации противоправных деяний. И если в первом случае использование оценочных категорий вполне объяснимо и даже желательно (например, в части определения принципов уголовной ответственности), то для Особенной части УК РФ применение оценочных признаков — мера скорее вынужденная, но все же необходимая.

При этом надо понимать, что использование оценочных понятий — это не особенность только лишь исключительно норм уголовного права, их можно обнаружить и в других отраслях. Однако для уголовного закона, особенно в контексте положений ст. 3 УК РФ относительно невозможности применения в современной российской уголовной практике уголовного закона по аналогии, существование оценочных категорий создает ряд ощутимых проблем, связанных с вольной трактовкой индивидуальных фактов уголовного дела [15, с. 43] и обеспечением единообразного толкования закона независимо от того, кто из субъектов правоотношений его применяет [11, с. 131; 16, с. 68].

Можно заключить (не боясь ошибиться), что проблема оценочных признаков в уголовном законе это, по большому счету, проблема их конкретизации и толкования.

Сегодня, учитывая существующие в теории права способы повышения степени конкретизации правовых требований, можно констатировать, что наиболее желательным для преодоления сложностей использования оценочных признаков в уголовном законе выступает аутентичное разъяснение, которое осуществляет Федеральное Собрание

РФ посредством конструирования дефинитивных правовых норм, в том числе норм с открытым содержанием.

Однако наряду с этим нельзя не учитывать и возможности судебного толкования, которое в российской правовой практике хотя и имеет полуофициальный статус, все же довольно активно применяется на практике. Интересной представляется позиция на этот счет А. Г. Кибальника, который рассматривает постановления высшей судебной инстанции как официальный комментарий уголовно-правовой нормы. Если оценочные признаки не регламентированы более подробно законодателем, то это возможно сделать с помощью правоприменения, с тем лишь условием, что подобная конкретизация будет действительно подробной и детально выраженной в положениях постановлений Пленума Верховного Суда РФ [17, с. 261].

Об этом же пишет М. В. Талан, которая акцентирует внимание на толковании, даваемом Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. Автор отмечает, что именно с помощью судебного толкования допустимо решение спорных вопросов законодательства. По словам ученого, это позволяет сохранять стабильность и устойчивость законодательства, а оценочные категории рассматривать именно в правоприменительной практике высших судебных инстанций [18, с. 220].

Иными словами, правоведа пишут о том, что сущность оценочных признаков вполне успешно может раскрываться и законодательно, и через правоприменительную практику. Иные варианты здесь недопустимы, поскольку могут привести к существенным нарушениям прав и свобод человека и гражданина.

Подводя итог, кратко обозначим ключевые результаты.

1. Оценочные понятия, несмотря на существенный уровень критики со стороны ученых и экспертов, остаются одним из распространенных уголовно-правовых средств.

2. Хотя некоторые исследователи позитивно относятся к оценочным понятиям, большая часть специалистов высказывают в их адрес негативные комментарии.

3. Ожидаемое решение проблемы оценочных признаков заключается в необходимости осуществления их конкретизации и толковании на официальном, законотворческом и правоприменительном уровнях, чтобы соблюсти тонкую грань между недопустимым применением закона по аналогии и допустительным использованием судебных решений по аналогичным делам в качестве образца толкования и применения правовой нормы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курсаев А. В., Терехов А. Ю. О некоторых вопросах учета этических правил при конструировании уголовно-правовых норм // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3(37).
2. Пронина М. П. Определение понятия и содержания толкования уголовно-правовых норм // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2(46).
3. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.
4. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967.
5. Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. Томск, 1987.
6. Ушакова В. В. Роль оценочных понятий в конструировании норм уголовного законодательства. Барнаул, 2020.
7. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе. Саратов, 2004.
8. Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. 1970. № 7.
9. Растропов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств : монография. М., 2006.
10. Ткаченко В. В., Ткаченко С. В. Уголовная ответственность за убийство. М., 2014.
11. Кириллов М. А., Неганов Д. А., Савельев В. В. Оценочные признаки в уголовном законодательстве: вопросы теории и практики // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1(39).
12. Микулин В. Ю. Судейское усмотрение при квалификации преступлений с оценочными признаками состава // Актуальные исследования. 2020. № 2(24).
13. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.
14. Петраков С. В. Оценочные формулировки в законотворчестве и судопроизводстве : монография. СПб., 2013.
15. Тыдыкова Н. О технике конструирования уголовного закона // Юрлингвистика. 2023. № 30(41).
16. Шеслер А. В. Научные основы квалификации преступлений : учеб.-метод. пособие для магистратуры. Томск, 2017.
17. Кибальник А. Г. Введение в международное уголовное право. Ставрополь, 2001.
18. Талан М. В. Виды уголовно-правовых систем // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150, кн. 5.

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-362-368

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Природа терроризма в России и Таджикистане: сравнительный анализ

Навруз Муборакшоевич Карамшоев

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ karamshoev80@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В настоящее время многие страны сталкиваются с проблемой национальной безопасности, но, что еще важнее, угрозы стали возникать на международном и глобальном уровне. Одной из самых опасных угроз является терроризм, который направлен не только на власть или военные объекты, он отнимает жизни мирных жителей, разрушает инфраструктуру, дестабилизирует общество, создает массовую панику. Страны, входившие в СССР, при распаде пережили не только политические и социально-экономические проблемы колоссальных масштабов, они столкнулись с терроризмом, который стал массовым, кровопролитным и распространился на территории разных стран, формируя сеть опасных террористических организаций, выходящих далеко за пределы территории бывшего Союза. В связи с этим возникает потребность в изучении причин развития террористической деятельности в таких странах, как Россия и Таджикистан. Таким образом, целью данной статьи является исторический и сравнительный анализ возникновения и развития терроризма в названных странах. Предмет исследования — истоки и причины возникновения терроризма в указанных государствах. Методы исследования: историко-сравнительный метод, теоретический анализ и синтез.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, Таджикистан, Россия, борьба с терроризмом, ислам, международный терроризм

Для цитирования: Карамшоев Н. М. Природа терроризма в России и Таджикистане: сравнительный анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 362–368.

The Nature of Terrorism in Russia and Tajikistan: Comparative Analysis

Navruz M. Karamshoev

post-graduate student¹,

✉ karamshoev80@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Currently, many countries face the problem of national security, but what is more important, threats have emerged at the international and global level. One of the most dangerous threats is terrorism, which targets not only the authorities or military targets, but takes civilian lives, destroys infrastructure, destabilizes society and creates mass panic. The countries that were part of the USSR not only experienced political and socio-economic problems of colossal proportions when they collapsed, they also faced terrorism, which became mass, bloody and spread across the territories of different countries, forming a network of dangerous terrorist organizations that went far beyond the territory of the former Soviet Union. In this regard, there is a need to study the reasons for the development of terrorist activities in countries such as Russia and Tajikistan. Thus, the purpose of this article is a historical and comparative analysis of the emergence and development of terrorism in these countries. The subject of the study is the origins and causes of terrorism in the countries under consideration. Research methods include historical and comparative method, theoretical analysis and synthesis.

Keywords: terrorism, terrorist act, Tajikistan, Russia, fighting terrorism, Islam, international terrorism

Citation: Karamshoev N. M. The Nature of Terrorism in Russia and Tajikistan: Comparative Analysis. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 4(95). Pp. 362–368 (In Russ.).

Понятие «терроризм» происходит от латинского «terror», что означает «страх» или «ужас» и очень точно передает цель: «посеять панику в обществе, устраняя своих политических противников силовым

путем». Террор существует с древних времен, с течением времени приобретая все более характерные для него особенности, такие как создание атмосферы всеобщего страха, публичный характер исполнения,

физическое и/или психологическое воздействие на объект подчинения. В истории сохранились упоминания об иудейской секте сикариев (I в.), секте асасинов (XI–XIII вв.) [1, с. 10]. В XX в. получил свое развитие «исламский терроризм», который характерен для представителей радикальных исламских течений, а в XXI в. — «кибертерроризм», который использует цифровую среду для совершения атак.

Несмотря на то что терроризм имеет многовековую историю, до сих пор его природа остается дискуссионным вопросом. При этом раскрытие причин террористической деятельности крайне важно для профилактики и борьбы с данным явлением. Таким образом, проблема поиска причин терроризма, определение его природы представляется актуальной.

По нашему мнению, причин для совершения террористических атак существует множество. Анализ научной литературы по теме исследования позволил выделить несколько основных групп причин.

1. *Национальные и религиозные проблемы*, которые вызывают противоречия между определенными общественными группами. Это одни из самых опасных причин, так как проблемы в данной области рано или поздно приводят к возникновению острых конфликтов. Примером может служить Чеченский конфликт в России, перманентный конфликт между Израилем и Палестиной.

2. *Социально-экономические проблемы*, вызванные преимущественно расслоением общества и неравномерным распределением благ. Примером таких причин можно назвать белый и красный террор в революционный период начала XX в. в России.

3. *Социокультурные проблемы*, которые порождают низкую правовую грамотность населения, рост криминальных структур. Они редко выступают основной причиной и сопутствуют другим, более важным.

4. *Военные конфликты*, в ходе которых военная элита совершает переворот (как в Греции и Чили) либо объединяется с террористическими организациями (как в Сирии).

Одним из ключевых моментов раскрытия причин совершения того или иного террористического акта является то, что основная цель терроризма — это дестабилизация обстановки и создание напряженности в обществе. Всегда существуют финансовые цели: террористические организации получают финансирование, часто очень значительные. Следует учесть и то, что непосредственные исполнители террористических актов получают денежные вознаграждения (за исключением «идейных» камикадзе, которые совершают подобное из-за внушаемых им установок).

Таким образом, мотивы для совершения террористических преступлений могут быть различными, отличаются также мотивы заказчиков (преимущественно политические) и исполнителей (преимущественно финансовые или религиозные).

Вопрос о том, кто является непосредственным спонсором терроризма, сложный и неоднозначный, так как эта информация не афишируется, ответственность за совершение теракта, как правило, берут террористические организации, но не те, кто их финансирует. В правительственной среде США существует мнение, что власти ряда стран участвуют в финансировании терроризма для достижения политических целей, в том числе на международной арене. Так, в 2023 г. власти США опубликовали следующий список стран, финансирующих терроризм: Куба, Иран, Северная Корея и Сирия¹. Однако Н. Патрушев, секретарь Совбеза РФ, заявил, что США сами не только финансируют, но и организуют террористические организации, такие как ИГИЛ и «Аль-Каида» (признаны террористическими организациями и запрещены на территории Российской Федерации)². Это мнение поддерживается многими российскими и зарубежными политиками и учеными. Так, после террористического акта в «Крокусе» в Московской области, власти РФ публично заявили о том, что при расследовании был обнаружен «западный след». Таким образом, позиции властей обеих стран совпадают в том, что крупными заказчиками являются правительства государств. Финансирование терроризма, особенно крупных международных организаций, возможно только для источников с огромными финансовыми активами.

В целях раскрытия природы терроризма дадим его характеристику с различных сторон. Во-первых, это болезнь, которая носит массовый характер, оказывает тяжелое психологическое давление на массы. Во-вторых, это опасное социальное, политическое и криминальное явление, вызванное корыстными целями «элит» с доступными политическими и финансовыми рычагами. В-третьих, это феномен современного общества, который набрал колоссальные обороты в XX в. на фоне массовых военных и религиозных конфликтов, противоречий между государствами. Наконец, терроризм может быть точкой зрения последователей. Например, серию террористических актов в Европе в 70–80-е гг. палестинские боевики оправдывали тем, что так они выражают свою позицию из-за равнодушия европейцев к их сложной ситуации из-за территориального конфликта с Израилем. Таким образом, природа терроризма может быть связана

¹ State Sponsors of Terrorism. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism> (дата обращения: 31.03.2024).

² Патрушев заявил, что США борются с терроризмом только на словах. URL: <https://tass.ru/politika/15512125> (дата обращения: 31.03.2024).

не только с религиозными учениями, но и с убеждениями, не связанными с религией.

Еще одним способом раскрытия природы терроризма служит обращение к его истории. Истоки терроризма, как пишет О. Будницкий, берут начало во второй половине XIX в. Первым человеком в России, призывающим к кровопролитию, был П. Заичневский, который, будучи заключенным, писал в «Молодой России» об истреблении как царской фамилии, так и других людей. Изначально автор данных призывов не был сторонником индивидуального террора, но его слова позднее стали своего рода лозунгами для революционных движений в стране, в том числе террористического характера. По его мнению, нарастающие ультрарадикальные настроения привели к тому, что 4 апреля 1866 г. раздался выстрел Каракозова, который и ознаменовал начало терроризма в России [2, с. 272].

Следующие полвека регулярно совершались террористические атаки на представителей власти (императора Александра II, министров Н. П. Боголепова, Д. С. Синягина, В. К. Плеве, премьер-министра П. А. Столыпина и др.). Уже в этот период жертвами терроризма становились не только целевые персоны, но и случайные жертвы. Но в целом в первоначальный период терроризм носил индивидуальный и только политический характер. Оружие использовалось различное: кинжалы, револьверы и бомбы.

«Народная воля» (революционная нелегальная политическая партия, возникшая в 1879 г.) стала прототипом для последующих террористических формирований, и не только для российских. Партия «Черная сотня» также обрела мировую известность в связи с еврейскими погромами в 1905–1906 гг. Они занимались уже массовым террором, но также нападали и на отдельных политических личностей.

Причины данного этапа развития терроризма крылись в недовольстве интеллигенции царской властью. Оппозиция пыталась бороться, но не нашла поддержку у народа, который в целом вел себя пассивно. Таким образом, развивалось противостояние между монархией и радикально настроенной интеллигенцией. Но главная причина, которую называют историки, — незавершенность реформ. Ситуация осложнялась нежеланием властей идти на переговоры с революционерами, которые в итоге использовали террористические методы, чтобы принудить власть идти на уступки. Сформировалась деструктивная практика решения политических вопросов.

Октябрьская революция 1917 г. создала новую волну террора. Терроризм был присущ обеим сторонам: и революционерам, и власти. В научной литературе и других источниках это описано как «красный террор» против «белого террора». «Только в июне

1918 г. контрреволюционеры расстреляли в 22 губерниях РСФСР 824 человека, в июле — 4141, в августе — 339, в сентябре — свыше 6 тысяч» [3, с. 6]. С этого момента терроризм стал носить массовый характер. При этом власть считала данные методы оборонительным средством, которое позволяло защитить интересы народа.

С конца 1920-х гг. террор стал средством государственного управления, позволяющим власти подчинять общество и устанавливать политические приоритеты. Основными мерами стали коллективизация, уничтожение зажиточных слоев населения («кулачества») и подавление любой оппозиции.

Следующий этап в развитии терроризма в России начался в период Великой Отечественной войны и продолжился в 50-е гг. Это был оппозиционный террор со стороны национал-сепаратистских движений Прибалтики и Западной Украины. В СССР до его распада терроризм проявлялся лишь эпизодически.

К концу XX в. века терроризм становится масштабным и высокоприбыльным бизнесом. Формирование криминальных и теневых структур в период «перестройки» к середине 90-х гг. приобрело колоссальный масштаб, проникая во все сферы общества, включая политическую элиту и высшие органы государственной власти. Наемники стали рабочей силой криминальных лидеров, появился черный рынок оружия.

Волна терроризма началась в связи с конфликтами между РФ и Чеченской Республикой в 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг. На рубеже XXI в. в России наиболее распространенным методом проведения террористических атак был подрыв жилых домов. Такой выбор был обусловлен следующими причинами:

- легкость доступа к объекту: жилые дома не охраняются специальными службами;
- гарантировано большое количество жертв: в жилых домах всегда есть люди;
- резонанс: гибель простых людей всегда вызывает ужас и панику у местных жителей, что и является одной из целей террористов.

В 90-е гг. также активно совершались преступления организованными преступными группами, что осложняло криминогенную обстановку в стране. У террористов и членов организованных преступных группировок разные цели, но они пользовались общими методами и взаимодействовали между собой.

С начала 2000-х гг. кавказские бандитские группировки стали привлекать для террористической деятельности шахидов и шахидок. Для этой деятельности регулярно вербовали большое количество исламской молодежи, используя религиозные методы радикального характера. Впервые такой случай был зарегистрирован в июне 2000 г. в Чечне, когда шахиды привели в действие взрывные устройства, нахо-

дящиеся в автомобилях. «2 июля 2000 года боевики совершили 5 террористических актов по этому же сценарию: два теракта были совершены в Гудермесе, по одному — в Урус-Мартане, Новогрозненском и Аргуне. 84 человека получили ранения, трое пропали без вести, погибли 33 бойца федеральных сил. Еще более страшные последствия были при уничтожении Дома правительства Чечни 27 декабря 2002 г. — тогда на территорию комплекса правительственных зданий прорвались два груженных взрывчаткой «КАМАЗа». В результате взрывов погибли 80 человек, более 170 были ранены» [4, с. 345].

В 2003 г. в Чечне начиненный взрывчаткой «КАМАЗ» уничтожил здания ФСБ и РОВД, а также восемь жилых домов. В результате инцидента 59 человек погибли и более 200 получили ранения различной тяжести.

Такого рода террористические акты совершались не только на территории Чечни, но и, например, в Москве. В 2002 г. в Театральном центре на Дубровке во время мюзикла «Норд-Ост» террористы захватили около 1000 человек, находящихся внутри. 50 боевиков (включая 10 женщин) под руководством Мовсара Бараева были вооружены взрывными устройствами и огнестрельным оружием. Их требованием был вывод федеральных войск из Чечни. Благодаря штурму удалось освободить заложников, но погибло 129 человек³.

В 2003 г. на рок-фестивале «Крылья» в Москве две шахидки подорвали взрывные устройства, которые принесли на себе. Пройти на концерт им не удалось, тем не менее в результате взрыва погибло 14 человек.

Другим резонансным террористическим актом стал захват заложников в школе г. Беслана в Северной Осетии в 2004 г. Погибло 334 человека, включая 186 детей⁴. Это была трагедия, которая получила международный отклик.

Террористические акты стали активно проводить в общественном транспорте, например:

— захват самолета, направляющегося из Стамбула в Москву (15 марта 2001 г.);

— взрыв в вагоне поезда московского метро, следовавшего от станции «Автозаводская» к «Павелецкой» (6 февраля 2004 г.);

— взрывы в самолетах в Ростовской и Тульской областях (24 августа 2004 г.);

— взрыв около станции метро «Рижская» в центре Москвы (31 августа 2004 г.);

— взрыв в Московском аэропорту Домодедово (24 января 2011 г.);

— взрыв в Петербургском метро на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт». Ответственность за этот акт взяла на себя террористическая организация — «Исламское государство» (признана террористической и запрещена на территории РФ) (3 апреля 2017 г.).

Мы видим, что террористические акты осуществлялись в разных регионах, преимущественно в столице, чтобы вызвать максимальный резонанс среди населения и обозначить свою позицию для властей.

Безусловно, как отмечает Д. В. Долгов, террористические акты в общественном транспорте наиболее опасны [5, с. 153]. Во-первых, из-за ограниченного пространства, в котором людям тяжело избежать травм, покинуть транспорт. Нарастающая паника усугубляет ситуацию. Анализ сценариев террористических актов данного периода позволяет сделать вывод о недостаточной эффективности мер охраны общественного транспорта. Автор отчасти согласен с данным мнением, однако большее количество жертв террористов случается в местах значительного скопления людей на концертах и других массовых мероприятиях. Так, количество жертв «Крокуса» составило 145 человек, в театральном центре «Норд-Ост» — 129 человек.

На основании проведенного исследования истории развития терроризма в России можно выделить следующие основные этапы.

1. Вторая половина XIX в. — начало XX в. Начало эпохи индивидуального террора. Нападению подвергаются первые лица государства, в том числе император.

2. Октябрьская революция 1917 г. — 30-е гг. Массовый государственный террор, «Красный террор». Явление становится широкомасштабным. Революционеры и контрреволюционеры используют террористические методы ради достижения своих целей, при этом жертвами становятся тысячи людей.

3. Вторая мировая война и последующие 50-е гг. Период оппозиционного террора со стороны Прибалтики и Западной Украины, который носил националистический характер.

4. 1990-е гг. Террористические акты, совершенные в процессе конфликта на Кавказе. Носили массовый характер — преимущественно с помощью подрывов жилых домов.

5. 2000-е гг. Террористические акты с привлечением шахидов и шахидок. Взрывы преимущественно осуществлялись на территории Чечни, взрывные устройства находились в автомобилях, а сами шахиды были водителями. Другая особенность периода —

³ Террористический акт на Дубровке («Норд-Ост») в октябре 2002 года. URL: <https://ria.ru/20221023/terakt-1825805630.html> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ В Беслане 1 сентября память жертв теракта почтили почти 1,5 тыс. человек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18641015> (дата обращения: 29.02.2024).

захват заложников. Также террористические акты стали осуществляться в общественном транспорте, в местах скопления людей (на концерте, в театре).

6. 2022–2023 гг. Террористические акты на фоне Специальной военной операции на Украине. 8 октября 2022 г. был осуществлен подрыв Крымского моста. 2 марта 2023 г. было совершено нападение в г. Брянске: обстрел автомобиля и атака с помощью беспилотного летального аппарата (далее — БПЛА). Подобные инциденты стали происходить в Белгородской, Ростовской, Курской, Липецкой областях и других регионах. В начале 2024 г. произошло несколько случаев атак с помощью БПЛА в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Таким образом, основным оружием становятся БПЛА.

Распад СССР стал точкой развития терроризма не только на территории России, но и других государств, например, в Таджикистане. Именно в 1990-е гг. здесь произошли первые террористические акты. Это раскрывает природу терроризма — политическая нестабильность, ослабление государственной власти негативно влияет на способность предотвращать терроризм и бороться с ним, более того, это создает предпосылки к подобной преступной деятельности.

После выхода из состава СССР в Таджикистане началась гражданская война, продолжавшаяся в течение 1992–1997 гг. В первые два года конфликта террористические акты были одним из средств нападения. С 1994 г., когда уже намечались мирные переговоры, террористические акты (взрывы, похищения людей и вооруженные нападения) проводились для дестабилизации политической обстановки. Как пишут А. К. Билан и др., чаще всего нападали на политиков, военнослужащих (в том числе российских), а также иностранцев (например, журналистов) [6, с. 445].

В 1999–2000 гг. сформировался «Баткенский транзит». В этот период из Афганистана вернулось около 10 тыс. бойцов оппозиции, многие из которых были интегрированы в различные службы Министерства обороны, МВД и Комитет по охране государственной границы. Властные полномочия позволили им создать параллельную систему управления, которая сформировала «коридор» из Афганистана для перевозки наркотиков и террористов [7, с. 80].

В 2000–е гг. в Таджикистане стали формироваться группы экстремистского толка в трансграничных регионах, происходила активная вербовка в «Исламское государство» (признана террористической и запрещена на территории РФ), «Партию исламского возрождения Таджикистана» (признана террори-

стической и запрещена на территории РФ) и т. д. Так, 3 сентября 2010 г. террорист-смертник привел в действие взрывное устройство в г. Худжанде около здания РУБОПа. Погиб один человек и десятки пострадали⁵. В 2023 г. был предотвращен теракт членов террористической организации «Джамаат Ансорулло», пытавшихся пересечь афгано-таджикскую границу⁶.

Таким образом, в истории развития терроризма в Таджикистане можно выделить следующие этапы:

1) 1992–1997 гг. — террористические акты на фоне гражданской войны;

2) 2000-е гг. — формирование террористических и экстремистских групп радикальных исламских течений на трансграничных территориях.

Как и в России, в Таджикистане терроризм продолжает оставаться одной из самых серьезных угроз для национальной безопасности. Проблему осложняет соседство с Афганистаном и другими странами (Узбекистан, Киргизия), где создается множество террористических группировок радикального исламистского толка, которые могут проникать на территорию Таджикистана, формировать трансграничные группы, что несет потенциальную опасность для совершения терактов на любой территории в странах Азии [7, с. 80]. Таким образом, терроризм здесь приобрел межрегиональный характер, сформировалась сеть террористических организаций.

Проводя сравнение между терроризмом в России и Таджикистане, можно выделить следующие общие черты:

— 1990-е гг. стали определенными рубежами в обоих государствах после распада СССР на фоне тяжелых военных конфликтов;

— на территории обоих государств с 90-х гг. происходили террористические атаки. Исламские террористические группировки — одна из самых опасных угроз для национальной безопасности обеих стран;

— афганский «след» наиболее четко прослеживался в Таджикистане, но также проявился и на Кавказе (в России);

— терроризм в обеих странах носит международный характер.

Отличиями террористических проявлений в указанных странах можно назвать:

— до распада СССР в Таджикистане не совершались теракты, а в России они начались более чем за 100 лет до этого;

— в Таджикистане не использовались для совершения террористических атак общественный транспорт и учреждения культуры;

⁵ Азия-Плюс. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2010/10/04_a_10793984.shtml (дата обращения: 04.10.2010).

⁶ ГКНБ: В Таджикистане пресекли попытку теракта в канун Дня независимости. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20230906/gknb-v-tadzhikistane-presekli-popitku-terakta-v-kanun-dnya-nezavisimosti> (дата обращения: 29.02.2024).

— Таджикистан не затронули на данный момент современные средства террористических атак — БПЛА, которые характерны для украинских атак.

Таким образом, в указанных странах больше общих черт в явлении терроризма, чем различий. По мнению автора, чтобы вести эффективную борьбу с терроризмом, необходимы глобальные системные мероприятия на различных уровнях, например:

— вести активную политику просвещения по проблемам терроризма в обеих странах. Население должно владеть информацией о том, как вести себя в ситуации угрозы, сообщать о подозрительных ситуациях и личностях, не бояться обращаться в экстренные службы. Отдельного внимания заслуживают вопросы информирования граждан о радикальных течениях ислама, что позволит избежать массовой вербовки в ряды террористов. В свое время подобные мероприятия в учебных заведениях Казани показали положительный эффект [8, с. 77], но стоит отметить, что вербуют не всегда среди мусульманского населения, но и среди русских православных молодых людей и т. д.;

— совершенствовать меры обеспечения безопасности в потенциально опасных местах скопления людей (аэропорты и вокзалы, учреждения спорта и культуры). На данный момент можно утверждать, что аэропорты и вокзалы достаточно безопасны. Однако театры и другие учреждения не оснащены серьезными системами безопасности и не имеют сотрудников охраны необходимой квалификации. Можно привести пример системы организации безопасности на стадионе «Газпром Арена» в г. Санкт-Петербург, который стоит реализовать на других крупных объектах массового посещения;

— совершенствовать работу органов полиции и других служб, участвующих в обеспечении безопасности. Необходимо улучшать информационную и практическую подготовку сотрудников как в части противодействия и профилактики терроризма, так и в сфере непосредственного участия в ликвидации террористического акта. Это важная проблема, так как при штурме, как правило, погибает и получает ранения большое количество заложников.

Можно выделить основные черты современного терроризма, характерные для России и Таджикистана:

— терроризм направлен не столько на требования к властям в отношении политики или отдельным личностям, сколько на создание паники в обществе, масштабной угрозы для мирных жителей;

— террористы часто при подготовке теракта предполагают максимальное количество людей в эпицентре события (часто взрыва): кафе, театры, аэропорты, железнодорожные станции и т. д.;

— личность террористов может быть неизвестна, особенно исполнителей, которые часто погибают на месте преступления;

— терроризм приобрел глобальный международный характер. Террористические акты могут совершаться в государствах, в которых сами террористы или те субъекты, на которых данные действия должны оказать устрашающий эффект, не проживают. Совершаются атаки на неправительственные международные организации;

— в последние два года на фоне конфликта на Украине основным оружием становятся БПЛА со снарядами, которые невидимы для ПВО, и в настоящий момент это стало серьезной проблемой для обеспечения национальной безопасности;

— террористические атаки с конца XX в. связаны с вооруженными конфликтами (в России — сначала в Чечне, затем на Украине). Противники нашего государства используют терроризм как оружие, которое направлено в первую очередь на мирное население, порождает панику, дестабилизирует общество;

— для борьбы с терроризмом необходимо прилагать общие усилия международного характера. В вопросе терроризма, осуществляемого исламскими радикалами, Таджикистан и Россия могут объединить возможности на уровне спецслужб, ведомственных органов, совместных контртеррористических операций и т. д.

К сожалению, терроризм в России продолжает развиваться. На фоне эскалации конфликта на Украине может быть ухудшение ситуации, есть риск совершения новых террористических актов.

Можно выделить следующие основные факторы, которые раскрывают природу терроризма:

1) неэффективная внешняя и внутренняя политика, которая приводит к межэтническим, межнациональным и другим конфликтам, порождающим активизацию терроризма. Нестабильное состояние власти приводит к ослаблению контроля за опасными группировками и их преступной деятельностью. Существует вероятность прямого участия правительств некоторых государств в пособничестве терроризму в сфере внешней политики;

2) исторический анализ развития терроризма в России и Таджикистане показал, что сложившаяся ситуация в этих странах является негативным результатом последовательных политических событий, ошибок глав государств и т. д.;

3) развитие деструктивных форм религиозных формирований, которые создают крупные сети вербовки будущих террористов;

4) высокий уровень финансирования терроризма. Финансовые потоки в терроризме значительны, что позволяет участникам данной пре-

ступной деятельности зарабатывать большие суммы.

Таким образом, терроризм — это сложное явление, которое носит в настоящее время общественный характер. Его главные характеристики, такие как непредсказуемость и лишение жизни множества людей, подрывают все основные гуманистические ценности. Природа терроризма многоаспектна, а причи-

ны имеют глобальный характер, так как терроризм стал международным преступным явлением.

В связи с этим борьба с терроризмом должна носить системный характер, учитывающий природу терроризма. Особенно важны превентивные меры, препятствующие совершению актов, так как последствия терроризма необратимы — гибель людей и разрушение инфраструктуры.

Список источников

1. *Осташев А. А.* Терроризм в современном мире: понятие, виды, причины и уголовная ответственность за содеянное // *Е- Scio*. 2021. № 1.
2. *Будницкий О.* Терроризм в Российской империи. М., 2021.
3. *Красная книга ВЧК.* М., 1989.
4. *Требин М. П.* Терроризм в XXI веке. Минск, 2003.
5. *Долгов Д. В.* Терроризм как угроза авиационной безопасности: сравнительно-правовой анализ опыта европейских государств и Российской Федерации // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т. 18, № 2.
6. *Билан А. К., Гришина Н. Р., Радзион А. О.* Проблема терроризма в Таджикистане // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4, № 5.
7. *Попов Д.* Таджикистан перед лицом угрозы международного терроризма // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 1.
8. *Насибуллов К. И., Шерстобоев В. В., Гибадуллина М. Р., Карибуллин А. А.* Исламское образование в Татарстане: социально-демографические характеристики студентов различных форм обучения // *Исламоведение*. 2020. Т. 11, № 2.

УДК 343.13

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-369-372

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Понятие уголовного процесса

Александр Михайлович Баранов

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹,

✉ baranowam@list.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена понятию уголовного процесса. Рассматривается его изменение в теории за последние двести лет. Анализируются современные подходы к определению понятия уголовного процесса. Показана зависимость содержания определения уголовного процесса от уголовной политики в государстве. Отмечается отсутствие единого подхода к определению данного понятия.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, понятие, определение

Для цитирования: Баранов А. М. Понятие уголовного процесса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 369–372.

The Concept of Criminal Procedure

Alexandr M. Baranov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ baranowam@list.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to the concept of criminal procedure. Its change in theory over the last two hundred years is under study. Modern approaches to the definition of the concept of criminal procedure are analyzed. The dependence of the content of the definition of criminal procedure on the criminal policy in the state is shown. The absence of a unified approach to the definition of this concept is noted.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, criminal procedural policy, concept, definition

Citation: Baranov A. M. The Concept of Criminal Procedure. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 4(95). Pp. 369–372 (In Russ.).

«Как вы яхту назовете...»

(из мультфильма «капитан Врунгель»)

Человеческое сознание устроено так, что первое представление, возникшее о чем-либо, практически на всю жизнь формирует наше знание о том или ином явлении*. Цивилизация давно заметила и использует этот эффект. При изучении любого предмета знакомство с ним начинается с понятия. Не является исключением и юриспруденция.

Первые определения уголовного процесса находим в литературе в середине XIX в. В работе «Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству», подготовленной «ординарным профес-

сором уголовных и полицейских законов» в Императорском Санкт-Петербургском университете, доктором права Я. И. Баршевым еще в 1841 г., обнаруживаем: «Совокупность этих форм и правил уголовного суда составляет так называемый уголовный процесс, или уголовное судопроизводство» [1, с. 5].

За прошедшие почти уже два столетия законодатель и юридическая наука в разные периоды использовали либо понятие «уголовное судопроизводство», либо «уголовный процесс». Конкуренция, а точнее, равнозначное употребление данных понятий суще-

* В детстве мы первым получаем «обыденное» знание. Эффект первого знания настолько силен, что порой получаемое позднее научное знание не может вытеснить «обыденное» представление. Ярчайший пример тому вопрос «Где восходит солнце?». На уроках природоведения в 4 классе мы узнаем «правильный» ответ: «На востоке». Позднее, осваивая астрономию, узнаем, что в действительности Солнце нигде не восходит. День и ночь меняются в результате вращения Земли. Но если спросить взрослого человека «Где восходит солнце?», абсолютное большинство ответят: «На востоке!»

ствуется уже не одно столетие. В дальнейшем и мы будем использовать их как равнозначные.

Отметим еще одно существенное обстоятельство. Законодатель никогда не делал попыток сформулировать определение уголовного процесса. По этой причине в юридической научной литературе существует множество определений, выработанных в различные периоды развития уголовного процесса. Прежде чем проанализируем подходы российских процессуалистов к определению содержания данного понятия в отдельные исторические периоды развития российского права, заинтересуем читателя первым выводом своего исследования.

В вопросе определения понятия «уголовный процесс» юридическая наука исчерпала свои возможности. Сегодня и в будущем возможно только лишь использование уже сформулированных в литературе определений. Попробуем обосновать это утверждение.

Понятие уголовного процесса было предметом научных споров уже в период зарождения уголовно-процессуальной науки в Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. Наиболее распространенным в те годы было так называемое «нормативное» определение уголовного процесса, который рассматривался как совокупность правовых норм, регулирующих производство по уголовным делам. Профессор В. К. Случевский по этому поводу писал: «Совокупность положений и правил, определяющих отношение государственной власти к тем нарушениям правового порядка, которые в интересах публичных подвергаются действию наказания, составляют предмет уголовного права в обширном его смысле. Эти положения и правила по содержанию своему легко могут быть распределены на две категории. Одни имеют предметом своим самую сущность элементов преступления и наказания и входят в область так называемого материального права, другие же имеют предметом своим ту форму, в которой находит применение свое к действительности уголовно-материальное право, и составляют область так называемого формального или процессуального права» [2, с. 4]. Наиболее последовательный сторонник нормативного понятия уголовного процесса германский процессуалист Цу-Дона определял его как сумму «всех предписаний закона, которые регулируют производство, которое устанавливает, имеются ли условия для применения уголовного принуждения, образует уголовно-процессуальное право» [3, с. 8]. Представителями германской науки (О. Бюлов) была выдвинута теория, трактующая уголовный процесс как юридические отношения. Эту позицию поддержали российские процессуалисты профессора

Н. Н. Розин [4] и Г. С. Фельдштейн [5]. Уголовный процесс понимался как юридические отношения между участвующими в производстве уголовного дела субъектами. По мнению Н. Н. Розина, суд и стороны имеют взаимные права и обязанности, которые порождают между ними процессуальные отношения [6, с. 7].

На рубеже XIX и XX вв. сформировалось третье направление в уголовно-процессуальной науке, сторонники которого определяли уголовный процесс в качестве системы гарантий для личности. В дореволюционной России это научное направление развивалось И. В. Михайловским. По его мнению, «задачей суда является вовсе не борьба с преступностью и не поддержание интересов власти. Единственной задачей суда (уголовного) должно быть признано разрешение спора между государством, предъявляющим обвинение и доказывающим существование в каждом данном случае своего карательного права, и личностью» [7].

В начале XX в. понятие уголовного процесса стали связывать с «деятельностью государственных или общественных органов, направленной к раскрытию совершившегося уголовного преступления и к выяснению, какие меры должны принять для удовлетворения нарушенных им интересов потерпевшего для законной ответственности виновного» [8, с. 5]. Трактовка уголовного процесса в качестве процессуальной деятельности суда, прокуратуры, органов предварительного расследования стала доминирующей в советский период развития уголовного процесса [9, с. 14; 10, с. 11; 11, с. 17; 3, с. 8].

В результате научных поисков в течение ста лет были выработаны четыре подхода к понятию уголовного процесса: 1) нормативный; 2) теория отношений; 3) теория гарантий личности от преследования со стороны государства; 4) вид государственной деятельности.

В конце XX в. в результате произошедших в стране социально-политических изменений стали другими и подходы к дефиниции и назначению уголовного процесса. Профессор В. П. Божьев предложил рассматривать уголовный процесс одновременно как отношения и как деятельность, в ходе которой реализуются возникшие правоотношения [12, с. 5; 13, с. 7]. Такой подход к понятию уголовного процесса получил поддержку и у других ученых. По мнению профессоров В. Н. Григорьева и Г. П. Химичевой, уголовный процесс — это предусмотренная законом и облеченная в форму правоотношений деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (судьи) при участии организаций, должностных лиц и граждан, содержанием которой являются возбуждение, расследование, рассмотрение и разрешение судами уголовных дел, ис-

полнение приговора, имеющая своей задачей обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя России от преступных посягательств» [14, с. 10].

В этот же период ряд авторов предлагают рассматривать уголовный процесс, с одной стороны, как совокупность норм права, а с другой — как вид государственной деятельности [15, с. 10]. Сторонник такого подхода профессор И. Михайловская именуется современной ей моделью российского уголовного процесса как «нормативная» [16, с. 2].

В дальнейшем и по сегодняшний день в содержание понятия уголовного процесса авторы стали включать в различном сочетании теоретические подходы, сформулированные в XIX и первой половине XX вв., понимая под уголовным процессом: 1) деятельность и правоотношения [17, с. 22; 18, с. 10; 19, с. 22]; 2) деятельность и форму (нормативный подход) [20, с. 14–15; 21, с. 23; 22, с. 11]; 3) деятельность, правоотношения и гарантию личности [23, с. 30]; 4) деятельность, правоотношения и нормативность [24, с. 21].

Ряд авторов вернулся к толкованию уголовного процесса как вида государственной деятельности [25, с. 13].

В последнее время в ряде учебных изданий, посвященных уголовному процессу, можно обнаружить попытку авторов, раскрывая понятие уголовного процесса, говорить о сущности, правовой природе, содержании, форме и назначении уголовного процесса, проводить сравнение понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство», не предлагая понятия в виде «классического» определения [26, с. 19; 27, с. 32]. Такой подход авторов, конечно, есть отступление от традиционной формы раскрытия того или иного понятия. Но он вполне объясним в текущих условиях.

Профессор Л. В. Головкин, рассматривая содержание и сущность уголовного процесса, но не давая его определения, отмечает, что уголовный процесс существует во всех странах, но нет единого стандарта, многое зависит от исторического развития того или иного государства. Назначение уголовного процесса, по его мнению, состоит в защите интересов общества. Соотношение интересов общества и частного лица не может быть решено на уровне законодательной техники. Эта проблема решается достижением временного консенсуса на уровне уголовно-процессуальной политики между моделями «контроль над преступностью» и «соблюдение должной правовой процедуры». Современная уголовно-процессуальная политика России находится в становлении, и говорить о ее концептуальном оформлении рано [27, с. 55].

Обратим внимание на два обстоятельства, выделенные Л. В. Головкин, характеризующие сегодня сущность уголовного процесса: соотношение интересов общества и частного лица и зависимость этого соотношения от уголовно-процессуальной политики.

Поднимался ли ранее в теории при рассмотрении сущности уголовного процесса вопрос о соотношении интересов общества и личности? И как его пытались разрешить?

Очень емко по этой проблеме еще во второй половине XIX в. высказался министр юстиции Австрии Юлий Глазер: «Полное осуществление цели государства невозможно без глубокого нарушения частных интересов; частное лицо принуждено влачить недостойное человека существование, у народа отнимается способность содействовать преуспеваю государству там, где право и интерес частного лица приносятся в жертву государственной цели и таким образом извращается правильное отношение цели и средства. Все граждане заинтересованы в таком устройстве уголовного правосудия, которое охраняет общественный порядок и щадит гражданскую свободу. Справедливое удовлетворение этих двух требований для них в высшей степени важно; в особенности необходимо, чтобы уголовное правосудие не употребляло никаких средств, несогласных с требованиями гуманности и чувства личного достоинства и достоинства государства» [28, с. 13]. Представляется, что большинство авторов при формулировании понятия уголовного процесса в предыдущее время учитывали уголовную политику, проводимую государством.

В результате нашего исследования подтверждается вывод, сформулированный в начале публикации. Современная наука уголовного процесса в вопросе определения понятия уголовного процесса исчерпала свои возможности. За последние десятилетия научная мысль не смогла предложить ничего нового, кроме различного сочетания сформулированных ранее четырех доктрин понятия уголовного процесса 1) нормативная; 2) теория отношений; 3) гарантия от необоснованного уголовного преследования; 4) вид государственной деятельности. Задача авторов состоит в том, чтобы сформулировать понятие уголовного процесса, соответствующее проводимой в настоящий период в государстве уголовной политике. Приходится констатировать, что политика либеральных ценностей, на базе которых была начата судебная реформа в 90-х гг. XX в. в России, себя дискредитировала, а новая уголовная политика сегодня четко не сформулирована. Именно по этой причине ряд ученых избегают давать определение уголовного процесса.

Список источников

1. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001.
2. Случевский В. К. Учебникъ русского уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство. СПб., 1910.
3. Цит. по: Строгович М. С. Уголовный процесс : краткий учебник. М., 1938.
4. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916.
5. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915.
6. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. 2-е изд., измен. и доп. СПб., 1914.
7. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905.
8. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1905.
9. Карев Д. С. Советский уголовный процесс. М., 1967.
10. Советский уголовный процесс / под ред. А. С. Кобликова. М., 1982.
11. Чувилев А. А., Добровольская Т. Н. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. М., 1985.
12. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева. М., 1998.
13. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 2002.
14. Уголовный процесс : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Н. Григорьева и Г. П. Химичевой. М., 2001.
15. Уголовный процесс : учебник / под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. Волгоград, 2002.
16. Михайловская И. Права личности — новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7.
17. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов / под ред. проф. Э. К. Кутуева ; науч. ред. и вступительное слово проф. В. П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2019.
18. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : учеб. пособие. Екатеринбург, 2022.
19. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.] ; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. Ростов н/Д., 2015.
20. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
21. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : Общая часть: учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.] ; под общей ред. Г. М. Резника. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2024.
22. Головинская И. В. Уголовный процесс : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Владимир, 2021.
23. Уголовно-процессуальное право : учебник для вузов / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2013.
24. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
25. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
26. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : авторский курс : учеб. пособие. М., 2022.
27. Головки Л. В. Курс уголовного процесса. М., 2016.
28. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1. СПб., 1884.

УДК 343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-373-377

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Эволюция понятия оперативно-розыскных мероприятий: комплексный подход к формированию законодательной дефиниции

Алексей Дмитриевич Кудря

адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров)¹,

✉ alexey_kdr@list.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

В работе проводится сравнение сложившихся в теории оперативно-розыскной деятельности и содержащихся в научной литературе мнений о сущности оперативно-розыскных мероприятий, об используемых при их осуществлении действиях, подвергается оценке позиция ученых, разрабатывающих дефиниции оперативно-розыскных мероприятий. Затрагивается вопрос о решаемых в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности задачах. Формулируются предложения и рекомендации, направленные на внесение изменений и дополнений в Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно значимая информация, задачи оперативно-розыскной деятельности, законодательная дефиниция

Для цитирования: Кудря А. Д. Эволюция понятия оперативно-розыскных мероприятий: комплексный подход к формированию законодательной дефиниции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 373–377.

Evolution of the Concept of Operational Crime Detection Activities: Complex Approach to the Formation of the Legislative Definition

Alexey D. Kudrya

post-graduate student of Faculty No. 3 (training of research and science pedagogical personnel)¹,

✉ alexey_kdr@list.ru

¹ the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The paper compares the opinions formed in the theory of operational crime detection and contained in the scientific literature on the essence of operational crime detection activities, on the actions used in their implementation, evaluates the position of scientists formulating definitions of operational crime detection activities. The question of the tasks solved in the course of operational crime detection activities is touched upon. The author formulates proposals and recommendations with regard to making amendments and additions to the Federal Law of the Russian Federation No. 144 'On Operational Crime Detection' dated August 12, 1995.

Keywords: operational crime detection, operational crime detection activities, criminal intelligence, tasks of operational crime detection, legislative definition

Citation: Kudrya A. D. Evolution of the Concept of Operational Crime Detection Activities: Complex Approach to the Formation of the Legislative Definition. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 4(95). Pp. 373–377 (In Russ.).

Совершенствование правоохранительной системы подразумевает выделение и тщательное исследование каждого входящего в нее элемента. Особенно остро этот вопрос касается деятельности, ограничивающей права и свободы, затрагивающей законные интересы личности, а именно мероприятий, проводимых в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» *

(далее — Закон об ОРД) установлено, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Такой формулировкой законодатель сводит все содержание ОРД к проведению оперативно-розыскных мероприятий, из чего следует важность точного понимания сущности ОРМ как базового, ключевого понятия всей сферы рассматриваемых общественных отношений.

* Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Термин «оперативно-розыскные мероприятия» многократно упоминается как в самом Законе об ОРД, так и в других нормативных правовых актах, однако ни в одном из них не установлено, какое при этом содержание он несет в себе. Вместе с тем не раскрывается и содержание конкретных мероприятий. Тем самым, как отметил Н. С. Железняк, не обеспечиваются необходимые методологические предпосылки для единообразного понимания буквы закона [1, с. 96]. В связи с этим в научно-исследовательской литературе не затихает эридика ученых вокруг содержания понятия оперативно-розыскных мероприятий и его соотношения с ОРД в целом.

Термин «мероприятие» согласно словарям означает «организованное действие или совокупность действий, направленных на осуществление определенной цели» (А. П. Евгеньева), «действие, направленное на осуществление чего-нибудь, для осуществления какой-нибудь цели» (Д. Н. Ушаков).

Лексическое значение слова «оперативный» сводится к «непосредственно, практически осуществляющий что-нибудь; способный быстро, вовремя исправить или направить ход дел» (С. И. Ожегов), «приспособленный для правильного и быстрого практического выполнения тех или иных задач, умеющий справляться с практическими задачами, действенный» (Д. Н. Ушаков).

А значение прилагательного «розыскной» определяется как процесс предшествующего суду дознания, собирания улик, необходимых для обвинения (Д. Н. Ушаков).

Таким образом, лексический анализ термина «ОРМ» позволяет сделать вывод, что его содержание сводится к совокупности своевременных быстрых практических действий, направленных на собирание улик. Как видно, буквальное значение рассматриваемой дефиниции намного уже фактического ее значения, что вызывает необходимость научной интерпретации.

Анализ статей Закона об ОРД позволяет выделить среди признаков оперативно-розыскного мероприятия лишь то, что это действия, проводимые уполномоченными субъектами, а позиции относительно сущности ОРМ, содержащиеся в специальной литературе, различаются.

Например, К. К. Горяинов полагает, что под оперативно-розыскным мероприятием необходимо подразумевать комплекс скоординированных, оптимальных по времени действий, которые объединены единой целью по поиску улик (обстоятельств, предметов и т. п.), показывающих факт совершения преступления, указывающих на виновных в совершеном преступном деянии и позволяющих их разоблачить. Такое определение мало чем отличается от лексического значения, рассмотренного выше.

Вместе с другими авторами К. К. Горяинов утверждает, что ОРМ являются закрепленными в Законе действиями (их совокупностью), в пределах которых используются различные негласные и гласные средства и методы, силы, направленные на решение задач оперативно-розыскной деятельности [2, с. 89].

Некоторые авторы под ОРМ понимают проводимое уполномоченными на то лицами на основании и в порядке, предусмотренных Законом, добывание фактических данных, входящих в предмет исследования по конкретному делу оперативного учета или первичным материалам, а также необходимых для решения других задач ОРД [3, с. 60].

Другие считают, что ОРМ — это структурный элемент ОРД, состоящий из системы взаимосвязанных действий, направленных на решение конкретных тактических задач. ОРМ носят разведывательно-поисковой характер и направлены на получение информации о лицах, замышляющих, подготавливающих и совершающих преступление, о наличии материальных следов противоправной деятельности, мест нахождения лиц, скрывающихся от следствия и суда, а также без вести пропавших [4, с. 51–52].

Обе представленные формулировки ограничивают все возможности субъектов ОРД лишь добыванием информации, без ее дальнейшего использования, что, безусловно, является ошибкой.

В. Г. Бобров понимает под ОРМ «организованную в соответствии с требованиями нормативных правовых актов систему взаимосвязанных действий, направленных на получение и использование оперативно-розыскной и иной информации, предметов и документов как источников таких данных, значимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия противоправных деяний, розыска преступников и лиц, пропавших без вести, а также для решения других оперативно-тактических задач по борьбе с преступностью» [5, с. 4], ограничивая сферу применения ОРМ борьбой с преступностью.

Н. С. Железняк определил ОРМ как совокупность основанных на использовании оперативно-розыскных сил, средств и методов, объединенных единым тактическим замыслом действий, осуществляемых оперативными подразделениями в целях своевременного выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, розыска причастных к ним лиц и без вести пропавших, решения других задач ОРД [1, с. 102].

В общей теории ОРД под ОРМ понимаются закрепленные в Законе действия или совокупность действий, в рамках которых применяются гласные и негласные силы, средства и методы, направленные на решение задач ОРД [6, с. 231].

Последние два определения, как и многие другие, поднимают вопрос о соотношении понятий «ме-

роприятие» и «метод», последнее из которых имеет более широкое значение, а следовательно, не может определять содержание более узкого термина.

Стоит согласиться с суждением В. Н. Омелина и Р. Х. Пардилова, которые отметили, что «разной в определении понятия ОРМ затрудняет выработку научно обоснованных рекомендаций, касающихся их проведения» [7, с. 7].

Н. С. Железняк справедливо отметил, что несмотря на различные подходы специалистов к формулированию понятия ОРМ, во всех (или, по крайней мере, в большинстве) из них присутствуют такие элементы, как:

- оперативно-розыскная цель проводимого мероприятия;
- практические действия оперативно-розыскного характера;
- субъекты их осуществления [1, с. 99].

Среди других отличительных признаков ОРМ С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко и В. П. Сальников отметили следующие положения:

- ОРМ характеризуется прямой направленностью на решение задач оперативно-розыскной деятельности;
- проведение ОРМ возможно лишь в случае наличия непосредственно указанных в Законе об ОРД условий и оснований;
- тактика и организация ОРМ относятся к государственной тайне [8, с. 50].

Безусловно, каждый подход к определению сущности ОРМ содержит указание на важные обязательные признаки, характеризующие данное мероприятие как самостоятельный юридический феномен, однако они не лишены недостатков. Буквальное значение термина «ОРМ», как было сказано выше, уже фактического его содержания, что вызывает необходимость научного обоснования, однако эмпирическая интерпретация дефиниции «ОРМ» также выглядит уже действительной сущности. Такая тенденция приводит к условности дефиниций, используемых в теории ОРД, что негативно сказывается на практике и эффективности реализации ОРД, создает предпосылки для нарушения гарантий соблюдения прав и свобод человека, рушит единство судебной практики.

Лишним представляется включение в определение ОРМ указания на субъектов их осуществления, на основания и условия их проведения, а также перечисление принципов и решаемых в ходе осуществления ОРМ задач, так как этим вопросам посвящены и отдельные статьи Закона об ОРД, и большое количество исследований [9, с. 913; 10, с. 63].

Однако нельзя игнорировать факт осуществления ОРМ в целях решения задач ОРД, указание на

которые присутствует в большинстве рассмотренных и других научных работ [11, с. 135; 12, с. 122]. В связи с этим для формулирования точной дефиниции ОРМ нужно четко определить, какие задачи стоят перед ОРД.

Законодатель в статье 2 Закона об ОРД закрепил общие задачи, среди которых:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;
- добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

— установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации.

Статьей 5 Закона об ОРД закрепляется положение о недопустимости осуществления ОРД для достижения целей и решения задач, им не предусмотренных, однако анализ иных положений (ст. ст. 7, 11, 14) позволяет, помимо прямо указанных (общих) задач ОРД, выделить также иные:

- обеспечение предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения;
- обеспечение исполнения запросов иных субъектов ОРД, международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств;
- обеспечение государственной защиты лиц;
- обеспечение собственной безопасности субъектов ОРД;
- информирование других субъектов ОРД о фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов, и оказание им необходимой помощи, а также другие.

В связи с тем, что ОРД в первую очередь является практической деятельностью уполномоченных государственных органов, формирование теоретических положений должно основываться на реальном практическом опыте применения знаний и умений субъектов ее осуществления. Именно практика дает возможность проверить и применить теоретические положения, выработанные в теории ОРД, в целях их дальнейшего уточнения и дополнения. Только взаимодействие теории и практики позволит достичь наиболее эффективных результатов.

Перед оперативными подразделениями ОВД при осуществлении оперативно-розыскной деятельности стоит широкий спектр общих, частных и конкретных оперативно-тактических задач, решение которых достигается в определенных, выработанных историей организационно-тактических формах, сведения о которых носят закрытый характер. Исследование этих форм и осуществляемых в их рамках организационных мер и оперативно-тактических действий при формулировании дефиниции ОРМ необходимо для наиболее корректного и справедливого понимания сущности последних.

Осуществление в ходе практической реализации ОРД как определенных ОРМ, так и их комплекса, а также отдельных специальных организационных мер и оперативно-тактических действий зависит от конкретной организационно-тактической формы, не абстрактной цели и конкретных задач, преследуемых оперативно-розыскным органом, в связи с чем стоит признать ошибочным мнение ряда авторов, указывающих исключительно на разведывательный или поисковый характер действий, применяющихся при осуществлении ОРМ [13, с. 33; 6, с. 6; 14, с. 9]. Оперативно-розыскная деятельность — широкая, многогранная и творческая сфера общественных отношений. Наряду с многообразием организационно-тактических форм осуществления ОРД существует множество вариантов возможных действий, к которым прибегают субъекты и которые могут иметь различный характер: от информационного-обеспечительного до поисково-разведывательного. Такую позицию разделяет и Н. С. Железняк, указывающий, что «теория и практика борьбы с преступностью убедительно свидетельствуют, что практически любое мероприятие в рамках ОРД может осуществляться с различными целями (например, опрос — добывание информации, дезинформация и т. п.; оперативное внедрение — добывание информации, решение задачи по разобщению преступной группы и т. п.)» [1, с. 102].

Подтверждают вышесказанное и другие правоведы. Например, А. В. Агарков отметил, что «совре-

менная теория оперативно-розыскной деятельности уже пришла к выводу о том, что ОРД в настоящее время не ограничивается решением задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений» [15, с. 125]. А. Ю. Шумилов в содержании ОРД выделил удовлетворительно-розыскную и административно-проверочную работу, а также работу по противодействию коррупции [16, с. 24–34].

Таким образом, формулирование законодательной дефиниции оперативно-розыскных мероприятий требует комплексного подхода: необходимо исходить из семантики слов, содержания норм Закона об ОРД и характера практических задач, стоящих перед субъектами ОРД. Результатом сравнительного анализа содержащихся в специальной литературе подходов о сущности ОРМ выступает предложение о закреплении в Законе об ОРД, а также в теории и практике следующего определения.

Оперативно-розыскные мероприятия — это совокупность объединенных единым тактическим замыслом специальных организационных мер и оперативно-тактических действий, направленных на добывание и дальнейшее использование оперативно значимой информации об объекте оперативной заинтересованности, а также источников и носителей этой информации, необходимых для решения прямо указанных в законе и иных не противоречащих ему задач ОРД.

Логическое содержание данного определения содержит дескриптивное суждение, описывающее наиболее важные признаки, раскрывающие суть ОРМ и приводящие к единообразному толкованию правоприменителем дефиниции оперативно-розыскных мероприятий. Закрепление этой дефиниции в Законе об ОРД приведет к четкой определенности в позициях ученых, позволит практическим работникам не сомневаться в правомерности своих действий, а лицам, осуществляющим контроль и надзор за ОРД, принимать обоснованные и выверенные решения.

Список источников

1. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск, 2019.
2. Вагин О. А., Горяинов К. К., Овчинский В. С. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. М., 2019.
3. Михайлов В. И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция: учеб.-практ. пособие. М., 1998.
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В. В. Николюка. М., 2003.
5. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция. М., 2003.

6. *Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К.* Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
7. *Омелин В. Н., Пардилов Р. Х.* Институт оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыском законодательстве (теоретический и правовой аспекты). М., 2007.
8. *Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография. М., 2015.
9. *Брылев В. И., Хренков Е. В.* Понятие оперативно-розыскного мероприятия // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 9-4.
10. *Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И.* Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие. Саратов, 2016.
11. *Гадельшин Р. И.* Оперативно-розыскное право : курс лекций. Новосибирск, 2015.
12. *Халиков А. Н.* Оперативно-розыскная деятельность : учебник. М., 2019.
13. *Астишина Т. В., Афонькин Г. П., Кузьмин А. В., Маркелова Е. В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе : учеб.-метод. пособие. Домодедово, 2016.
14. *Парфенов А. В., Атмажитов В. М., Лапунова Ю. А., Ханнанов Р. Р.* Правовые основы организации оперативно-розыскной деятельности : курс лекций. М., 2021.
15. *Агарков А. В.* Проблемные аспекты законодательного регулирования оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий // *Вестник Кузбасского института.* 2019. № 3(40).
16. *Шумилов А. Ю.* О видах и направлениях современной оперативно-розыскной деятельности: к постановке проблемы // *Оперативник (сыщик).* № 4(37). 2013.

УДК 165.12:001.89

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-378-383

5.7.7. Социальная и политическая философия

Наука и поколение Z

Павла Владимировна Ерохина

преподаватель кафедры «Философия и культурология»¹, ✉ pavla_sibirj@mail.ru

Наталья Ивановна Мартишина

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и культурология»¹,

✉ nmartishina@yandex.ru,

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Россия)

В статье определены социально-философские основания теории поколений и продемонстрированы возможности использования данной теории для характеристики особенностей мышления и поведения поколения, в данный момент начинающего профессиональную деятельность в науке. Выявлена объективная обусловленность некоторых типичных характеристик поколения Z (замещение ценности знания ценностью информации, контролируемая и реализуемая в заданных границах креативность, клиповое мышление и др.) обстоятельствами его социализации. Показано, что эти черты могут как входить в противоречие с классическими стандартами научной деятельности, так и стать потенциально сильными сторонами, обеспечивающими эффективность научной работы. Сформулированы социальные условия, позволяющие превратить специфические черты поколения Z в его когнитивные преимущества: организация коллективной работы с разделением функций, оперативная и персонифицированная оценка результатов, наставничество.

Ключевые слова: социальная организация науки, теория поколений, поколение Z, мотивация, научная работа

Для цитирования: Ерохина П. В., Мартишина Н. И. Наука и поколение Z // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 378–383.

Science and Generation Z

Pavla V. Erokhina

lecturer at the chair of Philosophy and Cultural Studies¹, ✉ pavla_sibirj@mail.ru

Natalya I. Martishina

Doctor of Science (in Philosophy), Professor, head of the chair of Philosophy and Cultural Studies¹, ✉ nmartishina@yandex.ru

¹ Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russia)

The article defines the socio-philosophical foundations of the generational theory and demonstrates the possibilities of using this theory to characterize the features of thinking and behaviour of the generation currently beginning its professional activity in science. The article reveals the objective dependency of some typical characteristics of generation Z (substitution of the value of knowledge by the value of information, creativity controlled and realized within given limits, clip thinking, etc.) on the circumstances of its socialization. It is shown that these traits can both contradict the classical standards of scientific activity and become potential strengths providing the effectiveness of scientific work. Social conditions that ensure turning specific features of generation Z into its cognitive advantages are formulated: organization of collective work with division of functions, prompt and personalized evaluation of results, mentoring.

Keywords: social organization of science, generational theory, generation Z, motivation, scientific work

Citation: Erokhina P. V., Martishina N. I. Science and Generation Z. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 4(95). Pp. 378–383 (In Russ.).

Ключевой целью национального проекта «Наука», реализуемого в Российской Федерации с 2018 г., является обеспечение вхождения страны в число пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в приоритетных областях научно-технологического развития. Реализация этих планов невозможна без притока в науку новых квалифицированных кадров. В ближайшее время в науку должны вступить представители поколения, которое в литературе уже получило наименование «поколение Z». Что принесет это поколение с собой в науку и как в ней может сложиться его профессиональная биография — вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение. Некоторые подходы к осмыслению этой темы на основе теории поколений и будут представлены в нашей статье.

Теория поколений в современном варианте была сформулирована в работе американских теоретиков У. Штрауса и Н. Хоува [1]. Ее авторы ориентировались, разумеется, на события американской истории и американский «средний класс». Адаптацию данной концепции к российским реалиям в 2000-х гг. провели Ю. А. Левада, А. Антипов и Е. Шамис [2], определив границы поколений в соотношении с важнейшими событиями отечественной истории. В настоящее время существует научная школа RuGenerations, разрабатывающая теорию поколений применительно к России [3].

Возможность использования теории поколений в социальных исследованиях обусловлена, на наш взгляд, наличием у нее объективных социально-философских оснований. Прежде всего это идея *социальной природы личности*. По существу, теория поколений трактует ее в соответствии с основополагающим тезисом К. Маркса: «Сущность человека не есть абстракт, присущий абстрактному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [4, с. 2]. Ключевой для нее является идея о том, что в основе характерных особенностей людей каждого поколения лежит конкретная конфигурация общественных отношений (экономических, политических, социальных, культурных, технологических), сложившаяся в эпоху освоения этим поколением социальной реальности (наиболее существенными считаются социальные обстоятельства, с которыми поколение встречается в подростковом и раннем юношеском возрасте, т. е. в период активной социализации). По существу, в теории поколений идет речь о *социальном типе личности* (описанном в философии применительно к другим социальным группам, кроме возрастных): конкретно-исторический социальный опыт того или иного сообщества создает некоторые базовые, родовые черты мышления и поведения его представителей, которые оказываются статистически рас-

пространенными и над которыми надстраиваются групповые, индивидуальные и личностные особенности. Как считают исследователи, в формировании социального типа личности наиболее отчетливо проявляется связь человека и общества: «Общественная система стимулирует проявление определенных личностных качеств и типов поведения» [5, с. 947].

В отечественной литературе конкретные черты поколений изучаются активнее всего в практическом плане, в маркетинговых и других экономических исследованиях. Между тем социально-философские основания теории поколений позволяют использовать ее как методологический инструмент и в проблемных областях более общего характера. Объективная обусловленность социального типа личности конкретной конфигурацией общественных отношений в период социализации поколения приводит к тому, что его «родовые черты» проявляются во всех сферах осуществляемой представителями поколения деятельности и могут стать ключом к пониманию особенностей и предпосылок того, как эта деятельность складывается.

Относится это и к науке, которая в современном обществе выступает социальным институтом и видом профессиональной практики: *представители каждого поколения реализуют в ней свою иерархию ценностных ориентаций и свой стиль социального действия*. Так, стратегия работы в науке с полной самоотдачей, с возможными жертвами ради достижения результата (примером чего может служить советский атомный проект) может быть понята как характерная черта не только определенной генерации советских ученых, но и «мобилизационного поколения» в целом. Атмосфера столь же полного погружения в научную работу, но уже в формате творческого труда, движимого в первую очередь искренним интересом к изучаемой области реальности и оптимизмом в отношении познавательных возможностей и социальных перспектив человечества, поддерживаемого коллективизмом и командным духом, коррелирует с общими установками послевоенного поколения и молодежи 60-х гг. XX в. Прагматическое отношение к науке и стремление к официальной фиксации и монетизации внешних результатов, сочетающееся с вполне профессиональным и качественным выполнением научной работы, распространилось с приходом в нее поколений, имеющих опыт самостоятельного выживания в радикально меняющихся социальных условиях (при том что часть представителей этих поколений с наиболее сильной мотивацией выживания и достижения в данный период из науки ушла) и т. д. Можно предположить, что и представители поколения Z, родившиеся в самом конце 90-х и после 2000-х гг. («центниалы», «зумеры»), сформируют собственный способ

бытия в науке, исходя из своего опыта и *социальных факторов, определивших характер их социализации.*

Среди этих факторов на первое место все авторы единодушно ставят распространение информационных технологий. Представители поколения Z не случайно описываются как «цифровые аборигены» (в отличие от «эмигрантов» в «стране» информационных технологий): они буквально родились и выросли в информационной реальности, «с гаджетами в руках». Характеризуя это поколение, исследователи говорят как о его системообразующих чертах о всеобщей цифровой грамотности и даже о «цифровой социализации» [6, с. 148]: для них вхождение в полноценную социальную жизнь вообще и в любую ее сферу в частности обязательно связано с ее освоением в электронной среде.

Многие исследователи также отмечают среди условий становления поколения Z сложившуюся в XXI в. социальную практику «профессионального родительства». Родители зумеров с самого раннего возраста тестировали способности детей, предлагали им различные направления и возможности для развития (кружки, секции, путешествия, специализированное обучение и т. д.), оценивали и поддерживали любой успех. Речь идет о сложившейся в современном обществе системе социальной фасилитации развивающей и обеспечивающей самореализацию активности (даже независимо от объективной ценности ее результата). И поколение Z — первое выросшее под эгидой этой системы, что также определило его социальный тип.

Вероятно, более ситуативным, но также значимым фактором формирования поколения Z стала пандемия COVID-19, с которой оно встретилось как раз в критичном возрасте взросления. Помимо того, что пандемия усилила действие уже названных факторов (так, учебные заведения массово перешли на цифровые и дистанционные форматы), она была значимым экзистенциальным опытом: практически все подрастающее поколение разом оказалось в пограничной ситуации, столкнувшись с фактом хрупкости и уязвимости жизни, с деконструкцией привычного социального бытия. Такой опыт даже на подсознательном уровне не может не оказать существенного влияния на мировоззрение.

Среди *характеристик*, сформировавшихся у поколения Z под воздействием указанных факторов, наиболее часто отмечается исследователями *специфическая система работы с информацией.* Выросшее в цифровой среде поколение Z чувствует себя уверенно в информационных потоках, владеет алгоритмами поиска нужных данных, способно быстро набирать, сортировать и сбрасывать информацию; соблюдает цифровую гигиену [7, с. 142]; не испытывает изначального доверия к любой распространяе-

мой информации, поскольку регулярно сталкивается с обнаруживающейся ненадежностью данных. Одной из его потребностей становится постоянный доступ к информационной среде и возможность мгновенного получения информации. Развивается многозадачность: типичный представитель поколения Z способен параллельно совершать несколько действий с информационной составляющей. Восприятие становится многоканальным: вербальный образ должен быть в обязательном порядке поддержан визуальным и без него не раскрывается. В литературе многократно описано «клиповое мышление» поколения Z, т. е. его склонность принимать информацию короткими и наглядными порциями. За очень короткое время — знаменитый «8-секундный фильтр» — предложенная информация оценивается с точки зрения того, нужна ли она и представляет ли интерес. Подчеркнем, что в данном случае это объективно обусловленное адаптационное поведение, связанное с существованием в интенсивных информационных потоках.

Отношения поколения Z с родителями и старшими вообще выстраиваются как *партнерские*: они чувствуют себя уверенно и занимают равные позиции в общении даже в потенциально иерархизированных ситуациях, что тоже является следствием их социального опыта: они часто оказывались более информированными в сфере технологий, чем старшее поколение. При этом они признают авторитеты, но не формальные (должностные), а основанные на действительно обнаруживающемся превосходстве. В коммуникациях они склонны к самоограничению, охране личного пространства, проведению границ, прекращению общения, которое становится травмирующим, потому что именно так они привыкли действовать в интернете. Это первое поколение, в котором статистически интровертов больше, чем экстравертов.

Отношение поколения Z к творчеству можно охарактеризовать как *«креативность в границах».* Они позитивно оценивают творческую деятельность и считают ее нормой жизни. Но они не склонны реализовывать свой творческий путь вопреки неприятию его обществом, а напротив, ожидают достаточно быстрого признания и позитивного подкрепления; они привыкли к творческой деятельности под контролем и с методической поддержкой (как в развивающих центрах, в которых они занимались с младенческих лет).

Наконец, отмечается также сдержанное отношение поколения Z к работе и построению карьеры. Зумеры не стремятся занимать даже высокооплачиваемые должности, если это сопряжено с высоким уровнем ответственности. В связи с этим отмечается интересный парадокс: представители нового поколения

больше включены в действия по решению всеобщих проблем (например, «зеленая повестка»), чем в более или менее долгосрочные собственные жизненные планы (например, создание семьи и ее обеспечение) [8, с. 26]. Возможно, дело здесь в размытости личной ответственности и личного вклада в первом случае и в их несомненности во втором. Кроме того, можно предположить, что общее снижение желания строить долгосрочные планы сопряжено с тем опытом нестабильности, возможности принципиального изменения социальных условий, ограниченностью контроля над собственной жизнью, который получило все человечество в период пандемии.

Относительно того, как сложится судьба поколения Z в науке, высказываются разные прогнозы, от опасения, что из-за особенностей восприятия и мышления оно «будет не способно даже осознать науку, не то что продвигать ее» [9, с. 79], до оптимистического предположения о том, что в силу циклического характера ротации поколений у него есть шанс воспроизвести глобальный успех «поколения победителей» [10]. В этом диапазоне следует согласиться, вероятно, с теми авторами, которые считают, что у нового поколения есть существенные особенности, проблематизирующие его готовность к работе в науке, но в то же время «существуют возможности, которые, учитывая этот особый тип мышления, могут формировать качества, необходимые человеку науки» [9, с. 79]. В связи с этим представляется возможным отметить следующее.

Безусловно, самой большой проблемой может стать то обстоятельство, что в системе ориентаций поколения Z «ценность знания заменяется на ценность информации и методов ее поиска» [11, с. 17]. Умение быстро обрабатывать большие объемы информации, выбирать соответствующее текущему запросу, структурировать данные не идентично умению получать и тем более создавать новое знание. «Занятия наукой не терпят суеты, ожидания мгновенного результата, требуют глубины и терпения, способности к анализу и собиранию фрагментов в целое, наконец, погружения в контексты и стратегического мышления» [9, с. 69], — но все это не совпадает с ценностными ориентациями поколения Z. В этом свете вызывает обеспокоенность старшего поколения то обстоятельство, что сами молодые ученые, приходящие или собирающиеся прийти в науку, представляют научную деятельность как получение информации, а затем — эффективное ее представление на различных мероприятиях [12]. Этап самостоятельной генерации нового знания из их ожиданий практически выпадает: они убеждены, что любая необходимая информация уже существует, надо только ее найти. Конечно, навыки оперативной работы с информацией и умело-

го информационного поиска бесполезными назвать нельзя. В современном мире это важная составляющая научного труда, в научном коллективе — одна из необходимых функций. Поэтому можно предположить, что в профессиональной и социально организованной науке это качество и люди, им обладающие, найдут свое применение. Такие социальные роли в науке, как «лидер» или «генератор идей», безусловно, требуют уже осуществленного перехода от информации к фундаментальному знанию, но в формальной и неформальной структуре научного коллектива есть и другие роли, например, «эрудит» или «техник». Соответственно правильным организационным подходом будет предоставление представителям нового поколения ролей такого плана и закрепление за ними соответствующих обязанностей, которые для части молодых ученых станут стартовыми и со временем позволят перейти на другие позиции, а для другой части будут адекватными условиями эффективной работы.

Сходным образом может быть оценена и такая особенность поколения Z, как «креативность в границах»: привычка к вариативной реализации деятельности в сочетании с внимательным отношением к обратной связи и готовностью к корректировке действий в зависимости от нее создают «управляемое творчество», возможно, недостаточное для прорывной науки переднего края, но хорошо вписывающееся в науку «среднего уровня», решающую характерные для «нормальной науки» задачи — «головоломки», в управляемую и планируемую обществом профессиональную научную работу. Здесь принципом, позволяющим превратить особенности нового социального типа в достоинства, будет четкая постановка задач с прозрачной и оперативной системой оценки и признания результатов. В этих условиях представители поколения Z умеют работать достаточно автономно и эффективно, с возможностью выхода в перспективе на более высокий уровень творчества.

Склонность к мышлению образами с обязательной визуальной составляющей изначально является, на наш взгляд, одним из перспективных для научной деятельности свойств поколения, поскольку именно визуализацию абстрактных понятий и теорий, «наглядность ненаглядного» многие исследователи считают сильнейшим механизмом творческого мышления [13, с. 40–42]. Мышление нового поколения настроено на использование наглядности и работу с комплексными образами, которые при этом являются многоканальными (их знаково-символическая составляющая дополняется не только визуальной, но и аудиальной, и даже тактильной). Потенциально это обстоятельство открывает возможности освоения новых форм творческой активности, а от общества здесь требуется разработка соответствующих мето-

дик поддержки и организации творческой деятельности, в дополнение к таким классическим методам, как, например, «мозговой штурм».

Отмеченная выше склонность поколения Z ориентироваться на масштабные и, возможно, отдаленные от их непосредственной практической жизни цели и ценности также имеет, на наш взгляд, определенные перспективы. Для многих молодых людей ценностные ориентиры за пределами узких прагматических целей (такие, как гуманизм, справедливость, социальное развитие и др.) существуют и являются значимыми. Представители поколения Z хотели бы выполнять работу, которая значима для общества, для них понятна и привычна мысль о том, что профессиональная деятельность должна обеспечивать для человека возможность раскрыться, проявить свои способности, самореализоваться. Это может быть основанием для выбора ими науки в качестве одновременно профессии и призвания, содержанием мотивации их работы в науке. Социально-организационным решением, которое могло бы поддержать и обеспечить действие данного фактора, является создание в обществе устойчивого дискурса, представляющего науку в свете двух ключевых идей: как «общественное благо», безусловно ценную для общества деятельность, и как одну из сфер, предоставляющих человеку максимальные возможности для самореализации, увлекательное, интересное, творческое занятие на всю жизнь.

Наконец, поддерживающим фактором вхождения в науку для поколения Z могут стать более гармоничные, чем у предыдущих поколений, отношения со старшими: доверие (прежде всего родителями), привычка прислушиваться к советам и сотрудничать. Это может означать, что они будут готовы принять и наставника, руководителя, помогающего им сделать первые шаги в науке. Конечно, невозможно на организационном уровне обеспечить личный контакт начинающего ученого с руководителем и неявное отождествление им наставника с родительской фигурой, но можно предусмотреть назначение в научных коллективах для каждого начинающего ученого персонального сопровождающего; обязательность такой практики на всех начальных позициях, а не только

в аспирантуре; учет при выборе наставника его личных качеств и готовности выполнять свои обязанности не только формально. Такое решение потребует определенной организационной поддержки, но в ближайшей перспективе оно может оказаться более эффективным, чем в предыдущие годы, поскольку базируется на особенностях поколения Z.

Таким образом, специфические черты поколения Z могут как создавать определенные проблемы при адаптации представителей этого поколения к классическим стандартам научной деятельности, так и становиться потенциально сильными их сторонами в ее осуществлении. Необходимо искать формы социальной организации науки на макро- и микроуровне, позволяющие учесть эти факторы и превратить их в основания устойчивого развития науки.

Подводя *итог* сказанному, мы хотели бы заметить следующее. Магистральный тренд в становлении современного философского осмысления науки — углубление понимания науки как явления, имеющего социальную природу, и части социальной системы (в дополнение к традиционному гносеологическому образу науки как сферы познания, развитие которой управляется лишь имманентной логикой). К числу значимых проявлений социальной детерминации науки относится зависимость исследовательской деятельности ученого не только от социальных условий, в которых эта деятельность протекает, но и от социальных условий, которые сформировали самого ученого, а также от организации социальной микросреды. С точки зрения социальной эпистемологии, «пронизанность знания формами деятельности и общения» [14, с. 909] образует внутреннюю, имманентную социальность науки, без которой невозможно понимание ее действительной сущности. Предметное изучение воплощения поколенческих социальных типов в личностях ученых позволяет, на наш взгляд, не только верифицировать эти общие философские положения, но и построить более точную картину реального функционирования науки, а также наметить теоретическое обеспечение для прикладных науковедческих исследований.

Список источников

1. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York, Morrow, 1991.
2. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Психология и бизнес. 2018. URL: <https://psycho.ru/library/2581> (дата обращения: 06.06.2024).
3. Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2023.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. М., 1983.
5. Кокоткина К. Д. Социальный тип личности // Россия и мир в исторической ретроспективе : мат-лы XXIX междунар. науч. конф. СПб., 2023. Т. 2.

6. *Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З.* Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476.
7. *Бреслер М. Г.* Специфика российского когнитариата поколения Z // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. Вып. 2.
8. *Кулакова А. Б.* Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2(42).
9. *Багдасарьян Н. Г., Галеева Я. А., Качанов А. В., Комаров Д. А., Король М. П., Кравченко А. Л., Куркова Н. Ю., Ляскович А. В.* Молодежь и наука: между возможностями профессии и вызовами призвания (материалы круглого стола, посвященного работе М. Вебера «Наука как призвание и профессия») // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2020. № 3.
10. *Сапа А. В.* Поколение Z — поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2.
11. *Дзюба Т. И., Буря Л. В.* Ценностные установки поколения Z // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 3-2(54).
12. *Яковлева А. Ф., Селезнева А. В., Емельянова Н. Н.* Образ науки в представлениях молодых ученых: социокультурные измерения // ПРАЕНМА. 2020. № 4(26).
13. *Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб., 2001.
14. *Касавин И. Т.* Социальная эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. И. Касавина. М., 2009.

УДК 130.2:343.811

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-384-389

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

О роли искусственной социальной энтропии в генезисе тюремной субкультуры

Сергей Борисович Пономарев

Заслуженный врач Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник¹,
✉ docmedsb@mail.ru

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (Москва, Россия)

Тюремная субкультура как особая форма организации осужденных обладает всеми свойствами самоорганизующейся сложной системы. Одно из этих свойств — негэнтропия — обеспечивает генезис и перманентную ауторепликацию тюремной субкультуры. Используемый в реализации наказания искусственно генерируемый социальный энтропийный процесс является источником самоорганизации тюремного сообщества по принципам сложной иерархической структуры. Одним из механизмов этого является свойственный пребыванию в условиях изоляции от общества пенитенциарный стресс как реакция индивида на изменение его социального статуса и социального окружения, реализуемая в виде синергичного действия ряда деприваций.

Ключевые слова: социальная энтропия, пенитенциарная система, тюремная субкультура, пенитенциарный стресс, негэнтропия, теория систем

Для цитирования: Пономарев С. Б. О роли искусственной социальной энтропии в генезисе тюремной субкультуры // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 384–389.

On the Role of Artificial Social Entropy in the Genesis of Prison Subculture

Sergey B. Ponomarev

Honoured Doctor of the Russian Federation, Doctor of Medical Science, Professor, chief researcher¹,
✉ docmedsb@mail.ru

¹ Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service (Moscow, Russia)

Prison subculture as a special form of organization of prisoners has all the properties of a self-organized complex system. One of these properties – negentropy – provides genesis and permanent auto-replication of prison subculture. The artificially generated social entropy process used in the implementation of punishment is a source of self-organization of the prison community according to the principles of a complex hierarchical structure. One of the mechanisms of this is prison stress inherent in the conditions of isolation from society as an individual's reaction to changes in his social status and social environment, realized in the form of synergic action of a number of deprivations.

Keywords: social entropy, penitentiary system, prison subculture, penitentiary stress, negentropy, systems theory

Citation: Ponomarev S. B. On the Role of Artificial Social Entropy in the Genesis of Prison Subculture. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 4(95). Pp. 384–389 (In Russ.).

В любом государстве существует механизм наказания преступников — людей, которые нарушили законы, принятые в обществе. Наказание реализуется через специальные социальные институты — национальные уголовно-исполнительные системы. В настоящее время основным способом наказания, применяемым во всех странах мира, является изоляция преступников от общества в специальных исправительных учреждениях. При этом государство обеспечивает узников минимальным набором жизненных благ, необходимых человеку: крышей над головой, гарантированным местом пребывания, ре-

гулярной сменой постельного белья и одежды, бесплатным питанием и медицинской помощью, банно-прачечными услугами и т. п. В зависимости от особенностей уголовно-исполнительной системы той или иной страны в условиях учреждений пенитенциарной системы действуют различные правила содержания заключенных: нельзя, например, сравнить содержание расстрелявшего 77 детей А. Б. Брейвика в благоустроенной тюрьме Норвегии и пребывание в местах лишения свободы северокорейца или камбоджийца. Нужно особо подчеркнуть, что в ряде государств (например, в современной России) труд за-

ключенных не является обязательным. Таким образом, повсеместно наблюдается картина, при которой государство берет на себя обязанности по длительному содержанию преступника в условиях социальной изоляции (например, в Российской Федерации такое содержание превышает 30 000 рублей в месяц на одного осужденного).

Поддержание приемлемых норм жизнедеятельности в местах лишения свободы закреплено в международных документах. В современной пенологии господствует примат принципа равенства или эквивалентности [1], при котором лишение свободы не означает автоматического лишения политических, гражданских, социальных, экономических и культурных прав, а содержание заключенных должно соответствовать уровню, эквивалентному уровню жизни, характерному для населения данной страны [2–5]. Международным нормативным документом, регламентирующим основные понятия принципа равенства, являются Пенитенциарные стандарты, принятые в 2006 г. Они представляют собой описание комплекса обязательств по обеспечению законного и справедливого обращения с заключенными. Принцип эквивалентности закреплен в пункте 9 решения 45/111 Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1990 г. в следующей форме: «У заключенных должен быть доступ к медицинскому обслуживанию, доступному населению в стране, без дискриминации по причине их юридического статуса».

Человеку, для которого представляет трудность самостоятельное поддержание должного минимума благополучия, пребывание в местах лишения свободы является своеобразным выходом из жизненного тупика. Поэтому, например, в учреждениях тюремной системы Японии наблюдается непропорционально большое число людей пожилого и старческого возраста, не способных самостоятельно поддерживать собственное жизнеобеспечение.

Необходимо отметить, что в пенитенциарии имеется специальный термин — «призонизация», обозначающий явление, при котором наблюдается психологическая тяга бывшего заключенного вернуться в привычные для него места лишения свободы. Указанное пенитенциарными психологами объясняется стремлением человека вновь оказаться в удобной и безопасной тюремной социальной среде, с простыми и понятными правилами пребывания в ней и минимальным, но гарантированным обеспечением жизненных потребностей.

Изложенное отсылает к вопросу, поставленному французским философом Мишелем Фуко в его работе «Надзирать и наказывать» [6]. Данный вопрос можно сформулировать следующим образом: почему система пыток и казней как видов наказания за совершенное преступление была заменена в XVIII–

XIX вв. на систему длительного тюремного заключения, не имевшую до этого массового характера. Как вид повсеместно применяемого наказания, последняя окончательно оформилась только к началу XX в. (а смертная казнь до сих пор так и не отменена в 79 государствах мира). Почему из всего разнообразия чудовищных и изощренных наказаний (разрывание лошадьми, сжигание на костре, сдирание кожи, погружение в кипящее масло, повешение на собственных кишках и т. п.) человечество в процессе своего развития остановилось на самом дорогостоящем и вместе с тем внешне самым щадящем способе наказания — на длительной изоляции преступника от общества как вида возмездия за совершенное преступление?

Как правило, такую эволюцию системы наказаний (которая, как было сказано, заключается в том, что развитая система публичных казней и жестоких пыток была заменена на концентрацию преступников в исправительных учреждениях, в которых узников обеспечивают минимальным удовлетворением жизненных потребностей), объясняют различными причинами: развитие идей просвещения; гуманное отношение к преступнику; эмпирически установленная бесполезность жестокости наказания; решение задач перевоспитания заключенных; нежелательное ожесточение толпы при виде публичной казни и т. п. Все эти объяснения тем не менее не отвечают на основной вопрос: почему такая мера наказания, как длительное пребывание в условиях, при которых государство обеспечивает человека, совершившего преступление, минимальным, но необходимым набором жизненных благ, перевесила все остальные виды воздействия на преступника. Казалось бы, страх перед пытками и казнью должен быть сильнее страха перед тюремным заключением, где человек в определенной мере удовлетворен условиями пусть не самого лучшего, но равномерного и спокойного многолетнего существования. Но отмеченное М. Фуко перенесение страданий с тела человека на его душу оказалось наиболее эффективным средством воздействия на преступника. В условиях тюремного заключения узник глубоко страдает. По существу, изоляция от общества представляет собой не что иное как невидимую, изощренную и изматывающую, длительную пытку, через которую общество реализует функцию социального возмездия за совершенное преступное деяние. Пенитенциарными психологами признается, что в условиях мест лишения свободы человек испытывает действие специфического вида хронического дистресса, обозначаемого в научной литературе как «пенитенциарный стресс» [7–9]. Пенитенциарный стресс обусловлен сочетанием сразу нескольких видов деприваций, характерных для пенитенциарного пространства: сенсорной, двигательной, психиче-

ской, информационной, социальной, материнской, эмоциональной, сексуальной [10]. Эти депривации, действуя синергично, генерируют пенитенциарный стресс, занимающий (наряду с последствиями от потери любимого человека) лидирующее место в шкале стрессогенности [11; 12]. При этом негативная реакция человека на изоляцию от общества может быть такой силы, что у него возникают не только астенические, аффективные, депрессивные реакции, но и реактивные психотические состояния по типу галлюциноза, бредоподобных фантазий, несущих невосполнимый ущерб психике и интеллекту [13].

Причиной изменений в психической сфере человека, отбывающего наказание, является то, что насильственная социальная изоляция противоречит физиологическим особенностям человека, самой сути его природы. Действительно, человек как биологический объект относится к категории общественных (а отнюдь не одиночных) животных, в геноме которых закреплена потребность постоянного взаимодействия с другими членами социума. Возможность человека существовать исключительно в среде себе подобных унаследована им от предков — ведущих стайный образ жизни ранних гоминид [14]. Справедливо, правда, и то, что последнее утверждение в определенной мере является дискуссионным [15], так как на сегодня доподлинно известно, что генетически у любого организма закреплено исключительно инстинктивное поведение, а поведение особи в коллективе является, как правило, результатом обучения со стороны окружения. Однако нельзя и отрицать того факта, что особенности восприятия обучения в процессе взаимодействия с окружающими представителями своего вида зависят от реализации генетических программ. Так, ни у кого не может быть сомнения, что наследственно закреплено как одиночное поведение тигра или медведя, так и общественное поведение, например, собак, гиен или шимпанзе.

Поэтому тюремная изоляция, а также ограничение социальных связей (например, применение домашнего ареста, ношение электронных браслетов) вступают в противоречие с базовой потребностью человека — желанием пребывания в коллективе и обладания в этом коллективе определенным социальным статусом. В результате социальной изоляции преступника достигается необходимый эффект страдания, действенность которого исторически перевесила результаты применения пыток и казней. Отмеченный М. Фуко перенос страданий на внутренний душевный мир преступника превысил по своей эффективности разрушающее воздействие на его тело.

Однако из приведенных рассуждений возникает вопрос о том, почему пребывание в социуме более

выгодно и, следовательно, более экономично, нежели индивидуальное, независимое существование биологической единицы (будь то человек, обезьяна, волк и т. п.). Действительно, вполне очевидно, что объединение отдельных представителей таксона в семьи, прайды, колонии, стаи, стада и т. п. значительно повышает жизнеспособность и выживаемость как отдельных особей, так и вида в целом. Например, объединение волков в стаю значительно облегчает им охоту на крупного животного, убить которого волку-одиночке не по силам. Можно привести множество преимуществ от объединения животных в функциональные группы. В таких объединениях между отдельными особями устанавливаются сложные поведенческие связи, в результате чего происходит образование структурированных сообществ, построенных по принципам социальной иерархии. Такие социальные сообщества можно отнести к сложным самоорганизующимся системам, т. е. системам, для которых свойственно наличие комплекса гибких реакций при взаимодействии с внешней средой, направленных на поддержание гомеостазиса системы и ее ауторепликацию [16]. С этой точки зрения общество должно рассматриваться как социальная система, чье функциональное единство обеспечено деятельностью социальных подсистем. В целом функционирование любой самоорганизующейся системы является негэнтропийным процессом, характерным для биологической материи.

К самоорганизующимся системам относятся системы биологические (клетка, организм, таксон, биогеоценоз, биосфера) и системы социальные (индивиды, сообщества, социальные институты, общество в целом). Взаимодействия и отношения внутри социальной системы носят устойчивый характер и воспроизводятся в историческом процессе на основе совместной деятельности людей.

Известно, что признаками любой самоорганизующейся системы, помимо двенадцати базовых характеристик, присущих сложной системе (целостность, открытость, структурированность, эмерджентность, ингерентность, функциональность, целесообразность и др. [17]), являются ее способность противодействовать энтропии и обязательное наличие в ее структуре большого количества подсистем, формирующих иерархические связи базовой структуры.

Вторая посылка для наших дальнейших рассуждений заключается в том, что для любого отдельного человека важно понимание его места в общественной иерархии, важна его социальная роль, его статус, его сопричастность к той или иной социальной группе. Попадая в места лишения свободы, человек теряет свое прежнее социальное положение: сообщества заключенных подвержены принудительному равенству, тюремная система ни для кого

не делает поблажек. Здесь рушится ценностная иерархизация мира, которая существует (прежде всего) в сознании каждого человека [18]. Потеря лица, потеря роли и места в коллективе и, следовательно, определенная утрата личности оказываются для человека тяжелее всех физических мучений. Поэтому отмеченный М. Фуко процесс переноса страданий с тела преступника на его душу оказался самым эффективным наказанием и был последовательно принят на вооружение во всех государствах Европы и мира в течении XVIII–XIX вв.

Итак, одним из основных факторов, выступающих в роли наказания при помещении преступника в исправительное учреждение, является коренное изменение его общественного положения, насильственное прерывание социальных связей. В тюремном социуме искусственно насаждается равенство всех его членов, любое отклонение от принятых стандартов (ношение единой униформы, жесткий распорядок дня и т. п.) подвергается преследованию. Здесь мы имеем дело с генерируемой социальной энтропией, которую можно обозначить как меру застоя, несвободы выбора, уничтожения традиционного образа жизни и стабильных общественных отношений, уравнивание между собой отдельных элементов системы [19].

Известно, что в целом любая энтропия является мерой снижения сложности рассматриваемой системы. Понятие энтропии многогранно. Так, в монографии сербского философа Н. Кайтеца «Философия энтропии. Негэнтропийная перспектива» приведено 64 трактовки термина «энтропия» в зависимости от ее понимания представителями различных наук и использования в различных сферах человеческой деятельности [19]. Наиболее часто термин «энтропия» используется в термодинамике, где он отражает меру необратимой диссипации энергии, в системном анализе, где энтропия оценивается как мера неопределенности системы, в биологии, где под энтропией понимается единица измерения биологической вариативности, в филологии, где энтропия характеризует количество информации на единицу текста. Общим для всех трактовок энтропии является то, что она всегда отражает процесс уменьшения сложности, степень деградации рассматриваемых процессов и явлений.

Важное свойство энтропии заключается в том, что она увеличивается в закрытых системах за счет постоянной диссипации энергии (отражая тем самым второе начало термодинамики). Этим свойством ученые также пытаются объяснить негэнтропийные процессы, протекающие в ряде открытых систем, в которых наблюдается увеличение степени порядка (живые и социальные системы, психические процессы) за счет привлечения информации, энер-

гии и вещества из внешнего по отношению к таким системам пространства. Таким образом, несмотря на локальное уменьшение энтропии в саморазвивающихся системах, происходит суммарное увеличение энтропии Вселенной [20], а живые объекты и социальные образования являются своеобразными катализаторами указанного процесса.

Свойство энтропии увеличиваться в закрытых системах в полной мере относится к местам лишения свободы как максимально закрытой социальной системе, ограничивающей материальные, информационные и финансовые взаимодействия заключенных с внешним миром.

Взгляд на места лишения свободы как на объекты искусственно генерируемой социальной энтропии, в которых происходит насильственное снижение разнообразия свойств рассматриваемой системы, можно проиллюстрировать цитатой из произведения «Жизнь и судьба» советского писателя Василия Гроссмана: «Бараки тянулись, образуя широкие, прямые улицы. В их однообразии выражалась бесчеловечность огромного лагеря. В большом миллионе русских деревенских изб нет и не может быть двух неразлично схожих. Все живое — неповторимо. Немыслимо тождество двух людей, двух кустов шиповника... Жизнь глохнет там, где насилие стремится стереть ее своеобразие и особенности» [21, с. 3].

Следствием пребывания человека в пенитенциарном пространстве являются изменения в его поведении и психике: в результате действия многообразных факторов тюремной депривации происходит снижение качества человеческих отношений, их примитивизация, деградация личности в условиях заключения [10] и, как следствие, атомизация сообществ заключенных.

Как было сказано выше, природе человека присуще свойство вступать во взаимодействие с другими членами социума, стихийно формируя усложняющуюся социальную систему, противодействующую энтропии. «Стремление культуры к упорядочиванию социальной организации и представлений людей о мире всегда было стихийно и связано с общей тенденцией природы к упорядочиванию материи» [18, с. 9]. Подобное наблюдается в коллективах осужденных, подверженных действию «тюремного эгалитаризма». Тюремный социум активно «сопротивляется» энтропийным процессам, нивелирующим социальное разнообразие: обитатели пенитенциарных учреждений начинают стихийно делиться на страты, образуя устойчивые организованные сообщества, вступающие в сложные взаимодействия друг с другом. В таких сообществах выделяется принимающий решение лидер, формируется исполняющая вердикты тюремных «авторитетов» гвардия, появляются парии. Так создаются и ауто-

реплицируются (казалось бы спонтанно, но на самом деле — как следствие естественных свойств самоорганизующейся системы) тюремные касты «воров», «мужиков», «шнырей», «петухов» и т. п. А так как энтропийные процессы искусственно генерируются государством, которое в виде насильственного уравнивания и ограничения взаимодействия арестантов с внешним миром (создание закрытой системы) реализует функцию наказания, то и в качестве ведущей парадигмы в сообществах заключенных выступает идея противодействия государству и общественному порядку — как причинам бедственного положения арестантов. Данная идея реализуется в законах тюремной субкультуры, положениях «кодекса вора». В результате тюремный социум начинает противиться процессам социальной энтропии, увеличивает степень внутреннего порядка путем внедрения так называемого «тюремного закона». Тюремная субкультура выступает тут как функция негэнтропийного процесса, присущего сложным самоорганизующимся социальным системам. Как отмечает Е. Г. Клейменова, тюремная субкультура «работает как социальная система, обладает устойчивостью, склонна к самовоспроизведению в обществе» [22, с. 35]. Попытки противодействия данному процессу за счет создания альтернативных секций дисциплины и порядка, фор-

мируемых из добровольных помощников администрации исправительного учреждения, не привели к ожидаемому результату*.

Исходя из анализа признаков, характерных для самоорганизующейся сложной системы (нелинейность, иерархичность, специализация отдельных подсистем, наличие обратных связей, каналов управления, целеполагание, саморепликация, поддержание гомеостаза, способность сопротивляться флуктуациям, эмерджентность и др.), можно сделать вывод, что все эти признаки в полной мере присущи тюремному сообществу. Из данного утверждения следует, что:

1) тюремная субкультура как особая форма организации осужденных [23] представляет собой самоорганизующуюся сложную систему;

2) присущее любой сложной социальной системе свойство самоорганизации (негэнтропийное действие) освоено организованной преступностью и представляет устойчивый криминогенный фактор в местах лишения свободы, обеспечивая саморепликацию тюремной субкультуры;

3) ведущую роль в процессе самоорганизации тюремного сообщества по принципам сложной системы играет искусственно создаваемое социальное равенство осужденных (социальный энтропийный процесс).

Список источников

1. *Niveau G.* Relevance and limits of the principle of «equivalence of care» in prison medicine // *J. Med. Ethics.* 2007. Vol. 33(10).
2. *Charles A., Draper H.* Equivalence of care in prison medicine: is equivalence of process the right measure of equity? // *J Med Ethics.* 2012. № 38(4).
3. *Wilson S.* The principle of equivalence and the future of mental health care in prisons // *Cambridge University Press.* 2018. № 1.
4. *Lines R.* From equivalence of standards to equivalence of objectives: The entitlement of prisoners to health care standards higher than those outside prisons // *International Journal of Prisoner Health.* 2006. № 4.
5. *Туленков А. М.* Биоэтические аспекты обеспечения эквивалентности медицинской помощи лицам, содержащимся в местах лишения свободы // *Биоэтика.* 2018. № 2 (22).
6. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
7. *Чирков А. М.* Пенитенциарный стресс // *Вестник института: преступление, наказание, исправление.* 2009. № 8.
8. *Мельникова Д. В., Дебольский М. Г.* Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых // *Психология и право.* 2015. Т. 5, № 2.
9. *Юсупов П. Р., Мардасова Т. А.* Пенитенциарный стресс у лиц с разным количеством судимостей, находящихся в изоляторе временного содержания // *Психолог.* 2017. № 4.
10. *Пономарев С. Б., Половникова А. А., Тоцкий С. И., Чубаров А. Л.* Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008.
11. *Holmes, T. H. & Rahe, R. H.* The social readjustment rating scale // *Journal of Psychosomatic Research.* 1967. № 11(2).

* О признании утратившим силу приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 8 июня 2005 г. № 79 : приказ Минюста РФ от 31 декабря 2009 г. № 440.

12. Gerst M. S., Grant I., Yager J., Sweetwood H. The reliability of the social readjustment rating scale: Moderate and long-term stability // *Journal of Psychosomatic Research*. 1978. № 6.
13. Семке В. Я., Гусев С. И., Снигирева Г. Я. Пенитенциарная психология и психопатология. Москва-Томск-Кемерово, 2007.
14. Дольник В. Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев. Природа власти // *Природа*. 1993. № 2.
15. Владимирова Э. Д. Психология животных. Самара, 2010.
16. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем. Ижевск, 2017.
17. Тарасенко Ф. П. Прикладной системный анализ (наука и искусство решения проблем). Томск, 2004.
18. Флиер А. Я. Власть и культура: самоорганизация общества по модели вертикальной иерархии// *Культура культуры*. 2021. № 1.
19. Кайтез Н. Философия энтропии. Негэнтропийная перспектива. СПб., 2019.
20. Щербаков В. П. Эволюция как сопротивление энтропии. I. Механизмы видового гомеостаза// *Журнал общей биологии*. 2005. № 3.
21. Гроссман В. С. Жизнь и судьба. Ижевск, 1991.
22. Клейменова Е. Г. Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия // *Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Социология. Психология. Педагогика»*. 2012. № 3.
23. Шакирьянов М. М. Понятие субкультуры осужденных// *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2011. № 1.

УДК 124: 340.114.5

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-390-394

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Социально-правовые проекции мировоззренческих антиномий российского общественного сознания

Александр Викторович Петров

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹,

✉ petrov.av.phd@gmail.com

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье представлен взгляд на ряд мировоззренческих антиномий российского общественного сознания через призму телеологического подхода. Право и нравственность формируют определенный образ общества, которому соответствует конкретный комплекс целей, в которых в свою очередь запечатлевается надлежащий образ будущего. В обобщенном виде этот комплекс целей предстает социально значимым телеологическим проектом. В истории России телеологический проект не единожды подвергался изменению, в результате чего пересматривались и сам образ будущего, и цели, соответствующие ему. Только за XX в. произошли повороты от телеологии преимущественно религиозно-монархической и традиционалистской к секулярно-социалистической и модернистской и потом к секулярно-капиталистической глобалистической. В общественном сознании современной России присутствуют телеологические векторы, принадлежащие каждой из них, и это порождает в общественном сознании ряд антиномий, имеющих социально-правовые проекции. Первая проекция отражает конфликт коллективного и индивидуального; вторая проекция касается конфликта между модернизированным обществом и обществом традиционным; третья проекция отмечает конфликт между религиозным и светским в мировоззрении и жизненных ориентирах. Обозначенные выше оппозиции по-разному развиваются и имеют ряд общественно заметных последствий.

Ключевые слова: телеология, антиномии, общественное сознание, коллективизм, индивидуальность, модернизм, традиционализм

Для цитирования: Петров А. В. Социально-правовые проекции мировоззренческих антиномий российского общественного сознания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 390–394.

Social and Legal Projections of Worldview Antinomies of Russian Public Consciousness

Alexandr V. Petrov

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ petrov.av.phd@gmail.com

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article presents a view on a number of worldview antinomies of the Russian public consciousness through the prism of teleological approach. Law and morality form a certain image of society, which corresponds to a specific set of goals, which in turn imprint a proper image of the future. In generalized form, this set of goals appears as a socially significant teleological project. In the history of Russia, the teleological project has been subject to changes more than once, resulted in the revision of the image of the future and the goals corresponding to it. Only in the twentieth century there were turns from predominantly religious-monarchical and traditionalist teleology to secular-socialist and modernist teleology, and then to secular-capitalist globalist teleology. In the public consciousness of modern Russia there are teleological vectors belonging to each of them, and this gives rise to a number of antinomies in the public consciousness that have socio-legal projections. The first projection reflects the conflict between the collective and the individual; the second projection concerns the conflict between modernized society and traditional society; the third projection marks the conflict between religious and secular in worldview and life orientations. The oppositions outlined above develop in different ways and have a number of publicly visible consequences.

Keywords: teleology, antinomies, public consciousness, collectivism, individuality, modernism, traditionalism

Citation: Petrov A. V. Social and Legal Projections of Worldview Antinomies of Russian Public Consciousness. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 4(95). Pp. 390–394 (In Russ.).

Тезис о том, что нравственность влияет на право, является азбучной истиной, хотя и смотрится трюизмом. Акцентирование внимания на моменте, сопрягающем право, мораль и нравственность в единый многосоставный нормативно-регулятивный комплекс, без которого были бы невозможны сложные общественные отношения, обеспечивает праву аксиологическую поддержку, подкрепляя его общезначимость не только интересубъективным авторитетом законодателя, но и весом личной совести.

Историко-правовые исследования показывают, что право возникало как инструмент закрепления и объективации обычая, вырастая из его естественной среды и отражая нравственные представления народа. Об этом говорит В. О. Ключевский применительно к России, когда замечает, что Русская Правда, хотя в ней «едва мерцает мысль о нравственной несправедливости», тем не менее «полагает за некоторые деяния нравственно-исправительные наказания», и такая мера воздаяния соседствует с типичными для нее денежными взысканиями [1, с. 255–275]. Г. Дж. Берман, говоря о генезисе западного права в его христианско-средневековой итерации, утверждает, что в первые столетия ее существования правовые ценности были большей частью растворены в ценностях религиозных и нравственных [2, с. 166]. Со временем дистанция между нравственностью и правом возрастала, что было связано с продолжавшейся институционализацией и усложнением последнего, однако дело никогда не доходило до полного разрыва, ведь даже в нынешний секулярный век сохраняется память о том, что «закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» [Рим. 7:12].

Право и мораль имеют общие черты не только благодаря генетической связи, но и потому, что они сообща создают проект общества, рисуют определенный образ будущего, который нужно культивировать и защищать. Всякий такой образ, очерчиваемый правом, содержит в себе известные целевые установки, формирующие определенную телеологию, причем телеологию не эсхатологического свойства, что обычно подразумевают, употребляя этот термин, а телеологию как объяснительную модель, предполагающую целесообразность как свойство отдельных объектов или процессов, проективно определяющую их настоящее и будущее. Иными словами, речь о телеологии, которая в своей контингентности «претендует не более чем на роль регулятивной нормы, направляющей и организующей мысль к определенным целям, постулируемым самим человеком» [3, р. 705]. Этот подход позволяет мыслить телеологию не как нечто эсхатологическое и подобное античной Ананке, а напротив, как то, что позволяет понять процесс движения к цели как реализацию свободы и акт творчества. Заметим, что такой взгляд на теле-

ологию не является каким-то радикально новаторским, поскольку подобной позиции придерживался еще Аристотель, с точки зрения которого, телеология «не является чем-то редукативным» [4, р. 107]), как это отмечает К. Робертсон.

Телеология, формирующаяся в культурном контексте и существующая в виде интроектов индивидуального и массового сознания, может быть как цельной — и тогда она сообщает цельность общественному организму и его институтам (как это бывает в традиционных обществах, мыслящих себя в регистре религиозного мировоззрения), либо фрагментированной, когда в пределах одного культурно-исторического горизонта сосуществуют разноплановые или вовсе антагонистические целевые установки (что можно наблюдать в обществе, где конкурируют различные целевые установки и мировоззренческие модели). В последнем случае фрагментируется и пространство целей, что нередко сопровождается утратой социальными телами своей цельности, а это в свою очередь провоцирует и внутренние конфликты.

Новое время и эпоха модерна в европейской культуре ознаменовали собой начало конкуренции секулярной и сакральной телеологии за доминантное положение. Впрочем, некоторые варианты секулярной телеологии, обычно полагающей свои основные цели достижимыми человеческими силами в более-менее близкой исторической перспективе (например, цель строительства правового государства вполне секулярна) могут включать элементы сакральной телеологии в виде мессианской идеи (вроде идеи строительства коммунизма как варианта хилиастической утопии или мыслей о «конце истории», наступившем после победы глобального капитализма над социалистическим проектом). В любом случае крах телеологической модели в результате политических, экономических или социальных метаморфоз приводит к глубокому мировоззренческому кризису, сопровождающемуся личной и общественной дезориентацией и отчужденностью.

В нашем Отечестве за XX в. произошло несколько крутых социально-исторических поворотов, сопровождавшихся серьезной трансформацией телеологических установок. Если не входить в подробности этих трансформаций и говорить кратко, то речь должна идти о повороте от религиозно-монархической, по преимуществу традиционалистской телеологии, к телеологии секулярно-социалистической, рожденной эпохой модерна в ходе революций 1917 г., и о еще об одном повороте конца столетия, когда секулярный характер целей остался прежним, однако изменился общий вектор — он сделался глобалистическим не столько в экономическом, сколько в культурном и политическом смысле.

Метаморфоза начала XX в. знаменовала собой переход от традиционного общества с выраженными патриархальными особенностями в виде сословной стратификации, монархической сакрализованной власти и сильной религиозной доминанты в общественном мировоззрении к обществу секулярному, модернизированному, эмансипированному и эгалитарному. Конечно, эти характеристики отнюдь не исчерпывают всех мировоззренческих особенностей царской России и России советской, и тем более это не означает, что переход от одной формы общественного устройства к другой был стремительным и бесповоротно отменял предшествующую. Его катастрофическая резкость была лишь внешней, в глубине же он начал совершаться задолго до того, как явил себя исторически и был закреплён институционально. Следующий переход, сопровождавшийся переменой телеологических ориентиров, произошёл в конце XX столетия, когда коммунистическую идеологию сменила идеология капиталистическая. Капиталистическая контрреволюция [5, с. 38] не имела внятной идеологии, под знаменами которой она совершалась бы, однако обнаружила в себе ряд качеств, обособляющих её от предшественницы — социалистической революции. Новая телеология, оставаясь секулярной по духу, предложила совсем другие ориентиры и ценности, к которым можно отнести капитализм как форму организации экономики, постмодернизм как эстетику, консьюмеризм как жизненный идеал, а также инклюзивность и дайверсити как социальные ценности. Эти характеристики не претендуют на всеохватность и окончательность, однако их достаточно, чтобы показать причины существующих ныне мировоззренческих антиномий, выражающихся в конфликтах разноплановых телеологий. На вышеперечисленные особенности «капиталистической телеологии» накладываются рудименты двух ранее доминирующих комплексов целей и ценностей: сакрально-патриархального и секулярно-коммунистического. Это приводит к тому, что в отечественном культурном пространстве и общественном сознании рядом с целями и ценностями, релевантными современному глобализованному миру, существуют цели и ценности иного рода и свойств. К числу последних можно отнести активно популяризируемые традиционные ценности (недавно оформленные в виде Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей*), работу по утверждению идеи о цивилизационной особенности России, специфический образ власти, со-

четающий в себе черты и патриархальности, и республиканизма, а также идею реставрации религиозных институтов как имеющих особую общественную значимость. Даже беглый взгляд способен заметить антиномичность между описанными выше ценностями и ценностями общества, живущего по законам капитализма. Эти противоречия имеют несколько отчетливо видимых социально-правовых проекций.

Первая проекция отражает противоречие коллективного и индивидуального, когда сталкиваются коренящийся в традиционном обществе и культивировавшийся (пусть и на иных началах) в СССР коллективизм с поощряемым и одобряемым капитализмом индивидуализмом. Вторая проекция касается противоречия между модернизированным обществом и обществом традиционным; оно проявляется на улице и в быту, когда сталкиваются два мира, один из которых принимает ценности глобализационной вестернизированной культуры постмодерна, тогда как другой принадлежит традиционной культуре с заметными рудиментами архаики в виде ксенофобии и патриархальности. Доступной любому наблюдателю иллюстрацией этих противоречий является городской бытовой конфликт между коренным населением и не желающими инкультурироваться мигрантами, а также между ценностями и жизненными установками разных поколений. Третья проекция отмечает противоречия между религиозными и светскими элементами в мировоззрении и жизненных ориентирах; он заметен тогда, когда в оппозицию встают гражданское общество с его идеалами свободы, законности, личного достоинства, и общество традиционное, с патерналистским мышлением, живущее в «нерасколдованном» [6, с. 713–714] наукой мире и вкушившее плодов модернизации лишь в части материальной культуры.

Обозначенные выше оппозиции по-разному развиваются и имеют ряд социально значимых последствий. Так, первая из названных антиномий — коллективного и индивидуального — проявляет себя в феноменах нуклеаризации семьи, интенсификации социальной мобильности и ускорении миграционных процессов, приводя не только к росту социальной конкуренции и усилению эксплуатации, но и, усиливая отчужденность человека, усугубляет чувство одиночества и заброшенности [7, с. 169]. В свою очередь это провоцирует серьезные проблемы с солидарностью и чувством общности, без которого не могут существовать хоть сколько-нибудь крупные социальные тела. В правовом пространстве нашла отражение попытка преодолеть эту антино-

* Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (дата обращения 27.02.2024).

мию с помощью констатации и юридической защиты общей исторической памяти. В качестве таковой законодатель выдвигает память о защите Отечества, нашедшую себе место в Конституции России, а также в уголовном законе в связи с криминализацией реабилитации нацизма. Этим юридическим вниманием к полным драматизма и великой жертвенности событиям новейшей истории декларируется попытка утвердить память о всенародном подвиге как безусловной нравственной ценности, должной скреплять наше весьма атомизированное и малоудовлетворенное настоящим общество.

Вторая антиномия — между модернизированным обществом и обществом традиционным — дает о себе знать, когда оказывается явным отсутствие сколько-нибудь внятной и последовательной политической установки, требующей от культурно и граждански незрелой публики, вышедшей из недр традиционных сообществ и устремившихся в городские агломерации, соответствовать их требованиям и культуре. Вернее, таковая установка существует, но, к сожалению, лишь декларативно; российские города в рамках миграционной политики насыщаются не только квалифицированными специалистами из зарубежья, но и дешевой рабочей силой, слабо заинтересованной в инкультурации, часто агрессивно настроенной по отношению к культуре принимающей стороны и существующей на границе правового поля, а то и вовсе — за пределами. При сохранении такой тенденции возникновение национальных районов компактного проживания мигрантов, рост этнической преступности и всплеск националистического шовинизма является лишь вопросом времени, а не вероятности.

Конечно, всякая развитая система права исходит из того, что национальность преступника не имеет значения, существенно только само нарушение закона и вопрос восстановления нарушенных прав, но в данном случае на плечи права ложится бремя не просто абстрактной защиты принципа справедливости и равенства всех перед законом, а дело защиты культуры и самого образа жизни модернизированного общества, на которые происходит покушение со стороны общества традиционного. В этих традиционных обществах, сильных своей этнической сплоченностью и мировоззренческой солидарностью, мягкость нередко воспринимается как слабость. Принимая в расчет это обстоятельство, нельзя не испытывать беспокойства по поводу того, как будет восприниматься нарочито гуманное право в такой системе координат. В этих строках нет призыва к жестокости и антигуманным действиям, поскольку они не равнозначны строгости, последовательности и неотвратимости, которые и должны демонстрировать те ветви права, которые защищают правовые цен-

ности, признаваемые современным человечеством в качестве важнейших, — равенство перед законом, взаимоуважение и эгалитарная справедливость. Только их непреклонная защита может дать твердый фундамент для общественного консенсуса коренных жителей и пришлых диаспор.

Третья антиномия — между религиозным и светским мировоззрением — обнаруживает себя тогда, когда в отношении сугубо современного по характеру общественного явления возникают мнения, архаичные по своей сути и анахроничные с точки зрения социального времени; например, когда предвыборная агитация, подчеркивающая общественное значение реализации избирательных прав, соседствует с политическим абсентеизмом, питаемым религиозными убеждениями. Так, среди медийного контента, то и дело возникающего и обращающегося в период, предшествующий выборам в органы власти разного уровня, можно найти видеоматериалы, призывающие мусульман не голосовать, поскольку это «харам», а выборы организуют «кафиры» ради «кафиров». Любопытно, что пребывание в едином правовом и экономическом пространстве, делающее возможным дотационное существование традиционных исламских регионов Российской Федерации, не вызывает у изготовителей такого контента никаких нравственных или религиозных возражений. В общем же примеров, показывающих, насколько близко друг с другом могут соседствовать атеизм, абстрактная внекультурная религиозность, приверженность традиционным или нетрадиционным религиям, а также фанатичный религиозный фундаментализм, можно отыскать огромное количество. Это было бы одной из черт современного общества, но на деле имеет далеко идущие последствия, в том числе и правовые.

Длительное время в отсутствие общезначимого аксиологического и телеологического фундамента из общегражданских ценностей, разделяемых не только вестернизированным населением, но и носителями традиционно-патриархального мировоззрения, таковым фундаментом предстало религиозное чувство. Правовым следствием этого стало появление в УК РФ ст. 148, преследующей нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. В дискуссиях вокруг этого так называемого «закона об оскорблении чувств верующих» было сломано немало копий, но эти полемические жертвы не упразднили главного недостатка — сложности квалификации состава деяния и проблем, связанных с толкованием тезиса о свободе совести. Сегодня существенную роль в деле заполнения аксиологической лакуны призваны сыграть традиционные ценности, обобщенные уже упоминавшимся документом.

Важно отметить, что антиномичность сама по себе не является дурным признаком, свидетельству-

ющим о неустранимых противоречиях, угрожающих фатальными последствиями феномену, в котором они наблюдаются. Напротив, антиномичность является важным признаком внутренней динамики феномена, и выявление противоречий делает возможным диалектический взгляд на него. Это означает, что антиномии, подобные тем, о которых шла речь выше, могут быть обнаружены в любой другой культуре, что делает П. Катзенштейн, когда отмечает противоречивость в понимании либерализма в общественном сознании Запада. Он утверждает, что в США традиционное понимание либерализма относится к левому спектру, а в континентальной Европе — к правому, поскольку французский и немецкий акценты на свободе, верховенстве закона, гражданских правах, долге, солидарности, патриотизме и самопожертвовании, родом из XVIII и XIX вв., отличаются от американского акцента XX в. на демократии, правах личности и капитализме [8, р. 174]; в свою очередь, это приводит как к различным оценкам этого феномена, так и к различным ожиданиям от будущего, которое можно построить под либеральными лозунгами. Даже сама концепция телеологии несет на себе отпечаток противоречий в понимании собственного содержания. Так, если в начале XX в. Дж. М. Варбеке, солидаризируясь с мнением У. Джеймса, утверждал, что «мир целей» есть как «мир подлинного прогресса» [3, р. 703], то в начале XXI в. некоторые авторы полагают, что «прогрессивная телеология истории неубедительна» [8, р. 173]. Как видно, антиномичность является естественным свойством мышления и законным спутником познания.

Описанные здесь мировоззренческие и телеологические антиномии, а также вызываемые ими

последствия отражают не только пройденный Россией непростой исторический путь, но отмечают противоречия, существующие в общественном сознании по поводу главнейших вопросов нравственной жизни — по поводу добра и зла. Очевидно, что цели и ценности индивидуалистического характера будут детерминировать одни нравственные установки, а коллективистские — другие. Выбор между ними является делом личным, но отнюдь не частным, поскольку он слагает нравственную результирующую, которая будет определять вектор общественного развития на поддающееся прогнозу будущее. Государство не может позволить себе дистанцироваться от управления процессами формулирования, пропагандирования и апологии ценностей нравственного порядка, поскольку именно аксиология формирует телеологию, которая вдохновляет к деятельности, — и от ее качества зависит, будет ли она созидательной или деструктивной. Самоустранение государства от этой задачи неизбежно приведет к конкуренции между аксиологическими и телеологическими установками, результат которой предсказуем, но предсказуем неутешительным образом: в конкуренции простого и сложного обычно побеждает простейшее, в случае своей победы обрекая пространство конкуренции в лучшем случае на стагнацию, в худшем приводя к деградации. Избежать этого можно весьма ресурсозатратным, но безальтернативным способом. Удерживаться на высоте гражданского общества можно, только поддерживая и развивая созидательную культуру и науку, укрепляя народное образование и культивируя общественную парадигму, опирающуюся на исторический опыт и ценящую идеалы гармонии и справедливости.

Список источников

1. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. Т. I : Курс русской истории. Ч. I. М., 1987.
2. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. *Warbeke J. M.* Instrumentalism and Teleology // *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. Dec. 18, 1919. Vol. 16, № 26.
4. *Robertson K.* Abusing Aristotle // *Speculative Medievalisms*. New York, 2013.
5. *Бузгалин А. В.* Почему СССР не хочет становиться прошлым? (загадка «мутантного социализма») // *Философские науки*. 2012. № 1.
6. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Избранные произведения*. М., 1990.
7. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // *Сумерки богов: Ф. Ницше, А. Камю и др.* М., 1989.
8. *Katzenstein P. J.* Liberalism's antinomy: endings as beginnings? // *The Downfall of the American Order?* 2022.

УДК 37.011

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-395-400

5.7.7. Социальная и политическая философия

Коммуникативная культура: интегральная модель в публичном управлении

Александр Анатольевич Беженцев

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права¹,

✉ adovd@mail.ru

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Статья посвящена исследованию коммуникативной культуры общественного управления современной России. Проанализированы теоретико-методологические подходы к исследованию феномена коммуникативной культуры, обоснована необходимость применения междисциплинарного подхода к исследованию коммуникативной культуры. Предложена интегральная модель формирования коммуникативной культуры в публичном управлении как компликативный конструкт, система организации и осуществления целеустремленных и опосредованных влияний, обеспечивающих эффективность функционирования системы коммуникаций и взаимобмен. В рамках исследования «конструкт» понимается как способ организации человеческого опыта в соответствии с системами и правилами социального взаимодействия. Конструкты образуют своеобразные мосты между личным психологическим восприятием, общественным миром и социальными взаимоотношениями. Разработанная интегральная модель позволяет достичь результата в виде сложившейся коммуникативной культуры метамодерна в публичном управлении. Коммуникативная культура в предложенной модели трактуется как интегральное единство ценностных ориентаций, социокультурной среды, социально ориентированных и рефлексивных компетентностей, аффективных и мотивационных установок публичных служащих. Модель реализуется на четырех уровнях: теоретико-методологическом, праксеологически-содержательном, рефлексивно-результативном; публично-коммуникативном.

Обоснована необходимость перестройки культуры коммуникаций в направлении обретения социально ориентированных и социально-рефлексивных компетентностей, трансформации аффективных и мотивационных факторов в процессе управления. Перспективным вектором формирования коммуникативной культуры в публичном управлении являются ценностные, социально-психологические и мотивационные детерминанты, обеспечивающие формирование коммуникативной культуры нового времени.

Ключевые слова: публичное управление, коммуникация, коммуникативная культура, коммуникативные взаимоотношения, национальная культура, культура публичного служащего, гражданское общество, социальная ориентация, междисциплинарный анализ, интегральная модель, многоуровневая система

Для цитирования: Беженцев А. А. Коммуникативная культура: интегральная модель в публичном управлении // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 395–400.

Communicative Culture: an Integrative Model in Public Administration

Alexandr A. Bezhentsev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal Law¹,

✉ adovd@mail.ru

¹ North-West Institute of Management of Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia)

The article examines communicative culture of public administration in modern Russia. It analyzes theoretical and methodological approaches to the exploration of the phenomenon of communicative culture, substantiates the need for an interdisciplinary approach to the study of communicative culture. An integral model of forming communicative culture in public administration as a complimentary construct, a system of organization and implementation of purposeful and mediated impacts, that ensure the effectiveness of the functioning of the system of communications and mutual exchanges, is proposed. Within the present research 'construct' is understood as a way of organizing human experience in accordance with the systems and rules of social interaction. The constructs build peculiar bridges between personal psychological perception, public world and social relationships. The developed integral model allows us to achieve the result in the form of the established communicative culture of metamodernism in public

administration. Communicative culture in the proposed model is interpreted as an integral unity of value orientations, sociocultural environment, socially oriented and reflexive competences, affective and motivational attitudes of public employees. The model is implemented at four levels: theoretical-methodological, praxeological-content, reflexive-resultant, public-communicative. The necessity of restructuring the culture of communications in the direction of acquiring socially-oriented and socially-reflexive competences, transformation of affective and motivational factors in the administration process is substantiated. The prospective direction of forming communicative culture in public administration is the value-based, socio-psychological and motivational determinants providing the formation of communicative culture of the new time.

Keywords: public administration, communication, communicative culture, communicative relationships, national culture, culture of public employee, civil society, social orientation, interdisciplinary analysis, integral model, multi-level system

Citation: Bezhtentsev A. A. Communicative Culture: an Integrative Model in Public Administration. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 4(95). Pp. 395–400 (In Russ.).

Актуальная ситуация в политической, социально-экономической и духовной жизни в эпоху турбулентности вызывает трансформацию системы ценностей и ценностных установок современного социума. В связи с актуализацией необходимости трансформации смыслов и функций публичного управления в жизни общества и отдельных индивидов, осознания морально-ценностной и культурной переориентации публичного управления представляется важным методологический поворот от классической парадигмы философии сознания до постклассической парадигмы философии. Основные положения философских доктрин изменяются в сторону эволюции принципа справедливости и достижения взаимопонимания. Главным средством обеспечения и развития общественного бытия является культура человеческих взаимоотношений, цивилизационные формы общественной коммуникации. Такой способ человеческих контактов определяется термином «коммуникативная культура» [1, с. 7–20; 2, с. 39–48; 3, с. 44–45; 4, с. 15–18; 5, с. 333–338; 6, с. 276–280]. Важность изложения основных положений такой философской парадигмы объясняется тем, что ее представители в поисках ответов на современные вопросы бытия не исключают достижения классической философии, однако развивают их в направлении новейших современных трактовок классических этических категорий («ответственность», «справедливость», «рефлексия», «зрелость», «долг и совесть»), оформляя их в новой интересубъективной окраске. Это касается не только исследования коммуникативной основы вышеупомянутых категорий, но и выявления социально-институциональных детерминант, которые позволяют формировать эти качества в общественном сознании.

Коммуникативная теория стремится ответить на главные вопросы современного бытия, направляя свои усилия на решение как методологических, так и практико-ориентированных проблем. Это означает, что наряду с эмпирической прагматикой «универсальная прагматика», по Ю. Габермасу, имеет целью

установить и реконструировать универсальные условия «возможного общественного взаимопонимания» [7, с. 76]. Однако вышеупомянутое «общественное взаимопонимание» должно быть установлено в координатах совместного конструирования общественной коммуникативной реальности, коммуникативной культуры, основанной не на принципах власти и силы, а на принципах ответственности и компетентности.

Современная публично-управленческая деятельность, построенная на принципах интегрального и компетентностного подходов, напрямую связана с коммуникацией, взаимообменом и общением, а следовательно, все чаще идентифицируется с понятием «коммуникативная культура». По мнению таких признанных мировых авторитетов в области философских и гуманитарных наук, как М. Кастельс [8], Д. Осборн [9], культура коммуникаций должна базироваться на социальных (т. е. мышления и поведения) принципах, которые должны быть приоритетными. Концепция коммуникативной культуры возникла как логическое развитие предыдущих теоретических форм рефлексии человеческого общения.

В содержательно-терминологическом смысле понятие «коммуникация» находится в одном ряду с близкими по содержанию понятиями «взаимодействие», «человеческие взаимоотношения», «взаимовлияние». В этом смысле разные аспекты человеческих взаимоотношений анализировались в произведениях классиков социальной философии [10, 1469 с.]. Неслучайным образом сложилась ситуация и вокруг научных исследований понятия «коммуникативная культура». Достаточно широкий охват коммуникативных проблем общества и проблем научного осмысления их развития указывает на разнообразие подходов к интерпретации понятия «коммуникативная культура».

Проблематика коммуникативной культуры в современном научном дискурсе представлена разными научными подходами многих наук. Современными

учеными выделены методологический, мировоззренческий, психологический, социологический, лингвистический, юридический подходы к трактовке понятия «коммуникативная культура», что обусловлено взаимопроникновением научных знаний.

Рассмотрение коммуникативной культуры публичного управления с позиций интегрального и компетентностного подходов позволит оценивать актуальное состояние этой культуры в конкретной социокультурной среде, прогнозировать тенденции ее развития, очертить возможности влияния на ее формирование в условиях завершения становления социально-ориентированной культуры публичного управления и гражданского общества в современной России.

Современная наука, расширяя свое исследовательское поле, неизбежно сталкивается с необходимостью усовершенствования методологического аппарата. В арсенале современных научных исследований междисциплинарный анализ занимает важное место, особенно в области публичного управления, где необходимость междисциплинарного подхода аргументируется сложностью интерпретации общественной жизни.

Междисциплинарность трактуется как взаимодействие взаимосвязанными науками методов, инструментария и полученных результатов исследования, обращение к теоретическим схемам, моделям, категориям, понятиям других наук для интеграции, конструирования новых научных парадигм, появления новых междисциплинарных объектов и предметов исследования. В целях разработки методологии и новых методов исследования наука публичного управления использует отдельные элементы междисциплинарного анализа. Достоянием науки стал ряд исследовательских методов, приемов и понятий, выработанных в общественных и гуманитарных науках.

Отдельные аспекты общественной действительности начинают описываться и анализироваться с помощью заимствованных из общественных наук понятий, таких как «культура», «общение», «коммуникация», «коммуникативная культура», «культура публичного служащего», «коммуникативная культура организации».

Анализ понятия коммуникативной культуры показывает, что коммуникативная культура является междисциплинарным понятием, широко представленным в философии, социологии, публичном управлении, политологии, теории коммуникации, теории информации, в общей и социальной психологии, лингвистике, педагогике, юриспруденции. Труды зарубежных ученых [11, с. 26] дают основание утверждать, что в современной науке доминирует тенденция к проведению исследователями

междисциплинарного анализа изучаемого понятия. Тем самым подтверждается необходимое методологическое требование — целостное видение понятия коммуникативной культуры. Целостность может рассматриваться не как механическое объединение накопленных знаний, а как постоянное взаимовлияние, взаимопроникновение отдельных компонентов научного знания. Исследование понятия «коммуникативная культура» побуждает к применению междисциплинарного подхода и взаимодействию всех наук о человеке и обществе.

Итак, коммуникативная культура — объект комплексного исследования, требующий особого усердия и всестороннего изучения. Применение к анализу коммуникативной культуры междисциплинарного подхода предполагает кооперацию различных научных отраслей, циркуляцию общих понятий. Познавательный идеал понятия коммуникативной культуры требует создания принципиально новой междисциплинарной ситуации, центром внимания которой должен стать не только диагностический и технологический инструментарий развития культуры коммуникации, но и расширение поля научно-теоретических исследований науки публичного управления. Проведение междисциплинарного анализа коммуникативной культуры на общенаучном теоретическом уровне требует обобщения и синтеза представленных в научных исследованиях моделей изучения данного понятия. Изменчивость норм, критериев и стратегий исследовательской деятельности обусловлена динамикой науки в истории развития человеческого общества и культуры. Возможности междисциплинарного анализа должны быть реализованы в решении его главной задачи: трансформации результатов исследования в систему знания. Также в исследовании необходимо соблюдать методологию комплексного исследования коммуникативной культуры, поскольку современное научное знание о понятии коммуникативной культуры интегрирует содержание естественно-научного, гуманитарного, информационного и технологического научного познания данного понятия.

В базис междисциплинарного анализа должны быть положены идеи целостности и фундаментализма. В то же время междисциплинарный анализ понятия коммуникативной культуры позволяет выделить условия, способствующие формированию фундаментальных научных знаний об этом понятии. Кроме того, практическая целесообразность и ценность междисциплинарного анализа и моделирования в научных исследованиях, проведенных на основе теоретического анализа, обусловлена целями изучения конкретного явления. Необходимость и правильность соблюдения основных принципов моделирования определяет возможности

создаваемой модели, а также ее функциональные проявления в плоскости конкретного научного исследования.

Коммуникативная культура охватывает два основных компонента: ценностный и технологический. Такое понимание основывается на роли коммуникативной культуры публичного управления с позиции социального управления. Предлагаем модель, базирующуюся на концептуальных основах интеграционных тенденций, образовательно-квалификационных требований к профессиональной деятельности специалистов публичного управления и администрирования, гуманизации обучения и культурологического подхода. Однако при методологическом обосновании модели нами признана необходимость учета многоуровневости культуры и динамической сложности ее развития. Стратегическим преимуществом многоуровневой интегральной модели является целостное представление изучаемого феномена, что позволит расширить видение будущих трансформаций общественной жизни.

Это свойственно и для коммуникативной культуры публичного управления, которая может рассматриваться как: а) социокультурное явление в актуальном моменте становления человеко-центрической парадигмы общественного развития; б) составляющая определенной управленческой и организационной культуры, субкультуры определенной социальной группы, национальной культуры, современной технологической культуры глобального порядка.

Руководствуясь актуальной потребностью в познании и развитии коммуникативной культуры в публичном управлении, мы предлагаем интегральную модель формирования коммуникативной культуры в публичном управлении. Модель рассмотрена как интегрально-функциональная система организации и осуществления целенаправленных и опосредованных влияний, обеспечивающих эффективность функционирования системы коммуникаций и взаимообменов, которые позволяют достичь результата в виде сложившейся коммуникативной культуры метамодерна в публичном управлении. Коммуникативная культура в предложенной модели трактуется как интегральное единство социально ориентированных и рефлексивных компетентностей (воспринимаемых как компетентности прагматологически-содержательного и рефлексивно-результативного уровней) и реализуется одновременно в теоретико-методологическом, практическом, рефлексивно-результативном, публично-коммуникативном измерениях.

Интегральная модель формирования коммуникативной культуры в публичном управлении есть обобщенное теоретическое представление феномена коммуникативной культуры как многоуровневой

открытой системы, формирование которой происходит во взаимопроникновении уровней и их конструктивных компонентов (конструктов и элементов этих конструктов).

1. Теоретико-методологический уровень, включающий теоретический и технологический конструкт (методологический конструкт, концептуальный конструкт, коммуникативный конструкт).

2. Прагматологически-содержательный уровень (содержательно-смысловой конструкт, инструментально-деятельностный конструкт, коммуникативно-диалогический конструкт).

3. Рефлексивно-результативный уровень (диагностико-инструментальный конструкт, компетентно-результативный конструкт).

4. Публично-коммуникативный уровень (аналитический конструкт, имплементационный конструкт).

Итак, в основу интегральной модели формирования коммуникативной культуры в публичном управлении положены теоретико-методологические основы (методологический конструкт, концептуальный конструкт, коммуникативный конструкт), которые определяют особенности конструктов, отвечающих за процесс формирования компетентностей публичного пространства. Теоретический и технологический конструкт проектируют функциональный результат на уровне развертывания, поэтапно обеспечивая высшие уровни интеграции, такие как единство социально ориентированных и рефлексивных компетентностей, реализуемых в публично-коммуникативном измерении с диалогической обратной связью (аналитический конструкт, имплемент).

К взаимосвязанным процессуальным уровням в пределах сложившейся модели отнесены: а) практически-содержательный уровень (содержательно-смысловой конструкт, инструментально-деятельностный конструкт, коммуникативно-диалогический конструкт); б) рефлексивно-результативный уровень (диагностико-инструментальный конструкт, компетентностно-результативный конструкт); в) публично-коммуникативный уровень (аналитический конструкт, имплементационный конструкт). В рамках поля исследования под понятием «конструкт» понимается способ организации человеческого опыта в соответствии с системами и правилами социального взаимодействия.

Конструкты образуют своеобразные мосты между личным психологическим восприятием, общественным миром и социальными отношениями, проявляющимися в виде паттернов, шаблонов поведения и их интерпретации. Конструкты служат своеобразной матрицей-инструментом в эффективном коммуникативном взаимодействии, от содержания

и гибкости которых зависит качественная составляющая профессиональной управленческой коммуникации, касающаяся соответствующих систем, процессов и функций публичного управления.

Сочетание согласованных между собой конструкторов образуют систему коммуникативных взаимоотношений. Она должна быть ориентирована на формирование взаимообмена и коммуникации в публичном управлении со сложившейся адаптивной функцией, имеющей признаки гибкости и динамичности приспособления к изменяющимся условиям настоящего. Именно коммуникативная культура является «легкими» управления, она представляет, развивает и творит сама себя под влиянием внешних и внутренних факторов общественно-трансформационных процессов в социальном пространстве.

Феномен коммуникативной культуры в публичном управлении является сложным имманентным свойством коммуникативной природы социальной реальности, постоянно присутствующей в: а) внешней, отдаленной коммуникативной среде; б) внутренней, профессиональной коммуникативной среде.

Факторы, влияющие на систему взаимоотношений, формирование коммуникативной культуры в публичном управлении можно условно разделить на факторы опосредованного и прямого влияния. К факторам опосредованного влияния относятся: а) ценностные ориентации; б) социокультурная среда; в) политический контекст; г) правовое регулирование; д) институциональная состоятельность; е) репутационные возможности; ж) человеческий капитал; з) финансовые риски; и) технологические ресурсы. К факторам прямого воздействия отнесены условия, формирующие качество внутренней профессиональной коммуникативной среды, а именно: а) реализация положений коммуникативной парадигмы общественного развития на основе интегрального и компетентностного подходов; б) коммуникативная политика органов публичного управления; в) коммуникативная культура в публичном управлении как компликативный конструкт; г) адаптивные и динамические способности публичного управления.

Установлено, что в формировании коммуникативной культуры в публичном управлении в контексте парадигмы социально-ориентированного публичного управления человеческий фактор является системообразующим. Определено, что феномен дефиниции «коммуникативная культура в публичном управлении» является имманентным свойством коммуникативной природы социальной реальности, современных изменений в социально-коммуникативной сфере в структурах публично-

го сектора как основы функционально-ролевых, социально-психологических и ценностных аспектов управленческого взаимодействия.

Следует констатировать, что профессиональная коммуникативная культура публичных служащих ориентирована на бюрократические ценности, часто руководители используют в процессе работы авторитарный стиль управления, иногда присутствует жесткая субординация, которая компенсируется имитацией демократического стиля поведения и признанием необходимости личной ответственности. Это накладывает определенный отпечаток на личность служащего, на его поведение и коммуникации, сопровождающие эмоциональную ригидность и невосприятие ситуации перемен. На присутствие демократических тенденций и ценностей культуры сотрудничества указывают лишь немногие, что свидетельствует о необходимости перестройки культуры коммуникаций в направлении обретения социально ориентированных и социально-рефлексивных компетентностей и формирования ценностей открытости, сотрудничества, сплоченности, демократизма.

Определенная неготовность сотрудников и работников государственного аппарата Российской Федерации к формированию и развитию реальных демократических практик выражается в декларации специфических форм отношений, в которых проявляются консервативные тенденции, активно воспроизводятся идеи бюрократизма. Поскольку ситуация постоянно действующего стресса не побуждает служащих к формированию адаптивных коммуникативных стратегий и не рефлексивируется, несогласованность прагматического, рефлексивного и ценностного конструкта проявляется во враждебности к сотрудничеству.

«Статус власти» порождает разнообразные формы коммуникативных деформаций в виде манипуляций, авторитаризма, негативизма и злоупотребления властью. Под давлением общественных процессов коммуникативные взаимоотношения претерпели определенную эволюцию, однако по характеру они больше похожи на имитацию демократических коммуникативных взаимообменов, чем на глубинные ценностные и структурные перестройки в сторону демократизации взаимоотношений внутри структур. Создается парадоксальная ситуация, которую можно охарактеризовать как мотивационную и ценностную амбивалентность, она обуславливает культурную стагнацию и кризис управленческой идентичности, что препятствует реализации коммуникативных запросов общества и тормозит общественное развитие в сторону реализации общественной воли к взаимопониманию. Постепенная ценностная и культурная трансформация должны основываться

на личностных убеждениях публичных служащих, осознании того, что сотрудничество является выгодной адаптивной коммуникативной стратегией, обеспечивающей стабильность пребывания в должности и создающей основание для доверия к власти и ее представителям.

По результатам анализа интегральной модели коммуникативной культуры в публичном управлении автором сделаны следующие выводы.

1. В статье обоснована и сформирована интегральная модель коммуникативной культуры как компликативный конструкт. В отличие от предыдущих моделей, в целях анализа коммуникативной культуры как явления многоуровневая модель представлена в виде многоуровневой открытой системы, которая учитывает динамические сложности развития коммуникативной культуры в публичном управлении и может рассматриваться как социокультурное явление в актуальном моменте становления человекоцентрической парадигмы общественного развития.

Установлено, что в формировании коммуникативной культуры в публичном управлении человеческий фактор является системообразующим.

2. На уровне концептуально-методологических основ ведущим условием формирования коммуникативной культуры в публичном управлении выступает реализация положений компетентностного и интегрального методологических подходов к организации процесса целенаправленного формирования коммуникативной культуры в публичном управлении как компликативного конструкта.

3. Изучение тенденций развития коммуникативной культуры дает теоретическую основу для модернизации современных технологий, направленных на формирование социально ориентированных и социально-рефлексивных компетентностей сотрудников и работников органов публичного управления, которые необходимо адаптировать к современным вызовам для оптимизации уровня коммуникативного взаимодействия общества и власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дзялошинский И. М. Формирование коммуникативной культуры личности с помощью инструментов медиаобразования // Медиа. Информация. Коммуникация. 2023. Т. 37, № 3.
2. Комкова Г. Н. Тюменева Н. В. Конституционные ценности как правовые ориентиры совершенствования информационно-коммуникативной культуры // Право: история и современность. 2020. № 2(11).
3. Вахабова С. А. Новые смыслы в современной коммуникативной культуре // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 4–7(60).
4. Разахунова А. А., Твелова И. А. Коммуникативная культура как составная часть общей культуры личности // Технолого-экономическое образование. 2020. № 13.
5. Тогузаева Е. Н. Информационно-коммуникативная культура как условие реализации некоторых прав граждан (на примере процессуального законодательства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, № 3.
6. Горелова Е. С., Костенко А. А. Коммуникативная культура в системе базовой культуры личности // Экономика и социум. 2019. № 4(59).
7. Habermas J. Theory of Communicative Action. Cambridge: Polity Press. Vol. 1.
8. Кастельс М. Информационная эра: экономика, общество и культура / пер. с англ. ; под науч. ред. О. И. Скрятана. М., 2000.
9. Osborne D., Reinventing Government. How Entrepreneurial Spirit Transforming Public Sector / D. Osborne, G. Gaebler. New York [et al.]: A Plume Book, 1993.
10. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / University of California Press, 1978.
11. Bourgon J. Responsive, Responsible и Respected Government: Towards a New Public Administration Theory // International Review of Administrative Sciences. 2007. Vol. 73, № 1.

УДК 130.2

doi: 10.24412/1999-625X-2024-495-401-406

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

5.7.9. Философия религии и религиоведение

Традиционность и религиозность в жизненном мире современной молодежи

Андрей Анатольевич Морозов

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹,

✉ moroz_may@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье на основе проведенного в 2024 г. эмпирического исследования ставится цель выявить реальное присутствие в сознании и жизненном мире молодежи установок и ориентаций на традиционные ценности и религию. Это присутствие может быть удостоверено только в контексте деятельности, составляющей основное содержание жизни молодых людей, а также их готовности действовать определенным образом в ситуации жизненного выбора. Молодое поколение существует в условиях конкуренции ценностных моделей, представленных в информационной сфере, общественно-политической жизни. Выбор, осуществляемый молодыми людьми, и является реальным результатом этой конкуренции. В настоящее время исследования демонстрируют приверженность большей части молодых респондентов ценностям материального благополучия, личного успеха, самореализации. Традиционность и религиозность присутствуют на уровне словесной манифестации, но не оказывают существенного влияния на жизненный выбор.

Ключевые слова: традиция, религия, молодежь, ценности

Для цитирования: Морозов А. А. Традиционность и религиозность в жизненном мире современной молодежи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 401–406.

Traditionality and Religiousness in the Lifeworld of Modern Youth

Andrey A. Morozov

Candidate of Science (in History), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ moroz_may@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Based on the empirical research conducted in 2024 the article aims to reveal the real presence of attitudes and orientations towards traditional values and religion in the consciousness and lifeworld of young people. This presence can be verified only in the context of activities that constitute the main content of young people's lives, as well as their readiness to act in a certain way in the situation of life choices. The young generation exists in the conditions of competition of value models presented in the information sphere, social and political life. The choice made by young people is the real result of this competition. Currently, studies prove that the majority of young respondents are committed to the values of material well-being, personal success, and self-realization. Traditionality and religiousness are present at the level of verbal manifestation, but do not significantly influence life choices.

Keywords: tradition, religion, youth, values

Citation: Morozov A. A. Traditionality and Religiousness in the Lifeworld of Modern Youth. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 4(95). Pp. 401–406 (In Russ.).

В настоящее время в России на уровне государственной политики фиксируется стремление установить ценностный консенсус, способный обеспечить общественное единство. Идея культурного, идеологического, политического плюрализма постепенно

вытесняется из общественного пространства в силу того что, во-первых, она либеральная, во-вторых, в ней артикулируется государственный запрос на консолидацию общества на основе консервативных ценностей. Реальное выражение это находит в кон-

кретных документах, принимаемых на разных уровнях государственной власти. Наиболее значимыми из них стали Основы государственной политики по сохранению и укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей¹, Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения². В образовательных организациях высшего образования введены обязательные курсы «Основы российской государственности» и «История России». Список предпринимаемых мер и проводимых мероприятий достаточно обширен и разнообразен. Значимыми компонентами предлагаемой ценностной модели являются традиционные ценности и религия как одно из базовых их оснований. Поэтому целью нашего исследования стало выявление реального присутствия в сознании и жизненном мире молодежи установок и ориентаций на традиционные ценности и религию. Такое соотнесение возникает неслучайно. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей (далее — Основы) прямо признается, что значительное влияние на формирование традиционных ценностей оказали христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия. Подчеркивается, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

Вместе с тем современное информационное пространство остается разнородным, в нем действуют, по выражению П. Бергера, конкурирующие друг с другом «эксперты по определению реальности» [1, с. 123]. Поэтому вполне обоснованной гипотезой является утверждение о наличии в сознании молодых людей достаточно разнородных элементов, которые с трудом сочетаются на декларативном уровне, и еще менее — на практическом.

В настоящей статье анализируется один из блоков эмпирического исследования на тему «Традиционные ценности и современный мир», который связан с соотнесением религиозных и традиционалистских компонентов в жизненном мире молодежи. Объектом выступали курсанты Омской академии МВД России. Опрос в форме анкетирования проводился в апреле–мае 2024 г. В исследовании участвовало 216 респондентов, что составляет около 20% генеральной совокупности. Применялась случайная выборка. Среди опрошенных юноши составляли

48,1%, девушки — 51,9%. Возраст респондентов: от 18 до 23 лет.

Для определения религиозной или нерелигиозной принадлежности задан вопрос «Причисляете ли Вы себя к последователям какой-либо религии?». Подавляющее число опрошенных (81,5%) назвали себя последователями религий, которые считаются традиционными для России (176 человек). Из них 151 идентифицировали себя православными, 14 — мусульманами, 11 — буддистами. Один человек назвал себя язычником. Остальные 39 респондентов сказали, что не принадлежат ни к одной из религий. Такое распределение ответов дает высокий уровень религиозной самоидентификации. Он вполне согласуется с данными, полученными нами ранее, и результатами других исследователей. Вместе с тем в исследованиях подобного рода возникает вопрос о возможности согласовать самоидентификацию респондентов с их реальной принадлежностью к объявленной группе. Именование себя кем-то еще не означает, что ты им являешься. И конечно, речь не идет о психической неадекватности. Православная или мусульманская самоидентификация нередко определяется факторами нерелигиозного характера, к которым может относиться отождествление этнической и религиозной принадлежности, культурное самосознание, солидарность, информационное воздействие. Мы не ставили перед собой задачу это выяснять в данной работе.

Для проверки реальности самоидентификации мы использовали прагматологический подход к религии, сформулированный нами ранее [2]. В нем в качестве родового понятия в определении религии рассматривается деятельность, соответственно религия рассматривается «как особый вид человеческой деятельности, направленный на достижение совершенства, реализующий стремление к Абсолюту и представляющий опыт священного» [2, с. 74]. Именно деятельность человека позволяет нам реально определять, что он собой представляет. Его конкретные действия, их характер, целевые установки, средства и последовательность в социальном мире позволяют нам идентифицировать конкретную личность.

В отдельном вопросе было предложено оценить по степени значимости и присутствия в собственной жизни различных видов деятельности. Специально и письменно, и устно акцентировалась добровольность участия респондента в такой дея-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.05.2024).

² Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?ysclid=lyvmrcntr204026855> (дата обращения: 10.07.2024).

тельности. Среди 18 вариантов выбора предложены «совершение молитвы» и «участие в богослужении». Оценивание по десятибалльной шкале включало четыре уровня значимости: 0 — полное отсутствие; 1–3 — низкая значимость; 4–7 — средний уровень значимости; 8–10 — высокая значимость. Среди назвавшихся православными (напомню: 151 человек) отсутствие значимости совершения молитвы продемонстрировали 42 (27,8%), участия в богослужении — 64 (42, 38%), низкую значимость показали соответственно 53 (35%) и 44 (29,1%). Таким образом, больше половины выявленных православных не считают значимыми видами деятельности совершение молитвы и участие в богослужении.

Еще одним важным маркером реалистичности заявленной идентичности являются определенные ценностные предпочтения, демонстрируемые молодыми людьми. Респондентам предложили выбрать 10 наиболее важных жизненных ценностей (приоритетов) из предложенных 30. При этом сохранялась возможность дополнить список. Среди тридцати ценностей (приоритетов) располагались «религия» и «спасение души». Среди тех, кто назвал себя православным, только 19 (12,5%) включили в свой список религию, а «спасение души» выбрали два человека. Между тем такие ценности (приоритеты), как «личный успех, карьера», «материальное благополучие», «здоровье» кажутся важными значительно большему количеству молодых людей. Поэтому собственно религиозный мотив религиозной же самоидентификации в связи с этим представляется сомнительным. И деятельностный, и ценностный критерий показали, что словесная манифестация далеко не всегда (менее чем в половине случаев) подтверждается конкретными признаками.

Установление традиционности в том виде, в котором она определяется в официальном дискурсе, также является непростой задачей. В Основах зафиксированы некоторые признаки российской традиционности. Во-первых, традиционные ценности представлены как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России. Во-вторых, дан исчерпывающий список традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В этот список входит 17 ценностей: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. В-третьих, устанавливается неразрывная связь между традиционными ценностями и религиями, являющимися неотъемле-

мой частью российского исторического и духовного наследия, в частности, христианством, исламом, буддизмом, иудаизмом. Особая роль отводится православию. В-четвертых, российские традиционные ценности противопоставлены «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системе идей и ценностей», которые оказывают деструктивное идеологическое воздействие на граждан России. Основным антиподом российским традиционным ценностям объявляются либеральные и глобалистские ценности, о чем неоднократно заявляли патриарх Русской православной церкви Московского Патриархата Кирилл (Гундяев), мусульманские лидеры, многие государственные деятели. Эти враждебные ценности, как правило, связываются с космополитическими силами. Последние же, по мнению сторонников традиционных ценностей, ведут свою разрушительную работу по всему миру.

В своем исследовании мы ориентировались как на общие, так и на частные вопросы, определяющие восприятие традиционных ценностей молодыми людьми. Был задан закрытый вопрос о роли традиции в современном обществе. Из четырех вариантов ответов два выражали негативное отношение к традиции, два — позитивное. Утверждение, что традиция создает общественный застой, способствует сохранению негативных тенденций предшествующего развития, нашло поддержку только у двух респондентов. Непопулярным также оказался ответ, что традиция представляет собой модель социального и индивидуального поведения из прошлого, препятствующую общественному прогрессу. Его поддержали только 11 опрошенных. Подавляющее большинство молодых людей выразили позитивное отношение к традиции. Вместе с тем обращает на себя внимание распределение ответов между вариантами позитивных ответов. Традицию как общественный идеал, определяющий основные направления развития общества, воспринимают 51 респондент (23,6%). А вот вариант «Она дает историко-культурный материал для успешного воспитания молодого поколения» поддержали 151 из них (69,9%). О чем это может свидетельствовать? Очевидное большинство молодых людей при самой позитивной оценке традиции не готовы выстраивать свою жизнь в соответствии с ней. Традиция в данном случае воспринимается в историческом контексте, а не как актуальная основа собственной жизни. Фактически о том же свидетельствуют ответы на вопрос о десяти наиболее важных жизненных ценностях (приоритетах). Традиционность как таковая вошла в число наиболее важных приоритетов только у 16 опрошенных (5,55%). В ходе обсуждений с обучающимися выяснялось, что само понятие традиционных ценностей не только не рефлексировалось, но нередко даже не встречалось им.

Показательным является отношение молодых людей к отдельным объявленным традиционными ценностям. Сам список, приведенный выше, достаточно разнородный. Часть вошедших в него понятий имеют разные варианты интерпретаций и обосновываются в разных мировоззренческих системах по-разному: христианстве в разных его версиях, исламе, секулярном гуманизме, в постмодернистской философии. К таковым относятся достоинство, права и свободы человека, гражданственность, гуманизм, милосердие, справедливость. Кроме того, все эти ценности вполне традиционны не только для России, но и для западных стран.

Однако есть такие российские традиционные духовно-нравственные ценности, которые имеют вполне однозначное содержание для молодых людей. К ним относится, в частности, приоритет духовного над материальным. Об этом неоднократно заявлял Патриарх Кирилл: «Во все времена важнейшей задачей Церкви является обращение сердца человека к Богу, свидетельство о приоритете духовного над материальным, утверждение в жизни людей важности устройства их бытия на основании богоданных нравственных ценностей»³. Об этом же в том же духе рассуждают известные традиционалистские ораторы К. Малафеев, А. Дугин, протоиерей Андрей Ткачев⁴. Конечно, трактовка духовного может быть значительно шире. Однако в любом случае смысл его от этого не меняется. Приоритет духовного над материальным обоснован и в христианской традиции (аскетизм), и в советской — в Кодексе строителя коммунизма (непримиримость к стяжательству).

Нашим респондентам был задан вопрос «Готовы ли Вы признать лично для себя приоритет духовного над материальным?». Положительный ответ дали 75 респондентов (34,72%). Не признавая приоритета духовного над материальным, их равную важность отметили 130 человек (60,18%). Для уточнения позиции молодым людям предложили ответить на вопрос «Как Вы считаете, является ли для современного человека материальное благополучие значимой целью в его жизни?». Из тех, кто признал приоритет духовного над материальным, 41,33% считают материальное благополучие значимой целью вне всякого сомнения, а еще 49,33% признали материальное благополучие значимой целью, но только после духовного. Материальное благополучие признали зна-

чимой целью вне всякого сомнения 78,46% тех, кто признает материальное и духовное благополучие равно важными. Из всей совокупности этих ответов мы можем сделать вывод, что молодые люди, признавшие приоритет духовного над материальным, явно оказались в меньшинстве. Но и среди них более 40% назвали материальное благополучие безусловно значимой целью для современного человека. Следует признать, что современные молодые люди продемонстрировали вполне ординарное признание важности материального благополучия, что проявляло себя вполне и в предшествующих поколениях. По опросу ВЦИОМ, представленному в декабре 2022 г., топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи: высокий уровень благополучия (58%); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%) и возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26%)⁵. Эти жизненные ориентиры определяются ценностями семьи, здоровья, материального благополучия, безопасности.

Еще одна тема в контексте разговора о традиционных ценностях является всем достаточно близкой и понятной. Это тема семьи и семейно-брачных отношений. В Основах среди прочих российских традиционных духовно-нравственных ценностей объявлена «крепкая семья». Относительно ее содержания в Основах можно найти и уточнение. К чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системе идей и ценностей относится отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, что признается угрозой для демографической ситуации в стране. Распространение такой деструктивной идеологии, по мнению авторов Основ, влечет в том числе риски ослабления семейных связей. Нашим респондентам был задан вопрос «Укажите, какая форма семейных отношений является для Вас приемлемой». Первый предложенный вариант «Только зарегистрированный брак с обязательным наличием детей» как раз соответствует традиционным представлениям о семейно-брачных отношениях. Этот вариант ответа выбрали 31,94% респондентов, менее трети от общего числа. Вариант зарегистрированного брака, но без обязательного рождения детей выбрали 6,48% молодых людей. Больше половины (51,38%) опрошенных нами согласны с утверждением, что в данной сфере не может быть

³ *Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXXI Международных Рождественских образовательных чтений* URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5999288.html?ysclid=lyskfr39gp980288931> (дата обращения: 19.07.2024).

⁴ *Азбука традиционных ценностей. Приоритет духовного над материальным.* URL: https://tsargrad.tv/articles/azbuka-tradicionnyh-cennostej_707902?ysclid=lysk9m035p69024039 (дата обращения: 19.07.2024).

⁵ *Ценности молодежи.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=lyu0bf5r7w647405218> (дата обращения: 18.07.2024).

единого образца, у каждого брачные и семейные отношения складываются индивидуально. Еще 10,2% считают, что возможен как зарегистрированный, так и незарегистрированный брак, с детьми или без них. В контексте полученных ответов трудно говорить о принятии молодыми людьми ценности крепкой семьи в тех смыслах, которые создаются в официальном дискурсе.

Полученные ответы о приемлемой форме семейных отношений свидетельствуют о том, что молодые люди в большей части не признают определенную общеобязательную модель, на основании которой они должны выстраивать свою жизнь. В данном случае позиция православной церкви, к последователям которой большая часть респондентов себя относит, никак не отражается на признании права на свое усмотрение планировать семейную жизнь. Мы отдельно не ставили вопрос о желаемом и ожидаемом количестве детей, о репродуктивных установках и планах. Однако такие замеры проводились. В частности, в исследовании динамики репродуктивных установок за 2011–2021 гг., проведенном в Санкт-Петербурге, установлено, что среди молодых людей (18–24 лет) ожидаемое количество детей не изменилось (на уровне 1,56), а желаемое количество детей даже снизилось (до 1,81) [3, с. 33–34]. Справедливости ради необходимо отметить, что эта тенденция не характерна лишь сегодняшнему молодому поколению. Она выражает определенное направление развития индустриального общества, в котором на фоне урбанизации, индустриализации, утверждения идей равноправия полов, открытости социальной структуры происходят изменения и в семейно-брачных, и репродуктивных установках. Конечно, определенное влияние оказывает на репродуктивное поведение распространение антинаталистского контента, формируемого как в средствах массовой информации, так и различными межгосударственными организациями и некоммерческими объединениями. Однако преувеличивать его влияние не следует.

Можно также отметить тенденции, оставшиеся за пределами нашего исследования, но имеющие к нему прямое отношение, — например, распространение среди молодежи леволиберальных интенций [4, с. 143]. Это означает распространение таких гуманистических представлений, которые оставляют право за человеком осуществлять индивидуальный выбор по самому широкому кругу вопросов самоопределения и организации собственной жизни. И наше исследование это тоже подтвердило. Большинство респондентов признали, что в семейно-брачных отношениях не может быть единого образца, у каждого брачные и семейные отношения складываются индивидуально. При этом религиозная самоидентификация не влияла

на содержание ответа. Большинство выбравших индивидуалистический ответ составляли те, кто назвал себя православным.

Когда исследователи говорят о признании населением важности религии в традиционных и привычных институциональных и персональных формах, сохраняющихся в культурной памяти как основание нравственных норм и фольклорных традиций [5, с. 132], то они фактически подтверждают периферийный характер места религии в жизненном мире человека.

Подводя итоги нашей конкретной работы, отметим прежде всего, что подобного рода исследования займут в перспективе серьезное место в социогуманитарных и социально-философских исследованиях. Немаловажное место в них будут играть локальные исследования регионального, группового уровня, соотнесение результатов которых позволит создать целостную картину протекающих процессов.

Значимость таких исследований задается складывающейся внутри России ситуацией, которую можно охарактеризовать как «консервативный» и «моральный» поворот, «дискурсивный сдвиг», формирование «нового идеологического нарратива» [6, с. 70]. Но в силу того, что этот поворот еще осуществляется в настоящее время, существует значительное количество драматических коллизий и на уровне формирования этого нового нарратива, и на уровне его восприятия, особенно молодежью. В первом случае речь идет о том, что сам этос предложенных традиционных российских духовно-нравственных ценностей до конца не сформировался. То, что дан их некий завершённый список, полностью не решает проблему. Часть из указанных ценностей могут иметь разнообразную трактовку, помещенную в разный идеологический контекст, который тоже окончательно не определен. Однако значимым элементом этого культурного контекста ценностей объявлены религиозность и традиционность. На уровне индивидуального восприятия существует не меньше затруднений в процессе продвижения в массовое сознание традиционных ценностей: для многих они оказываются новыми и альтернативными. В нашем исследовании мы установили, что манифестируемые вербально религиозность и традиционность не подтверждаются ценностным и практическим выбором, который в большей степени ориентирован на модель общества потребления, достижение материального благополучия, личного успеха и самореализации. Религиозная самоидентификация и позитивное отношение к традиции находят место, скорее, как декоративные элементы жизни, но не входят в основное ее содержание.

Список источников

1. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Социологические исследования. 2011. № 1.
2. Морозов А. А. Праксеологические основания религии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4(71).
3. Аргунова Е. В. Динамика репродуктивных установок петербурженок фертильного возраста (2011–2021) // Социологические исследования. 2023. № 7.
4. Горбатов А. В., Горбатова М. М. Постмодернистский мир и религиозные ценности в оценке молодежи Западной Сибири // Религиоведение. 2023. № 1.
5. Маркова Н. М., Аринин Е. И., Бендин А. Ю., Карасева С. Г., Петросян Д. И. Вернакулярное правоверие и религиозная идентичность: глобальное, локальное и глокальное (Беларусь и Россия) // Религиоведение. 2023. № 1.
6. Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития. 2023. № 4(111).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!